

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. Вернадского

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Том 7 (73). № 4

Симферополь
2021

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 7(73), № 4

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки» является историческим правопреемником журнала «Известия Таврического университета», который издался с 1919 года.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 24.00.03 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 8 от 28.12.2021 г.

Редакционный совет журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки»:

Непомнящий Андрей Анатольевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор – главный редактор;

Аксенова Галина Владимировна – профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного института, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Борщик Наталья Дмитриевна – профессор кафедры документоведения и архивоведения исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Герцен Александр Германович – декан исторического факультета, заведующий кафедрой археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Коноратюк Григорий Николаевич – профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», доктор исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Кривоша Елена Сергеевна – профессор кафедры философии, директор Музея истории университета ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор;

Крамаровский Марк Григорьевич – ведущий научный сотрудник отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Науменко Валерий Евгеньевич – доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», кандидат исторических наук, имеющий ученое звание доцент (г. Симферополь);

Майко Вадим Владиславович – директор ФГБУН «Института археологии Крыма РАН», доктор исторических наук (г. Симферополь);

Мосейкина Марина Николаевна – профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Москва);

Петрова Элеонора Борисовна – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Платонова Надежда Игоревна – ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник (г. Санкт-Петербург);

Романько Олег Валентинович – профессор кафедры истории России исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Степаненко Валерий Павлович – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессора (г. Екатеринбург);

Тихонов Игорь Владимирович – заведующий Музеем истории Санкт-Петербургского университета, доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Санкт-Петербург);

Тункина Ирина Владимировна – директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, доктор исторических наук, имеющий ученое звание старший научный сотрудник, член-корреспондент РАН (г. Санкт-Петербург);

Хлевова Александр Алексеевич – профессор кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Северо-западный государственный университет»; профессор кафедры истории и международных отношений историко-филологического факультета (структурное подразделение) Филиала Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, доктор философских наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Храпунов Игорь Николаевич – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь);

Щевелев Сергей Стефанович – профессор кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского», доктор исторических наук, имеющий ученое звание профессор (г. Симферополь).

Подписано в печать 28.12.2021. Формат 70x100 1/16 усл. п. л. Заказ № НП/463. Тираж 33 экз.

Бесплатно. Дата выхода в свет 08.02.2024 г.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ «ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Адрес редакции, издательства и типографии:

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7 <http://sn-histor.cfuv.ru>

УДК 94(47).048

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-4-3-19

ГАРНИЗОН НЕРЧИНСКА В КОНЦЕ 1689–1691 ГГ.

Багрин Е. А.

*Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: egor-bagrin@yandex.ru*

На основе опубликованных и неопубликованных источников рассматривается формирование гарнизона Нерчинска в 1689–1691 гг. В этот период правительство России стремилось значительно увеличить военный контингент, расположенный в Даурии, для обороны восточных границ от набегов монголов и вторжения войск Цинской империи. К нерчинским конным казакам, составлявшим основу гарнизона, прибавили ратников, оставшихся от полка Афанасия Бейтона и гарнизона Албазинской крепости, новоприборных стрельцов Иркутского и Енисейского уездов и служилых людей из сибирских полков Павла Грабова и Антона Смаленберга, прибывших в Забайкалье с «посольским» войском Ф.А. Головина. Последние были полностью выведены из Нерчинска в 1691 г. В статье отмечены некоторые особенности несения службы нерчинским гарнизоном и приведены имена части ратников, входивших в состав военных сил Нерчинска и Телебинска в 1689–1691 гг.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, история, Сибирь, Забайкалье, Даурия, Нерчинск.

После заключения Нерчинского договора 1689 г., установившего первую официальную границу с Китаем, правительство России было озабочено укреплением восточных рубежей [2; 6; 7; 8; 15]. К моменту конфликта с Цинской империей Иркутск, Селенгинск, Нерчинск и Албазин, контролировавшие огромную территорию, имели гарнизоны, насчитывавшие только 150–200 ратников, которые, к тому же, были распределены по небольшим уездным крепостям [7]. В случае опасности, число защитников могло быть увеличено за счет промышленных людей и пашенных крестьян, но их также было немного. Военные действия в Даурии показали, что для войны с государством, имеющим сильную регулярную армию, оснащенную артиллерией, этих сил недостаточно [2; 3; 13; 14]. Нужно было срочно увеличить численность военного контингента, размещенного в регионе на постоянной основе. Вопрос о повышении обороноспособности русской территории в Забайкалье решался в течение конца 1689–1691 гг. В этот период штат всех гарнизонов даурских крепостей существенно изменился по сравнению с предыдущими годами. Наиболее обстоятельно основные этапы этого процесса раскрыты в известной монографии Г. А. Леонтьевой «Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов)» [7]. Задачей данной статьи является детализация изменений, произошедших в конце 1689–1691 гг. в гарнизоне Нерчинска. В исследовании использованы неопубликованные документы из Российского государственного архива древних актов.

После разрушения Албазина осенью 1689 г., вследствие выполнений условий Нерчинского договора, Нерчинск стал самым крупным опорным пунктом России на юго-востоке. В этот период его гарнизон был значительно увеличен. К нерчинским служилым людям присоединились остатки полка Афанасия Бейтона и гарнизона Албазинской крепости, ратники из сибирских полков Павла Грабова и Антона Смаленберга, входившие в «посольское» войско Ф. А. Головина и новоприборные стрельцы, набранные преимущественно в Иркутском уезде [7, с. 52–53]. В материалах статьи мы рассмотрим каждую из этих воинских корпораций и отметим некоторые особенности несения службы гарнизоном Нерчинска в конце 1689–1691 гг.

1. Нерчинские «старые жилые» конные казаки. По царскому указу гарнизон Нерчинска должен был состоять из 6 детей боярских и 200 чел. казаков «конной службы»¹. В документах их называли «старые жилые» или «коренные» нерчинские казаки. Силы гарнизона распределялись между Нерчинском и контролируемые из него уездными крепостями: Теленбинской, Иргенской, Еравинской, Итанцынской, Аргунской и на «усть Читы»². В 1690 г. в Нерчинске оставались 98 конных казаков, а 70 чел. служили в 6–ти других крепостях. Общий штат людей конной службы оказался меньше положенных двухсот человек, т.к. 5 чел. из их числа были поверстаны в дети боярские, 2 чел. служили толмачами, 2 пушкарями, 6 чел. были в «ссылках по разным службам». Кроме того, 3 чел. были в приказной избе на должностях подъячего, целовальника и сторожа. Все эти люди «выпали» из цикла, выполняемых конными казаками служб. Поэтому последние просили поверстать 5 чел. вместо «выбылых в дети боярские»³, а в приказную избу взять «против иных городов из всех чинов, а не из нас, холопей ваших» [12, л. 93, 259–260, 279–280].

Здесь мы приведем имена среднего и младшего командного состава (пятдесятников и десятников) и части рядовых, упомянутых в челобитных и других документах, касающихся дел в Нерчинске в конце 1689–1691 гг. (таблица 1).

¹ Конная служба считалась престижной, т.к. конные казаки получали больше 7 руб. годового жалованья, а пешие казаки 5 руб. В 1689 г. в Иркутске, Селенгинске и Албазине служилые люди получали «пешие» оклады и только в Нерчинске – «конные». Хотя по факту во всех этих острогах служба была связана с выполнением обязанностей, требующих наличия лошадей.

² Телембинск, Иргенск, Еравинск, Аргунск в этот период были острогами, Итанцынск – зимовьем. Был еще Борзинск, который упомянут в августе 1690 г. в числе центров сбора ясака в нерчинских острогах и зимовьях [11, л. 68].

³ В документах этого периода упоминаются нерчинские дети боярские: Позняков Стефан Семенов сын [11, л. 40 об., 73–76, 176 об., 177 об.], Попов Иван Иванов сын, Жеребцов Бажен Никитин сын, Логин Матвеев [11, л. 70–72, 169]. В начале ноября 1690 г. Нерчинский сын боярский Василий Алексеев сын Казанцев ездил по Онону к реке Унде для встречи с бурятами, желавшими вернуться в российское подданство [11, л. 5–9, 10 об.]. Нерчинский сын боярский Семен Молодой 5 февраля 1691 г. был в Москве с документами о доходах в Иркутском и других байкальских острогах, посланных бывшим даурским воеводой И. Власовым [12, л. 112 об.]. В июне 1690 г. к делам привлекали отставного нерчинского сына боярского Игнатя Милованова Михайлова сына [12, л. 109–109 об.].

Таблица 1. Нерчинские конные казаки, упомянутые в челобитных 7198–7199 гг. (1689/1690–1690/1691). [12, л. 259–260 об., 263–263 об.¹].

<i>Сотенной</i>
Иван Шушанин ²
<i>Пятидесятники</i>
Казаринов Афонасий ³
Плотников ⁴ Агапит (Агапитко) Ларионов сын
Свешников Филип (Филка) Яковлев сын ⁵
Софронов Афонасий (Афонка)
Милованов Васка
Пушков (Пешков?) Федка ⁶
<i>Десятники</i>
Алимпиев Федор (Федка)
Астраханцов Ивашко
Балаганской Михаил (Мишка)
Васильев Андрюшка
Еремеев Афонасий (Афонка)
Плотников Андрей (Андрюшка) Ларионов сын ⁷
Леонтьев Василий (Левонтьев Васка) ⁸
Логинов сын Петровых Никита (Микитка) ⁹
Мылник Андрей
Носов Юрий (Юшко) Иванов сын ¹⁰

¹ Часть служилых людей добавлена из других челобитных этого периода. Все они отмечены в сносках.

² Был грамотен. В начале ноября 1690 г. ездил по Онону к реке Унде для встречи с бурятами, желавшими вернуться в российское подданство [11, л. 5–9].

³ В ноябре 1690 г. собирал ясак с ясачных теленбинских оленных тунгусов на Акиме реке в верховьях Нерчи [11, л. 45–51].

⁴ Часто пишется без фамилии как Ларионов Агапит. Пользовался большим доверием и уважением в нерчинском гарнизоне. Обычно при перечислении пятидесятников в документах, упоминается на первом месте. 23 ноября 1689 г. он вместе с товарищами привез из Москвы жалованье для войска Ф. А. Головина и гарнизонов даурских острогов [12, л. 5, 7]. Упомянут так же как поручитель за С. Поликарпова. В 1691 г. распоряжался вопросами выдачи жалованья нерчинским казакам. В ноябре 1690 г. собирал ясак с ясачных теленбинских оленных тунгусов на Акиме реке в верховьях Нерчи [11, л. 45–51, 34–35, 177].

⁵ В т.ч. упомянут как поручитель за С. Поликарпова. В ноябре 1690 г. собирал ясак с ясачных теленбинских оленных тунгусов на Акиме реке в верховьях Нерчи [11, л. 45–51, 177].

⁶ [12, л. 119 об.].

⁷ Часто пишется без фамилии как Ларионов Андрей. В начале ноября 1690 г. ездил по Онону к реке Унде для встречи с бурятами, желавшими вернуться в российское подданство [11, л. 5–9]. Упомянут как поручитель за С. Поликарпова и сборщик ясака в августе 1691 г. [11, л. 177].

⁸ В т.ч. упомянут как поручитель за С. Поликарпова и сборщик ясака (август 1691 г.) [11, л. 68, 177].

⁹ В т.ч. 13 июля 1691 г. принял в управление Теленбинский острог [11, л. 70].

¹⁰ В т.ч. 13 июля 1691 г. сдал в управление Теленбинский острог Н. Логинову [11, л. 70].

Плотников Андрей ¹
Портняга Степан (Стенка)
Рожнев Дмитрий (Митка)
Сенотрусов Стефан (Стенка)
Телицын Яков (Якушко)
Лебедев Ефрем (Ефремко) Федоров сын ²
Юдин Карп (Карпушка) ³
Яковлев Степан (Стенка)
<i>Рядовые</i>
Абросимов Максимко
Абросимов Петрушка
Амосов Василий ⁴
Аньфимов Иван ⁵
Балаганской Федка
Бобров Василь ⁶
Буторин Алексей ⁷⁸
Булатов Сенка
Вавилов Андрюшка Иванов сын ⁹
Васильев Андрюшка
Веревкин Гаврило Максимов сын ¹⁰
Ветряной Иван ¹¹
Галка Яков ¹²
Гришаев Васка
Гурылев Сенка

¹ В т.ч. упомянут как сборщик ясака (август 1691 г.) [11, л. 68].

² В 1690 г. служил в Телембинском остроге. Поручился за К. Кириллова [11, л. 169].

³ У десятника К. Юдина был сын Данило. Его вместе с нерчинскими казаками он отправлял получить свое жалованье, которое в 1796 и 1797 гг. составляло 8 р., а в 1798 г. – 7 р. с четвертью [11, л. 34 об.].

⁴ Упомянут как сборщик ясака (август 1691 г.) [11, л. 68].

⁵ В т.ч. в декабре 1690 г. собирал ясак у ясачных теленбинских оленных тунгусов на Акиме реке в верховьях Нерчи. Упомянут как сборщик ясака и в августе 1691 г. [11, л. 45–51, 68].

⁶ В ноябре 1690 г. собирал ясак с ясачных теленбинских оленных тунгусов на Акиме реке в верховьях Нерчи [11, л. 45–51, 34–35, 177].

⁷ В т.ч. в декабре 1690 г. собирал ясак у ясачных теленбинских оленных тунгусов на Акиме реке в верховьях Нерчи. Упомянут как сборщик ясака и в августе 1691 г. Был грамотен, умел писать [11, л. 45–51, 68].

⁸ Ездил для переговоров с людьми Бушуктухана в 1690 г. [12, л. 70].

⁹ В т.ч. упомянут как поручитель за И. Стукова и как сборщик ясака (август 1691 г.) [11, л. 68, 174].

¹⁰ Поручитель за И. Стукова. В апреле 1691 г. был нарядчиком в Нерчинске, следил за аманатами, в связи с чем имел в подчинении «полковых» стрельцов [11, л. 41–43 об., 174–174 об.].

¹¹ Упомянут как сборщик ясака (август 1691 г.) [11, л. 68].

¹² Городовой толмач. Упомянут как сборщик ясака (август 1691 г.) [11, л. 68, 83 об.].

Дмитриев Иван ¹
Дунаев Борис ²
Евсевьев Самсон ³
Ерасимов Васка
Зябликов Федор ⁴
Ивдокимов Епишка
Калмак Яков ⁵
Кириллов Кирюшка ⁶
Козмин Ивашко
Козмин Наумко ⁷
Козмин Сенка
Конков Ерофейко
Косой Дмитрий Тимофеев сын ⁸
Кудяров (Худяров) Михаил Петров сын ⁹
Максимов Федка
Молодой Прокопей Андреев сын ¹⁰
Носков Афонька ¹¹
Обросимов Максимко
Опрелков Ивашко ¹²
Опрокидней Афонасий ¹³

¹ В декабре 1690 г. собирал ясак у ясачных теленбинских оленных тунгусов на Акиме реке в верховьях Нерчи [11, л. 45–51].

² Упомянут как сборщик ясака (август 1691 г.). Имел свою деревню (заимку), приезжал на некоторое время жить в Нерчинск. На заимке Б. Дунаева жили служилые люди Федот Макаров, Матвейко и Иван Фокины, промышленный человек Ивашко Андреев сын Фунтусов [11, л. 21–22 об., 68].

³ Сопровождал нерчинского сына боярского Семена Молодого в Москву с документами, касающимися передачи Нерчиска И. Власовым Ф. Скрипицыну. 7 января 1691 г. привез в Москву челобитную от нерчинских казаков [12, л. 101, 135 об.]

⁴ Толмач. В начале ноября 1690 г. ездил по Онону к реке Унде для встречи с бурятами, желавшими вернуться в российское подданство [11, л. 5–9].

⁵ В т.ч. в декабре 1690 г. собирал ясак у ясачных теленбинских оленных тунгусов на Акиме реке в верховьях Нерчи. Упомянут как сборщик ясака и в августе 1691 г. [11, л. 45–51, 68].

⁶ Промышленный человек. 1 сентября 1690 г. поверстан в «убылое место» вместо Савы Епифанова сына Томского [11, л. 168–168 об.].

⁷ В т.ч. упомянут как участник нападения в марте 1691 г. на ясачных братских людей на Курлыче [11, л. 79].

⁸ Поручитель за осужденного «полкового» стрелца О. Евдокимова Лабзу [11, л. 40].

⁹ Поручитель за И. Стукова и С. Поликарпова [11, л. 174–174 об., 177].

¹⁰ Поручитель за И. Стукова [11, л. 174–174 об.].

¹¹ Упомянут как сборщик ясака (август 1691 г.), «приложил руку» за своих товарищей в челобитной [11, л. 68 об., 85].

¹² В ноябре 1690 г. торговал и жил в юртах ясачных теленбинских оленных тунгусов на Акиме реке в верховьях Нерчи. Выменивал у них скот на табак и китайские луки [11, л. 45–51].

¹³ Упомянут как сборщик ясака (август 1691 г.) [11, л. 68].

Опрокиднев Сергей Василев сын ¹
Ларионов Елизар ²
Пантелеев Иван сын Петровых (убыл) ³
Полетаев Никита Кирилов сын ⁴
Поляков Тихон ⁵
Поспелов Омелка (Емельян) Сергеев сын ⁶
Поликарпов Савка сын Петровых ⁷
Птицын Василей Петров сын ⁸
Свешников Тимофей ⁹
Свинин Максимко ¹⁰
Семенов Данилко ¹¹
Стуков Илюшка Федоров сын ¹²
Стуков Никифор (убыл) ¹³
Судейкин Якушка ¹⁴
Суетин Листка (толмач) ¹⁵
Салдатов Григорей Дмитриев сын ¹⁶
Тарара Алексей Артемьев сын ¹⁷

¹ Поручитель за И. Стукова [11, л. 174–174 об.].

² Поручитель за И. Стукова [11, л. 174–174 об.].

³ [11, л. 176–176 об.].

⁴ В т.ч. упомянут как поручитель за И. Стукова и С. Поликарпова. В августе 1691 г. ездил в верховья р. Ингоды по вестям о нападении монголов на ясачных тунгусов [11, л. 56–56 об., 174–174 об.].

⁵ В начале ноября 1690 г. ездил по Онону к реке Унде для встречи с бурятами, желавшими вернуться в российское подданство. В январе 1691 г. обвинялся в том, что пьяный напал с ножом на стольника Алексея Минича. Сам Т. Поляков доносил о том, что был избит людьми стольника [11, л. 5–9, 23–24].

⁶ В т.ч. упомянут как поручитель за С. Поликарпова и сборщик ясака (август 1691 г.) [11, л. 68, 177].

⁷ Нерчинский «казачий» брат Савка Поликарпов 24 мая 1691 г. приверстан в «убылое место» вместо своего брата Ивана Пантелеева сына Петровых [11, л. 176–176 об.].

⁸ В начале ноября 1690 г. ездил по Онону к реке Унде для встречи с бурятами, желавшими вернуться в российское подданство. Поручитель за И. Стукова и С. Поликарпова [11, л. 5–9, 174–174 об., 177].

⁹ В начале ноября 1690 г. ездил по Онону к реке Унде для встречи с бурятами, желавшими вернуться в российское подданство [11, л. 5–9].

¹⁰ Был грамотен. Прикладывал руку за нерчинских пятидесятников и толмачей [11, л. 45 об., 58 об.].

¹¹ Толмач с тунгуского [11, л. 60–60 об.].

¹² Промышленный человек Илюшка Стуков 13 марта 1699 г. поверстан в нерчинские конные казаки в «убылое место» вместо своего брата Никифора Стукова [11, л. 173–174].

¹³ [11, л. 173–174].

¹⁴ Ездил для переговоров с людьми Бушуктухана в 1690 г. В апреле 1691 г. судился с Алексеем Коршуновым в деле о краже соболей [11, л. 64–65 об.; 12, л. 70].

¹⁵ Толмач. Ездил для переговоров с людьми Бушуктухана в 1690 г. [12, л. 70].

¹⁶ Поручитель за И. Стукова [11, л. 174–174 об.].

¹⁷ Поручитель за И. Стукова [11, л. 174–174 об.].

Табунщик Левка (Леонтий) Никитин сын ¹
Титов Микитка сын Варламовых ²
Томской Семен (Сенка) ³
Томский Сава Епифанов сын (убыл до 1 сентября 1690 г.) ⁴
Травников Иван ⁵
Тюфяков Филипп Иванов сын ⁶
Уваров Василий ⁷
Усков Трошка
Федоров Афонасей ⁸
Фомин Максим ⁹
Хилинов Марчко ¹⁰
Шайдуров Родион ¹¹
Чернецких Максим ¹²
Чикма Василий ¹³
Чюпров Пахом ¹⁴
Ясыров Иван Иванов сын (убыл до 1 сентября 1690 г.) ¹⁵

В рассматриваемый период нерчинцы были озабочены улучшением своего материального положения. Казаки просили правительство компенсировать им

¹ [11, л. 36–40 об.].

² В т.ч. упомянут так же как поручитель за С. Поликарпова [11, л. 177].

³ В т.ч. в ноябре–декабре 1690 г. торговал и собирал ясак у ясачных теленбинских оленных тунгусов на Акиме реке в верховьях Нерчи. Упомянут как сборщик ясака и в августе 1691 г. [11, л. 45–51, 68].

⁴ [11, л. 168–168 об.].

⁵ В августе 1691 г. ездил в верховья р. Ингоды по вестям о нападении монголов на ясачных тунгусов [11, л. 56–56 об.].

⁶ Поручитель за С. Поликарпова [11, л. 177].

⁷ В августе 1691 г. ездил в верховья р. Ингоды по вестям о нападении монголов на ясачных тунгусов [11, л. 56–56 об.].

⁸ упомянут как сборщик ясака (август 1691 г.) [11, л. 68].

⁹ В апреле 1691 г. бил челом вместо хлебного жалованья получить «пахотные земли вниз по Шилке реке по правую сторону Шилки от нижних шивков подле протоку доормолина лугу пустые место под дворовое место и под скотской выпуск и под сенные покосы и с рыбной ловле в вместе с нерчинским с казачьим пятидесятником с Онцыфором Кондратовым сыном по обе стороны Шилки реки». Просьба удовлетворена [11, л. 67].

¹⁰ Был грамотен. Например, прикладывал руку за десятника К. Юдина, городского толмача Якова Галку, а так же в судебных делах [11, л. 4, 17, 20, 22об., 23 об., 25 об., 34 об. и др.].

¹¹ Сын казачий, упомянут как сборщик ясака (август 1691 г.), «приложил руку» за своих товарищей в челобитной [11, л. 68, 69 об.].

¹² Упомянут как сборщик ясака (август 1691 г.) [11, л. 68].

¹³ В начале ноября 1690 г. ездил по Онону к реке Унде для встречи с бурятами, желавшими вернуться в российское подданство [11, л. 5–9].

¹⁴ В августе 1691 г. ездил в верховья р. Ингоды по вестям о нападении монголов на ясачных тунгусов [11, л. 56–56 об.].

¹⁵ [11, л. 162].

большой ущерб, причиненный во время посольских переговоров Ф. А. Головина с представителями Китая в августе 1689 г. под Нерчинском. Они почти непрерывно несли службу в «отъезжих караулах и дальних подъездах», т.к. хорошо знали местность. В это время ясачные брацкие и онкотские люди перешли на сторону маньчжуров. Они ограбили и сожгли казачьи заимки, увели жен и детей, потоптали на полях хлеб и отогнали скот. В бою с изменниками нерчинцы потеряли 20 чел. убитыми и 40 чел. ранеными. Кроме того, они участвовали в строительстве новых укреплений Нерчинска. При этом им пришлось выполнить значительную часть работ. Московский и сибирские полки Ф. А. Головина, насчитывающие более 1600 чел., «поставили» две стены и четыре башни. На долю же 200 служилых людей Нерчинска выпало построить «две ж стены и башни и в городе казенные анбары и зелейные погребы, и воевоцкие дворы и аманацкие избы». Все это потребовало больших финансовых трат: «а наймы даем болшие выше нашей мочи, от двух стен тысяча рублей»¹ [12, л. 264]. 6 октября 1690 г. за свои заслуги они получили награду – золоченые копейки [12, л. 3].

2. «Полковые выборные» служилые люди из сибирских полков Павла Юрьевича Грабова и Антона Юрьевича Смаленберга. После окончания переговоров и заключения Нерчинского договора войско посла Ф. А. Головина, состоявшее из Московского полка и двух «выборных сибирских», было расформировано. Московские стрельцы отправились в Москву вслед за послом и покинули Сибирь к концу 1690 г. Сибирские полки были размещены в Удинске и Нерчинске. С учетом остатков полка Афанасия Бейтона – 91 человека, переведенного из разрушенного Албазина в Нерчинск и новоприборных стрельцов из Иркутска и Енисейска, они насчитывали 1126 человек [12, л. 288].

Еще в самый разгар конфликта правительство приказывало Ф. А. Головину, наделенному в даурских острогах высшей военной властью, в случае разрушения Албазина, отойти с войсками в Удинск, а Нерчинск усилить 100 конными казаками. Ф. А. Головин, следуя указу и исходя из понимания ситуации на месте, оставил в Нерчинске 200 чел. «конных и пеших стрельцов», из входивших в состав «посольского» войска сибирских полков Павла Грабова и Антона Смаленберга. В Удинске размесились 835 чел. [12, л. 161, 283, 288, 291, 300, 335 и др.]. Оставленным в Нерчинске ратникам, предписывалось быть там «для всякой де опасности от приходу воинских людей и для строения Аргунского острогу, и для рудоплавного серебряного заводу» [12, л. 243].

Из именной росписи можно узнать состав людей, которые были отправлены в Нерчинск (Таблица 2).

---

¹ Таким образом, в среднем, нерчинские казаки собирали на строительство по 5 руб. с человека при годовом жалованье 7 руб.

Таблица 2. «Выборные» и «новоприборные» служилые люди из «посольского» войска Ф. А. Головина, размещенные в Нерчинске в 1690 г. [5, С. 99–117].

«Выборные» служилые люди		
Категории служилых людей	полк П. Грабова	Полк А. Смаленберга
Литовский список (Тобольск)	2	–
Литва из рейтра (Тобольск)	3	–
Конные казаки из рейтар (Тобольск)	3	–
Конные казаки (Тобольск)	–	1
Пешие казаки	3	–
Стрельцы (Тобольск)	10	1
Литвы и конных казаков дети, братья и племянники (Тобольск)	6	–
Пеших казаков дети, братья и племянники (Тобольск)	17	–
Драгуны исецких слобод	10	21
Стрельцы и пешие казаки (Тюмень)	16	–
Казачьи дети (Нарым)	4	9
Казачьи дети (Томск)	–	–
Казаки, стрельцы и казачьи дети (Енисейск)	21	2
Пешие казаки и казачьи дети (Илимск)	–	9
«Краснояры» казачьи дети	–	3
Записанные без разграничения. Вероятно, стрельцы и дети, братья и племянники разных категорий служилых людей	33	–
Всего:	≈ ¹ 174	
«Новоприборные» служилые люди		
Иркутские стрельцы из промышленных и гулящих людей	≈ 26	
Всего:	≈ 26	
Итого:	200	

20 января 1691 г. правительство России вынесло решение о перемене «выборных» сибирских полков в Даурии, а 19 февраля 1691 г. приказало «рописать

¹ Цифра приблизительная, так как список, к сожалению, не полный. В нем нет большей части илимских и верхоленских служилых людей.

всех на двое пополам через человека. И первую половину оставить до указа в Удинску, а другую половину и которые тех же городов выборные оставлены в Нерчинску, и тех всех, опричь албазинских старых и новых, и опричь иркуцких и иных городов новоприборных, отпустить в те города ис которых они они присланы были. А в Нерчинск к старым служилым и к албазинским к старым и новым для опасности от приходу воинских людей послать в прибавку из Удинска иркуцких и иных городов новоприборных по имянному списку, которые прибрать из гулящих и ис промышленных людей, и служить им пешую службу» [12, л. 164, 288].

Таким образом, в 1691 г. «сибирские полковые выборные» служилые люди полностью выводились из Нерчинска. Точная дата выхода их из города автору неизвестна, однако до конца августа 1691 г. они еще были в Нерчинске¹. Для того, чтобы боеспособность гарнизона оставалась на прежнем уровне их замещали иркутские новоприборные стрельцы из Удинска.

Из Нерчинска «полковые» отправлялись в Иркутск в сопровождении нерчинского сына боярского, который должен был смотреть за порядком и уберегать их от «воровства» чтобы «ясачных и неясачных людей от нашей великих государей милости не отгонили». Сопровождающий отвечал за порядок материально, т.к все потенциальные убытки приказывалось возместить за его счет. Из Иркутска на место прежней службы ратников сибирских полков сопровождали иркутские дети боярские, которые также должны были «дорогою вести их во всякой крепости и береженье, и воли ни в чем им давать не велеть. И приказать накрепко, чтоб они, идучи дорогою, в городех и во всяких местех, и на станех дурна никакова, и грабежу, и насилства, и разорения никому не чинили и безденежно ни у кого ничего не имали» [12, л. 175, 202].

3. «Старые и новоприборные» албазинцы. В гарнизон Нерчинска также включили «остальных албазинских осадных сидельцов старых и новоприборных», «окладных и безокладных». Всего не менее 93 чел. «Старые» албазинцы – это люди, бывшие в гарнизоне Албазинского острога на момент его уничтожения в 1685 г., они же защищали его во время второй осады 1686 г. К 1689 г. из 200 чел. в живых осталось только несколько человек. «Новоприборные» – это служилые люди из полка Афанасия Бейтона, прибывшие в Даурию в 1685 г. из Тобольска, Верхотурья, Тюмени и Туринска. В Нерчинск 600 ратников пришли неравномерными партиями из-за «воровства» некоторых из них в дороге под предводительством пятидесятника Митки Дадыкина. Поэтому в Албазин в 1686 г. попали примерно 500 чел., а около 100 чел. остались в Нерчинске. Большая часть из ратников, бывших в осаде Албазинской крепости, погибла. После ухода китайского войска от Албазина в 1687 г., часть людей из полка А. Бейтона, находившихся в Нерчинске влились в

¹ «Сибирские полковые выборные» служилые люди часто упоминаются в нерчинских документах 1691 г. Например, в апреле 1691 г. полковые стрельцы участвовали в судебном деле о краже Обрамом Евдокимовым сыном Лабзой зерна у нерчинского казака Л. Никитина. 22 августа 1691 г. полковой стрелец Ивашко Дорофеев прикладывал руку за нерчинских казаков [11, л. 36–40 об., 56 об.].

албазинский гарнизон. Они были там до разрушения крепости в 1689 г. «Старые» и «новоприборные» албазинцы несли службу пеших казаков и стрельцов и относились к «окладным» ратникам, т.е. получали установленное государством жалованье. «Безокладные» албазинцы – это крестьяне, торговые и промышленные люди Албазинского уезда, защищавшие острог вместе со служилыми людьми и несшие с ними все службы «в ряд». После прихода в Нерчинск многие из них изъявили желание остаться на военной службе. В докладном письме правительству от 26 января 1691 г. Ф. А. Головин предложил не возвращать «новоприборных» домой в Западную Сибирь, а оставить их на постоянную службу в Нерчинске. К его мнению прислушались. Не смотря на челобитную служилых людей из полка А. Бейтона о переводе их в родные города, все они влились в нерчинский гарнизон, следуя царским указам от 19 февраля и 20 марта 1691 г. [12, л. 164, 169, 203, 285, 292 и др.].

Ф. А. Головин постановил за заслуги в борьбе за Албазинскую крепость перевести пеших албазинских казаков в нерчинские конные казаки и взять на службу их детей, а крестьян зачислить в пешие казаки [1, с. 372]. По-видимому, процесс этот происходил постепенно, т.к. он основывался на зачислении в «убылые места». В течение 1691 г. албазинцы индивидуально и группами несколько раз обращались к нерчинскому воеводе с просьбой о переводе их в новую категорию в соответствие с резолюцией Ф. А. Головина.

Руководство албазинцами осуществляли пятидесятники Василий Смиренников, Митка Дадыкин, Лучка Пушкинов и Филка Иванов [12, л. 141–141 об.]. Албазинский толмач Артемий Мунгал был произведен в пешие казаки, но по-прежнему выполнял функции переводчика [11, л. 58 об.]. Выходцы из Албазина долгое время сохраняли обособленность своей военной корпорации от других военных.

В документах подчеркивалась их принадлежность полку А. Бейтона. Например, в деле о погроме ясачных братских людей в марте 1691 г. Василий Смиренников отмечен как «нерчинской Байтонова полку пятидесятник», в апреле 1691 г. Ларион Калинин сын Бекетов «Афанасева полку Фан Бейтона» проходил по судебному делу о краже, а рядовые, бывшие в Теленбинском остроге в июле 1691 г., числились как «пешие служилые люди Байдонова полку» [11, л. 52–53 об., 72, 79].

Также среди албазинцев были те, кого в июле 1688 г. Ф. А. Головин поверстал в пешие казаки «в албазинскую службу на вечное житье», из числа ратников добровольцев своего войска и промышленных людей из Иркутска. Всего 31 чел. [4, с. 171–172; 10, л. 50–52 об.].

4. Иркутские новоприборные стрельцы. Ф. А. Головин, отправляясь в Даурию, планировал набрать в свое войско 400 чел. из свободного населения сибирских уездов. Однако в реальности он смог поверстать в стрельцы только 202 чел. Большая их часть – не менее 180 чел. были промышленные и гулящие люди Иркутского уезда. Часть из них пришла в Нерчинск с авангардным отрядом С. Богатырева весной 1687 г. После заключения Нерчинского договора большая

часть иркутян находилась Удинске. Зимой 1691 г. было принято решение вывести из Нерчинска всех «выборных полковых» сибирских ратников и на их место отправить 83 иркутских новобранца из Удинска [4].

Таким образом, общая численность ратников в Нерчинске в конце 1689–1690 гг. составила около 550–600 чел., а в 1691 г. после вывода сибирских «полковых» и пополнения гарнизона за счет новобранцев – 450–500 чел. Г. А. Леонтьева отмечает, что казачий штат Нерчинска в 1693 г. составил 425–428 чел. [7, с. 52, 54]

2. Некоторые особенности несения службы нерчинским гарнизоном в 1690–1691 гг.

Вероятно, «коренные» нерчинские казаки, албазинцы «старые и новоприборные» и «полковые» служилые люди распределялись в уездные крепости и несли остальные службы, положенные гарнизону Нерчинска в относительно равных пропорциях. Например, 13 июля 1691 г. десятник нерчинских казаков Никита Логинов сын Петровых принял Теленбинский и Иргенский остроги у десятника конных казаков Юрия Иванова сына Носова¹. Составленный при этом росписной список, позволяет установить полный состав гарнизона Теленбинска и Иргенска. Он включает в себя 38 чел. из всех основных воинских корпораций, образовавших военный контингент Нерчинска (таблица 3).

Таблица 3. Состав гарнизонов Теленбинска и Иргенска (13 июля 1691 г.) [11, л. 70–72].

<i>Нерчинские дети боярские</i>
Божен Никитин сын Жеребцов ²
Иван Иванов сын Попов ³
Логин Матфиев ⁴
<i>Десятники нерчинских конных казаков («коренные»)</i>
Носов Юрье Иванов сын
Федоров Ефрем
<i>Городовой толмач</i>
Изока Максим Ларионов сын
<i>Рядовые нерчинские конные казаки («коренные»)</i>
Калянов Яков Андреев сын ⁵
Жеребцев Степан
Жеребцев Василии Никитин сын ⁶

¹ Поручился за К. Кириллова [11, л. 169–169 об.].

² Поручился за К. Кириллова [11, л. 169].

³ Поручился за К. Кириллова [11, л. 169].

⁴ 28 июня 1690 г. Логин Матвеев приезжал в Удинск, до которого добирался 20 дней т.к. «жил ... на Теленбе» [12, л. 108].

⁵ Поручился за К. Кириллова [11, л. 169].

⁶ Поручился за К. Кириллова [11, л. 169].

Метелкин (Телкин?) Иван
Носов Семен
Котелников Максим Андреев сын ¹
Собол Андрей
Каля Варлам Архипов сын ²
Стефанов Онтипа
Перфирев Савка Ильин сын
Верхоглядов Юре
Власов Ярасим
Казан Иван Григорев сын ³
Кирилов Кирило ⁴
<i>Пешие стрельцы полка А. Бейтона (новоприборные албазинцы)</i>
Каргополов Панкратеи
Сырков Радион
Дехтерев Иван
Салтанов Федор
Власов Иван Григорев сын
Бурзунов Яков
Сарапулов Иван
Кузмин Спиридон
Ершев Серко Потап
Ярославцев Иван
<i>Служилые люди полков П. Грабова и А. Смаленберга («полковые» из войска Ф.А. Головина)</i>
Василев Андреи
Клепалов, Петр
Копылов Максим
Шмаков Онтон
Козел Олексеи
Белков Алексеи
Козлов Федор
Норицын Петр

«Полковые» и «албазинцы» в этот период были «подвижной» частью, которая усиливала укрепленные пункты там, где это было необходимо, а нерчинские казаки были основным ядром гарнизонов уездных крепостей. Некоторые из них не

¹ Поручился за К. Кириллова [11, л. 169].

² Поручился за К. Кириллова [11, л. 169].

³ Поручился за К. Кириллова [11, л. 169].

⁴ Промышленный человек, 1 сентября 1690 г. поверстан в «убылое место» вместо Савы Епифанова сына Томского [11, л. 168–168 об.].

переменялись на протяжении нескольких лет. Например, в документах касающихся приема промышленного человека К. Кирилова в конные казаки «нерчинских острогов» для службы в Телембинске в сентябре 1690 г., частично отмечены те же люди, которые есть в росписном списке гарнизона в июле 1691 г. (см. сноски в таблице 2).

Кроме традиционных обязанностей, большую нагрузку на гарнизон имели посылки в Аргунский острог на р. Тузачу за серебряной рудой. По данным нерчинских казаков эти поездки начались с 7184 г. (1675/1676). В них «сверх конной службы» отправлялись по 30 и больше человек, каждый из которых был вынужден потратить на дорогу около 15 руб. (сумма равная жалованью за два года¹). С 13 мая 1690 г. по царскому указу в эти же поездки стали отправлять служилых людей из полков Ф. А. Головина и албазинцев из полка А. Бейтона. Для этого им выделили специальное хлебное жалованье по 3 пуда ярицы на человека. Добирались до места «взятья» руды по воде, а продолжительность всей экспедиции была больше 7-ми недель. Ратники жаловались, что «у руд место пустое и безхлебное, и безлесное», а сами они «платьишком и обутченками обносились и ободрались, без рук и без ног стали, добываячи ту серебряною руду». От чего они «в конец разорились и оскудали и одолжали великими неокупными долгами». Таким образом, все служилые люди Нерчинска просили освободить их от службы на рудниках [12, л. 93–94, 259–261].

Ратники из войска Ф. Головина получали во время службы в Нерчинске хлебное жалованье по 18 пуд. ржаной муки в год, а албазинцы А. Бейтона по 10 пуд. Забирали они его в Удинске, для чего добирались туда на конях и верблюдах. Дорога туда и обратно занимала больше 15 недель. Служилые жаловались, что из-за этих переходов почти все их лошади «пали». Летом 1690 г. из Нерчинска в Удинск за хлебным жалованьем ездили 22 чел. [12, л. 100, 261–262]. Другие службы также часто выполнялись отрядами численностью около двух десятков человек. Ясак у Нерчинска летом 1691 г. (не позднее 30 августа) собирали 2 десятника и 15 рядовых казаков² [11, л. 68–69 об.]. Отряд из 15 человек нерчинского гарнизона разгромил юрты ясачных брацких людей у Курлыча [11, л. 79–80].

Отметим также, что среди служилых людей в Даурии было очень мало грамотных людей. Например, за всех нерчинских конных казаков, включая их руководящий состав, «прикладывали руку» три человека «лавошный сиделец» торгового гостя Васка Худяков, поп Кирило и албазинец Стенька Богтюской. Последний судя по фамилии был черкас т.е. выходец из Украины или Речи Посполитой, где грамотность была распространена среди широких слоев населения. В войске Ф. А. Головина процент людей умеющих читать и писать был выше. За полковых ратников, оставленных в Нерчинске, расписывались их же сослуживцы

¹ Полный денежный оклад конных нерчинских казаков в 1688 г. составлял 7 рублей 16 алтын 4 денги и 7 рублей 8 алтын 4 денги [10, л. 28–29; 12, л. 47].

² Поименно отмечены в табл. 1 (См. сноски). Интересно, что нерчинцы отмечали, что ясачные иноземцы откочевывали от Нерчинска к Телембинску, Еравинску, Аргунскому и Борзинскому зимовьям

[12, л. 259 об., 261 об., 262 об. и др.]. Интересно что «полковые» расписывались и за нерчинских казаков. Например, стрелец Ивашко Дорофеев Михайлов сын и сотенной Стенка Шагин [11, л. 78, 174 об., 177–177 об. и др.].

Благодаря поставкам вооружения во время конфликта с Китаем и перевозу оружейной казны из Албазина, арсенал Нерчинска стал одним из самых обеспеченных в Сибири. Кроме оружия, находившегося у служилых людей на руках, в 1701 г. в казне числились:

- 41 пушка «медная»;
- 2 пищали затинных;
- 2 обрывка затинных;
- К ним 2107 железных ядер;
- 2 пушки верховые (мортиры);
- К ним 17 гранат 2 пудовых, 29 гранат пудовых, 6 ядер духовых чиненых;
- 1288 гранат ручных (из них 388 «чиненых» т.е. с боевым зарядом);
- К ним 156 стволин гранатных железных, 143 запала деревянных порченых;
- 230 пудов 15 фунтов пороху «моклого и слежалого»;
- 64 пуда 6 фунтов пороху сухого «з деревом» (т.е. с весом бочек);
- 119 пудов 20 фунтов свинцу и пуль;
- 10 пудов 21 фунт с полуфунтом фитилю;
- 757 пищалей и санапалов;
- 135 пищалей и санапалов, и «стволин пищальных порченых»;
- 34 замка пищальных;
- 33 барабана 105 струн и 15 ремней барабанных;
- 30 знамен да «ерлычк», 22 чехла знаменных [12, л. 356].

В уездных крепостях оружия в оружейной казне было гораздо меньше. Например, в росписи оружейной казны Теленбинска в 1691 г. значились:

- пищал затиная железная и к ней двадцать девять ядер «железных малых»;
- четыре ядра «болших железные»;
- шестнадцать мушкетов з замками «в том числе два санапала»;
- пятнадцать «стволин мушкетных в том числе стволина ломаная»;
- «полсема пуда шесть фунтов с четвертью фунтом» пороха;
- три пуда семь фунтов «без четверти фунта» свинца [11, л. 70–72].

Запасов оружия в Нерчинске и уездных крепостях было достаточно, чтобы дополнительно вооружить больше 700 чел. и увеличить военный контингент почти в 2 раза.

В заключении отметим, что, несмотря на то, что гарнизон Нерчинска был увеличен более чем в два раза, сил, расположенных в нем, едва ли хватило бы для обороны Даурии от маньчжуров в случае возобновления военного конфликта. Нерчинск имел классическую для Сибири дерево-земляную фортификацию. В 1685 г. подобные укрепления Албазина были уничтожены китайской артиллерией всего за один день. При этом число защитников Албазинской крепости было сопоставимо с числом увеличенного гарнизона Нерчинска. Поэтому, во время сложностей переговорного процесса у Нерчинска в августе 1689 г., Ф. А. Головин выводил свое

войско из крепости, рассчитывая конкурировать с «богдойцами» в полевом сражении, не надеясь на нерчинские стены. «Посольское войско» в 1689 г. было в 4–5 раз больше, чем военный контингент Нерчинска в 1691 г. и повторение подобной тактики, в случае опасности было невозможно.

Правительство России не решилось пойти на перемещение для «вечного житья» в Забайкалье значительного военного контингента не только из Европейской части России, но и из Западной Сибири, традиционно бывшей «донором» пополнения гарнизонов на восточных рубежах. О расположении там людей из европейских полков вопрос в принципе не ставился, а служилые люди западносибирских крепостей не хотели оставаться в Даурии. Меры по размещению части из них на временную службу в Удинске во многом стали причиной беспорядков в 1696 г.

Единственным ресурсом увеличения Нерчинского гарнизона, кроме включения в него остатков албазинцев и полка А. Бейтона, стало привлечение на службу представителей неслужилых слоев населения. Почти все новобранцы, зачисленные в войско Ф.А. Головина, были отправлены в Нерчинский гарнизон. Однако, их было недостаточно для кардинального изменения ситуации. Немного было и крестьян с промышленными людьми, которых можно было бы поставить в строй во время военного конфликта. Таким образом, правительство насытило регион достаточным для его обороны количеством артиллерии, ручного огнестрельного оружия и боеприпасов, но не решило вопроса увеличения кадрового состава до величин, которые могли бы эффективно использовать этот арсенал.

Список использованных источников и литературы

1. Албазинское воеводство (сборник документов). Библиотека дальневосточного казачества / Составители Трухин В. И., Крюков В. В. Хабаровск, 2019. 628 с.
Albazinezskoe vovodstvo (sbornik dokumentov). Biblioteka dal'nevostochnogo kazachestva / Sostaviteli Truhin V. I., Krjukov V. V. Habarovsk, 2016. 628 s.
2. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.
Aleksandrov V. A. Rossija na dal'nevostochnyh rubezhah (vtoraja polovina XVII v.). Habarovsk: Habarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 272 s.
3. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1999. 336 с.
Artem'ev A. R. Goroda i ostrogi Zabajkal'ja i Priamur'ja vo vtoroj polovine XVII–XVIII vv. Vladivostok: Dal'nauka, 1999. 336 s.
4. Багрин Е. А. Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 161–175.
Bagrin E. A. Irkutskie novopribornye sluzhilye ljudi na zashhite dal'nevostochnyh rubezhej v 1686–1692 gg. (s poimennym spiskom) // Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij. 2020. T. 16. № 1. S. 161–175.
5. Багрин Е. А. Сибирские «выборные» служилые люди в полку Ф. Головина в 1686–1690 гг.: численность и состав (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 90–119.
Bagrin E. A. Sibirskie «vybornye» sluzhilye ljudi v polku F. Golovina v 1686–1690 gg.: chislennost' i sostav (s poimennym spiskom) // Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij. 2020. T. 16. № 2. S. 90–119.

6. Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII– середина XIX в. М.: Наука, 1983. 206 с.
Besprozvannyh E. L. Priamur'e v sisteme rusско-kitajskih otnoshenij, XVII– seredina XIX v. M.: Nauka, 1983. 206 s.
7. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. 321 с.
Leont'eva G. A. Sluzhilye ljudi v Vostochnoj Sibiri vo vtoroj polovine XVII – pervoj chetverti XVIII v. (po materialam Irkutского i Nerchinskogo uezdov). M., 2012. 321 s.
8. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 514 с.
Mjasnikov V. S. Imperija Cin i Russkoe gosudarstvo v XVII v. Habarovsk: Habarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. 514 s.
9. Пузанов В. Д. Города Сибири и формирование служилого казачества Забайкалья в XVII в. // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф. / Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 9–12.
Puzanov V. D. Goroda Sibiri i formirovanie sluzhilogo kazachestva Zabajkal'ja v XVII v. // Region v prigranichnom prostranstve: materialy mezhdunar. nauch. konf. / Zabajkal. gos. un-t. Chita: ZabGU, 2016. Ch. 2. S. 9–12.
10. РГАДА. Ф. 1142. Д. 43. Л. 1-59.
RGADA. F. 1142. D. 43. L. 1-59.
11. РГАДА. Ф. 1142. Д. 56. Л. 2-85, 158-177 об.
RGADA. F. 1142. D. 56. L. 2-85, 158-177 ob.
12. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 1–356 об.
RGADA. F. 214. Op. 3. Stb. 1059. L. 1–356 ob.
13. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1972. Т. 2. 835 с.
Russko-kitajskie otnoshenija v XVII veke: Materialy i dokumenty. 1686–1691 / sost. N. F. Demidova, V. S. Mjasnikov. M.: Nauka, 1972. T. 2. 835 s.
14. Трухин В. И., Багрин Е. А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 385–431. <http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin> (12.05.2020).
Truhin V. I., Bagrin E. A. Albazinskij ostrog v 1665/1666–1689 gg.: fortifikacija i zashhitniki – opyt istoricheskoj rekonstrukcii [Jelektronnyj resurs] // Istorija voennogo dela: issledovanija i istochniki. 2019. T. X. S. 385–431. <http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin> (12.05.2020).
15. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 213 с.
Jakovleva P. T. Pervyj rusско-kitajskij dogovor 1689 goda. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 213 s.

Egor A. Bagrin. Garrison of Nerchinsk at the End of 1689–1691

The article presents the issue of Nerchinsk garrison organization in 1689–1691. During this period the Russian government was intended on significant increase of the military contingent located in Dauria to defend the eastern borders from the Mongol raids and Qing Empire troops invasion. The warriors were added to Nerchinsk equestrian Cossacks who formed the basis of the garrison/ Those warriors left over from the regiment of A. Beyton and the garrison of Albazin fortress, the new recruited archers from Irkutsk and Yenisei districts and warriors from Siberian regiments of Pavel Grabov and Anton Smolenberg, who arrived in Transbaikalye with «ambassadorial» regiment headed by F. Golovin. The latter were completely withdrawn from Nerchinsk in 1691. The latter were completely withdrawn from Nerchinsk in 1691. The article notes some features of military service of Nerchinsk garrison and gives the names of some of the warriors who were part of the military forces of Nerchinsk and Telebinsk in 1689–1691.

Keywords: warriors, Cossacks, history, Siberia, Transbaikalia, Nerchinsk, Dauria, XVII century.

УДК 908:351.853.1“1941/1945”

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-4-20-42

**«ДАНЬ УВАЖЕНИЯ МУЖЕСТВУ, СТОЙКОСТИ,
ДОБЛЕСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ»: СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КРЫМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ УООПИКА**

Дружинина Н. С.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: nadya_1995@mail.ru*

Создание Украинского общества охраны памятников истории и культуры стало результатом поиска способов решения проблем, которые накопились в памятникоохранной сфере к середине 1960-х годов. Одним из приоритетных направлений в его деятельности являлось сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Крымское отделение организации начало свою работу в 1966 г. Общество занималось благоустройством братских могил, памятников и памятных мест. При его участии проводилась работа по созданию, ремонту и реставрации обелисков, установлению мемориальных табличек. Важное значение имела поисковая деятельность, связанная с выявлением заброшенных памятных объектов, определением имен воинов, похороненных в безымянных могилах. Распространение знаний среди населения о памятных объектах, посвящённых Великой Отечественной войне, проводилась с помощью выпуска научно-популярной литературы, публикаций в периодической печати, выступлений с публичными лекциями, проведения походов по местам боевой славы. Более подробную характеристику этих процессов и явлений позволяет показать введение в научный оборот ранее неизвестных архивных документов и материалов периодической печати.

Ключевые слова: охрана памятников Великой Отечественной войны, Крымское отделение Украинского общества охраны памятников истории и культуры, мемориализация, поисковая работа, историческая память.

Для восстановления отдельных сюжетов в исторической науке важным является введение в научный оборот ранее неизвестных документов, их анализ и систематизация [37, с. 70]. К актуальной теме в крымоведческих исследованиях относятся вопросы формирования и сохранения памяти о Великой Отечественной войне. Привлечение источников из архивных материалов и периодической печати способствует дополнению представлений о событиях, проводимых мероприятиях, личностях, связанных с этим процессом.

В 1960-е годы происходит рост интереса общественности к своей истории, к героическому прошлому, в котором особое место занимает память о ВОВ. На государственном уровне инициировались и поддерживались проекты по созданию новых обелисков, крупных мемориальных комплексов. Однако к этому же времени накопилось множество проблем в сфере охраны культурного наследия, связанных с отсутствием благоустройства многих памятников, качеством материалов, из

Рис. 1. Сергей Анатольевич Секиринский.

которых они изготовлены. Большое количество мест сражений оставались неотмеченными памятными знаками. Важным являлось установление имен воинов, похороненных в братских могилах. Эти вопросы поднимались в публикациях на страницах научных изданий, газет, журналов учеными, краеведами и общественными деятелями.

В июле 1965 г. на Всесоюзной конференции представителями Академии художеств СССР, Союза художников СССР, Союза архитекторов СССР и Советского комитета Международного совета музеев обсуждалось создание во всех союзных республиках добровольных обществ, деятельность которых должна была быть направлена на содействие государственным органам власти в области сохранения культурного наследия. Следствием этого стало принятие Советом Министров

Украинской ССР 28 августа 1965 г. Постановления «Об организации Республиканского добровольного общества охраны памятников истории и культуры УССР» [1, с. 188–189; 14, с. 24]. На областной учредительной конференции 24 ноября 1966 г. было создано Крымское отделение Общества, председателем которого избрали С. А. Секиринского [10, л. 73–74].

Основные этапы существования Украинского общества охраны памятников истории и культуры (УООПИКа) и направления его работы рассмотрены в исследованиях В. И. Акуленко [1], профессора В. А. Горбика [14], Г. Г. Денисенко [14; 17], С. З. Зарембы [20]. Отдельные эпизоды истории Крымского отделения проанализированы в публикациях А. Ю. Манаева [24; 32], профессора А. А. Непомнящего [38], А. А. Соколова [66]. Важными источниками, показывающими деятельность Общества, его взаимодействие с центральными и местными органами власти, музеями, образовательными организациями, являются протоколы конференций, пленумов, заседаний президиума, документы секций, отчеты и справки о работе Крымского отделения УООПИКа. Значительная их часть содержится в фонде Р-4584 Государственного архива Республики Крым [10–13] и в рабочем архиве областной организации. Отражением просветительского и популяризаторского направлений работы стали публикации на страницах периодических изданий, в информационно-методическом бюллетене «Пам'ятники України» (с 1988 г. журнал «Пам'ятки України»), а также выпуск научно-популярной краеведческой литературы.

Одним из приоритетных направлений работы УООПИКа являлось сохранение памяти о Великой Отечественной войне. В его структуре была создана секция военно-исторических памятников, в состав которой входили ученые, преподаватели ВУЗов, учителя, сотрудники музеев, архивов, библиотек, краеведы, ветераны войны. Они занимались благоустройством воинских захоронений, установлением памятных знаков на братских могилах, сооружением обелисков на местах боев [20, с. 118–119]. Обсуждению этих вопросов был посвящен специальный пленум Общества, состоявшийся в мае 1969 г., на котором председатель республиканского Правления П. Т. Тронько обращал внимание на важную роль памятников героического прошлого в патриотическом воспитании молодежи. Итогом работы пленума стало принятие постановления УООПИКа «Об участии организаций Украинского общества охраны памятников истории и культуры в увековечении подвига советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [17, с. 88–89].

В постановлении Крымской организации Общества от 24 ноября 1966 г., указывалось на необходимость взаимодействия с государственными органами власти в мероприятиях, связанных с сооружением и благоустройством монументов, посвященных событиям Великой Отечественной войны [10, л. 73–74]. Многие памятники на могилах воинов были установлены еще в послевоенные годы из недолговечных материалов, нуждались в ремонте или замене. Часто обелиски создавались однообразными по своему внешнему виду. Значительная их часть возводилась без утвержденных проектов [11, л. 6–7]. Крымское отделение Общества участвовало в установке, ремонте и реставрации памятников, памятных знаков и мемориальных табличек. Постепенно увеличивалось количество обелисков, изготовленных из качественных материалов. На эти работы организация либо полностью выделяла средства, либо принимала доленое участие в осуществлении проектов [63, с. 21–24].

При содействии Общества происходило возведение памятных знаков воинам, погибшим при обороне и освобождении полуострова. Белогорская районная организация участвовала в 1972 г. в установке памятника, увековечившего соединение войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии (скульптор Е. Чумак, архитектор Б. Очаковский) [63, с. 24; 69, с. 4]. Первомайская организация финансировала сооружение обелиска на братской могиле воинов Отдельной Приморской и 51-й армий, погибших в октябре 1941 г. и в апреле 1944 г., в с. Первомайское (скульптор Э. А. Яблонская, архитектор В. П. Мелик-Парсаданов) [72, с. 4]. Войсковому объединению 51-й армии также посвящены стела в с. Клепинино Красногвардейского района [44, с. 244–245; 46, с. 40] и обелиск, возведенный на месте боев на о. Русский [62, с. 4]. Общество принимало участие в создании памятника трем штурмам Перекопа (скульпторы Ю. Л. Синкевич, М. Я. Грицюк, архитекторы О. К. Стукалов, А. А. Сницарев). В 1975 г. был открыт памятный знак на месте форсирования Сиваша в 1943–1944 гг. в с. Вишневка, сооруженный коллективом Перекопского бромного завода [44, с. 53].

Рис. 2. Памятник в честь соединения войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии в Белогорске.

В марте 1977 г. водолазы обнаружили в Керченском проливе мотобот, принимавший участие в Керченско-Эльтигенской десантной операции. После поднятия со дна его восстановлением занимался коллектив завода «Залив» им. Б. Е. Бутомы. Спустя несколько месяцев он был установлен в пос. Геройское [3, с. 41–42]. По проекту специалистов Камыш-Бурунский железорудного комбината создавался памятный знак около противотанкового рва на месте боев 386-го батальона морской пехоты [19, с. 16].

Особое значение занимает музейный комплекс Аджимушкайских каменоломен. Закладка его первой стелы состоялась в 1965 г., а в феврале 1968 г. ЦК КПУ и Советом Министров СССР было принято решение о строительстве мемориального ансамбля «Героям Аджимушкай». Городская организация УООПИКа занималась работой по его благоустройству. При участии рабочих и сотрудников железорудного комбината, судоремонтного завода, Приморского завода стройматериалов, металлургического завода им. П. Л. Войкова, Управления рудной геологии и городскими электросетями создавались необходимые условия для

функционирования музея в каменоломнях. Их силами был проложен подземный кабель для подачи электричества ко всем объектам, сделан вход в экспозицию, изготовлены и установлены металлические двери, реставрирован построенный в 1942 г. колодец, проведена асфальтированная дорога ко входу в катакомбы, поставлены указательные знаки на маршруте экскурсий из города в каменоломни [61, с. 46–48]. Керченский морской порт участвовал в сооружении на могиле защитников Аджимушкайских каменоломен мемориальной стены с рельефной композицией [38, с. 41]. Большой вклад в создание музейного комплекса внес директор Керченского музея, глава секции военно-исторических памятников С. М. Щербак [9, с. 15–16]. С момента открытия в 1982 г. монументальный ансамбль стал одним из наиболее посещаемых объектов в Керчи [32, с. 34].

При содействии Общества устанавливались обелиски и памятные знаки отдельным военным деятелям. В 1971 г. был открыт в Керчи памятник Герою Советского Союза, летчице 46-го гвардейского Таманского авиационного полка Е. Н. Рудневой (скульптор Р. В. Сердюк, архитекторы А. Н. Морозов, Р. Г. Ликсо) [44, с. 201–202; 45, с. 154–155; 63, с. 24]. В 1975 г. при участии представителей Общества возведен памятник на могиле генерал-майора Б. Н. Аршинцева (скульптор З. И. Береговая). Одним из инициаторов его установки являлся рабочий труболитейного завода С. Надтока [22, л. 2; 34, с. 12–13]. В Ялте в 1981 г. на могиле генерал-полковника И. М. Манагарова сооружен обелиск, установлены на улице, которая носит его имя, аннотационная, а на доме, где он жил, – мемориальная доски [49, с. 2].

На Крымском полуострове было создано немало памятников, погибшим односельчанам. Так, в 1974 г. на территории Симферопольского района сооружены памятные знаки в центре с. Мазанка (скульптор С. С. Карташев, архитектор К. А. Денисов), в с. Урожайное (скульптор и архитектор Э. А. Яблонская), обелиск воинам и партизанам в с. Залесье (автор проекта Н. И. Турчин). В том же году установлен памятник на южной окраине с. Ишунь Красноперекоепского района (скульптор Н. А. Дубина, архитектор В. Л. Небожко). По инициативе Бахчисарайской городской организации в 1975 г. создан памятный знак односельчанам в с. Скалистое [22, л. 2–3; 50, л. 38]. В том же году жители с. Курортное Белогорского района перенесли пепел сожженных односельчан на холм вблизи села и там установили памятник (скульптур В. Рябков) [16, с. 44]. В 1986 г. был возведен памятный знак на братской могиле жертв нацистского террора в Белогорске [55, л. 74].

При непосредственном участии Крымской организации УООПИКа происходило восстановление памятных объектов. На реставрацию мемориала «Могила Неизвестного солдата» Правление Крымского отделения просило выделить Президиум республиканского Общества 34 тысячи рублей. Областной и городской организацией финансировались реконструкция и благоустройство воинского кладбища по ул. Старозенитная в Симферополе, которые проводились на протяжении 1971–1975 гг. [22, л. 3; 32, с. 32; 40, л. 1; 63, с. 22]. В ходе работ на воинском кладбище на территории Бахчисарайского историко-археологического

музея установили надгробные плиты из диорита, на которых высечены фамилии воинов. Постамент танка облицевали долговечным материалом, отремонтировали маршевую лестницу. Там же сооружен и зажжен Вечный огонь. За 1974–1976 гг. финансирование районной организацией на эти мероприятия составило 23 тысячи рублей [22, л. 2–3; 50, л. 38].

В процессе реконструкции и благоустройства Обелиска Славы на г. Митридат в 1974 г. была построена лестница по склону горы и подпорные стенки у площадки памятника [22, л. 3; 35, с. 26–27]. К 30-летию высадки Керченско-Эльтигенского десанта рабочие Камыш-Бурунского железорудного комбината восстановили памятник советским воинам, погибшим в этой операции: обелиск покрыли мрамором, благоустроили прилегающую к нему территорию [19, с. 16].

В Евпатории на средства Общества на месте массовых расстрелов мирных жителей в районе Красной горки 9 мая 1985 г. был открыт реконструированный мемориал. Организация принимала долевое участие в финансировании затрат по его капитальному ремонту, которое осуществлялось путем перечисления однодневной зарплаты рабочих и служащих организаций и предприятий в фонд охраны памятников. В результате удалось собрать 120 тысяч рублей [32, с. 32; 41, л. 1].

Важным направлением деятельности Крымского отделения Общества являлась поисковая работа. Практика сбора военных артефактов на местах боев, начатая во второй половине 1940-х годов, постепенно была поставлена под государственный контроль. Началом организованного этапа этого движения принято считать публикацию приказа Штаба «красных следопытов» в газете «Ленинские искры» в 1957 г. Вскоре данное явление превратилось во всесоюзное, подтверждением чему стал первый слет «красных следопытов» СССР, прошедший в Бресте в сентябре 1965 г. Его рост также связан с накопленным опытом туристско-краеведческой работы, одним из видов которой являлись походы по памятным местам. На основе собранных документов и материалов создавались музеи, комнаты и уголки боевой славы на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях. Развертыванию движения в УССР способствовала подготовка к изданию многотомной «Истории городов и сел Украинской ССР». К этому времени относится начало поисковой работы, организованной под руководством директора Керченского музея С. М. Щербака [4, с. 2; 33, с. 31–32; 60, с. 71–72, 76; 75].

Поисковыми группами Симферополя было найдено более 700 памятных мест, связанных с работой партийно-комсомольского подполья. Так, участники клуба «Поиск» узнали судьбу контролера ОТК завода продовольственного машиностроения им. В. В. Куйбышева, старшего лейтенанта Д. П. Литвинова, который был смертельно ранен в апреле 1944 г. на Перекопе. Членами секции революционной, боевой и трудовой славы городской организации собраны и изучены материалы о боевых действиях Героев Советского Союза И. Н. Лихого, В. С. Новикова, С. Д. Пошивальникова, Г. А. Рубцова, Н. С. Самохвалова, В. П. Трубаченко. Они же выступили с инициативой присвоения их имен улицам города [18, л. 2; 27, с. 44–46]. В пос. Гвардейское Симферопольского района удалось установить данные о погибших 13 апреля 1944 г. в бою возле Сарабуза [12, л. 35].

Аджимушкайские каменоломни стали местом проведения ежегодной поисковой экспедиции, которая приобрела всесоюзный масштаб. В 1966 г. в ходе раскопок одного из завалов «подземной крепости» были найдены партийные билеты, личные удостоверения, оружие, списки воинов. С 1973 г. получила известность деятельность героико-патриотического клуба «Эльтиген» в Керчи, организованного по инициативе керченского педагога Т. Замуленко. Обнаруженные артефакты и документальные материалы стали основой для самостоятельной экспозиции открытого в 1985 г. Музея истории Эльтигенского десанта. Благодаря работе поисковых отрядов были поставлены на государственный учет захоронения, расположенные в удаленных и труднодоступных местах, осуществлялось их благоустройство [35, с. 26; 61, с. 44].

Судакская городская организация принимала участие в создании мемориала «Холм Славы» на могиле советских воинов и мирных жителей, занималась установлением имен погибших и поисками сведений о них. По ее рекомендации в честь Н. Т. Мищенко названа одна из улиц города. Г. А. Корабельский, майор запаса, председатель первичной организации Общества санатория МО СССР, занимался сбором информации, встречался с участниками боевых действий и их родственниками, записывал воспоминания, дополнял материалы уточненными данными в архивах [8, с. 38; 28, с. 43].

В Красноперекопском районе получила известность работа историко-патриотического клуба «Слава Перекопа». Его участниками во время перезахоронения одного из воинов была обнаружена записка о том, что трое бойцов оставлены для прикрытия отступавших советских войск с подписью политрука И. В. Щербакова. В ходе поисковых работ удалось найти его семью. После обращения учеников одной из школ города Чарска Казахской ССР было установлено место захоронения погибшего на Перекопе Героя Советского Союза П. Г. Карелина. Ценность представляла переписка со многими участниками боев за Перекоп. Только за 1970 г. пришло около 500 писем с рассказами об отдельных боевых эпизодах. В клубе имелись воспоминания генерала В. И. Калинина, командира 63-й стрелкового корпуса, маршала П. К. Кошевого [6, с. 34–35; 27, с. 39–40].

Отдельно стоит остановиться на роли Общества в патриотическом воспитании школьников. Его первичные организации были созданы во многих средних и восьмилетних школах области. Организатором и координатором этого направления являлась секция по работе среди детей и молодежи. Обществом совместно с партийными и комсомольскими организациями, органами народного образования проводились научно-практические и методические конференции, педагогические чтения, семинары [59, с. 120]. Также к основным формам его деятельности относились чтение лекций, уроки мужества, организация встреч с ветеранами и тематических вечеров [23, л. 1–2].

Рис. 3. Памятный знак в честь трех штурмов Перекопа.

Сами школьники принимали участие в поисковом движении «красных следопытов». Они приводили в порядок могилы павших воинов, занимались поиском их родственников, помогали семьям, выступали с инициативой установления памятников и мемориальных досок [60, с. 71–72]. На основе собранных материалов создавались школьные музеи, комнаты, уголки революционной, боевой и трудовой славы. В их экспозициях сосредотачивались ценные документы, освещающие события Великой Отечественной войны, подвиги военных и партизан, боевой путь воинских частей [59, с. 120–121]. На выполнение этой работы Общество выделяло финансирование. Так, Керченская городская организация оказывала материальную помощь на открытие музея Героя Советского Союза, летчицы Е. М. Рудневой (школа № 15), на оформление экспозиций «Закаленная в боях и труде, ты подвигами славишься, Керчь!» (школа № 6), «Короленковцы в боях за Керчь» (школа № 3 им. В. Г. Короленко) [35, с. 26].

В 1966 г. первичная организация школы № 17 в Керчи выступила с предложением установки памятника Вере Белик [21, с. 11; 44, с. 181–182]. Учащимися одного из общеобразовательных учреждений города найдено место захоронения Героя Советского Союза Д. Т. Доева [44, с. 180–181; 60, с. 74]. Ученики восьмилетней школы в пос. Подмаячный занимались обследованиями памятных мест, где в годы войны проходили бои. Им удалось за 1974 г. обнаружить 12 могил, установить имена 9 советских воинов [25, л. 3]. Они собирали материал о начальнике политотдела 32-й Таманской дивизии, уроженце города А. С. Руде, искали сведения о ветеранах 227-й Темрюкской Краснознаменной стрелковой

дивизии, о боевой деятельности командующего отдельной Приморской армией И. Е. Петрова [60, с. 123].

Симферопольским районным пионерским штабом проводилась операция «Поиск» и «Память», в ходе которой памятники для постоянного шефства закреплялись за школами и пионерскими дружинами. В Украинской восьмилетней школе поисковый отряд под руководством А. М. Ефанова проводил работу по сбору материалов о действиях морской пехоты полка Я. И. Осипова [23, л. 2; 56, л. 525]. Ученики Симферопольской школы № 38 занимались поисковой деятельностью, связанной с памятником воинам, погибшим в боях за освобождение города. По итогам их обращения в горисполком одна из улиц была переименована в честь Н. П. Данилова [38, с. 39; 44, с. 391–392]. При участии учащихся 9-й Симферопольской средней школы сооружен памятный знак на могиле бывшего ученика А. Чинова, партизана, погибшего в годы войны [2, с. 4]. Ученикам Луговской восьмилетней школы удалось установить место захоронения офицера Л. С. Хачатаряна в с. Луговое [25, л. 3].

Большую известность получила деятельность учебных заведений Красногвардейского района. В Клепининской средней школе бюро первичной организации Общества возглавляло поисковый отряд «Орленок». Учителя совместно с учениками направляли запросы в военкоматы, встречались с ветеранами войны. В ходе поисковой деятельности ими был установлен ряд имен воинов, похороненных на сельском братском кладбище. Следопыты «Орленка» собрали материал о погибшем в 1941 г. комиссаре А. В. Крылове, который по их представлению посмертно награжден орденом Красного Знамени [18, л. 2; 46, с. 40]. По инициативе директора В. И. Пономаренко был создан музей боевой и трудовой славы, посвященный 51-й армии. Среди его экспонатов представлены личные вещи офицеров, бойцов, награды, воспоминания, фотографии, карты, подаренные самими участниками боев или их близкими [47, с. 28–29; 52, л. 126–127, 142–143]. Деятельность музея отмечена награждением штаба «красных следопытов» одним из первых в государстве Красным вымпелом Советского комитета ветеранов войны в 1973 г. [60, с. 74].

Поисковый отряд «Факел» Красногвардейской восьмилетней школы под руководством учителя С. В. Пуляева проделал большую работу по исследованию и изучению памятников и памятных мест района. Его участники обошли одиночные и братские могилы воинов, проводили опросы местных жителей. На основании этих материалов внесены уточнения в учетные данные ряда памятников района. В Мускатновской школе отряд «Поиск» собрал материал о не вернувшихся с войны односельчанах. Эта работа способствовала тому, что 9 мая 1985 г. в селе в память о них был открыт обелиск. Ученики также принимали участие в создании рукописной книги «Ветераны рассказывают». В Восходненской средней школе учащимися установлено имя погибшего летчика Т. Х. Горячева, в память о котором названа улица в с. Плодородное [52, л. 142–143].

Рис. 4. Мемориальный комплекс «Аджимушкайские каменоломни».

Следопыты Симеизской школы собирали материал о погибших в боях за освобождение Южного берега Крыма, принимали участие в сооружении памятника односельчанам. Ими на старой трассе Ялта – Севастополь обнаружены три братские могилы воинов и партизан [18, л. 2; 38, с. 39]. Ученики встречались с ветеранами, проживавшими в поселке, совместно с педагогами собирали данные в краеведческих музеях и архивах Ялты, Симферополя, Севастополя, отправлялись в походы по местам боевых действий воинских частей и партизанских отрядов, узнавали имена выпускников школы, участвовавших в войне [70, с. 16–17].

В средней школе № 1 Бахчисарайского района поисковая работа включала в себя сбор материалов о боевом пути подразделений, освобождавших край, о 263-й Сивашской стрелковой дивизии, 6-ой танковой бригаде, партизанских отрядах Южного соединения; переписку с родственниками бойцов, похороненных на братском кладбище города. В Красномакской школе под руководством преподавателей поисковую работу проводили секция пропаганды памятников истории и культуры и отряд «красных следопытов». Учебное заведение поддерживало связь с ветеранами гвардейского крейсера «Красный Кавказ», которые приезжали и выступали перед коллективом школы [50, л. 7, 11].

У здания школы с. Муромское Белогорского района весной 1974 г. были перезахоронены останки советских воинов и на их братской могиле сооружен памятник, авторство которого принадлежит учителю Муромской школы

В. М. Касуле. Впоследствии многие линейки, прием в пионеры и октябрята стали проводиться у этого обелиска. В том же году был установлен памятник Герою Советского Союза Л. И. Новожилову в одноименном населенном пункте района. Первичная школьная организация осуществляла шефство над этим мемориальным объектом, а в самом учебном заведении создали уголок боевой славы [44, с. 168–170; 51, л. 171–172].

Много внимания работе с подрастающим поколением уделяла Н. И. Петрова, участница партизанского движения, секретарь правления Сакской организации. Она посещала с беседами учебные заведения, проводила походы по местам боевой славы. Первичные школьные организации района принимали участие в реставрации памятных объектов. Так, в городе 1982 г. были отреставрированы памятники жертвам фашизма и Зое Космодемьянской [23, л. 2]. По предложению учеников городской средней школы № 4 установлен памятник Герою Советского Союза Ф. И. Сенченко, который там учился [63, с. 23].

Крымская областная организация участвовала в создании музеев на общественных началах. Их открытие часто становилось следствием принятых законодательных постановлений или происходило перед юбилейными датами. Многие из них начали свою работу в 1978 г. после вступления в силу закона УССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Последним этапом массовой организации новых музеев стал период, связанный с подготовкой празднования 40-летия Победы [67, с. 157–158].

Особое место принадлежит созданному в 1985 г. музею истории Эльтигенского десанта. В его фондах содержатся фронтовые письма, газеты, открытки, документы, красноармейские и краснофлотские книги, боевые характеристики героев, рисунки участника героического десанта, художника П. Кирпича, портреты капитана 3-го ранга, командира дивизиона сторожевых кораблей Черноморского флота Д. Глухого, главстаршины, санинструктора 386-го отдельного батальона морской пехоты Г. К. Петровой [26, с. 19]. В музее боевой и трудовой славы Камыш-Бурунского железорудного комбината собран альбом, в котором помещены фотографии и биографии рабочих, погибших в годы войны [19, с. 16].

Крымское отделение Общества организовывало встречи с ветеранами. К памятнику в с. Геройское Сакского района ежегодно приезжали родственники, земляки и однополчане [68, с. 29–30]. Регулярно такие мероприятия проводились на перекопской земле. В день 23-й годовщины освобождения района по приглашению совета клуба «Слава Перекопа» в Красноперекопск приехали 65 человек, среди которых были бывший командир 202-го артиллерийского полка П. А. Щеголихин, командир батареи И. Т. Безуглый, его заместитель Н. И. Панов [27, с. 40–41]. В 1974 г. в митинге у памятника погибшим воинам 156-й стрелковой дивизии в с. Клепинино Красногвардейского района приняли участие командир бронепоезда «Смерть фашизму» П. Е. Воронов, кавалер трех медалей «За отвагу» А. И. Христенко, врачи стоявшего в селе госпиталя Е. Буг, В. Сипко [22, л. 5].

Рис. 5. Памятник Жене Рудневой в Керчи.

Областная организация сотрудничала с Симферопольским государственным университетом им. М. В. Фрунзе (до 1972 г. – Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе). Еще одной важной инициативой УООПИКа стало создание Народных университетов, первый из которых открылся 1970 г. в Симферополе. К 1985–1986 учебному году в области их количество увеличилось до 14. Учебно-методический план занятий был рассчитан на три года. Подготовка слушателей осуществлялась по специальностям лектор-экскурсовод и общественный инспектор [12, л. 15; 38, с. 37].

Большой популярностью у населения пользовались походы по местам боевой славы. У Крымского отделения Общества имелись связи с туристическими организациями. В 1982 г. на их совместном заседании обсуждался вопрос «О роли областного совета по туризму и экскурсиям в пропаганде, охране и использовании памятников истории и культуры». Военно-патриотические слеты организовывались вместе с обкомом ЛКСМУ и ДОСААФом [39, с. 34]. Массовыми мероприятиями

являлись Всесоюзный туристский поход молодежи по местам боевой славы советского народа (с 1965 г.), экспедиции «Моя Родина – СССР» (с 1972 г.), «Летопись Великой Отечественной» (с 1981 г.) [4, с. 2; 60, с. 76].

В 1967 г. Аджмимушкайские каменоломни стали центральным объектом заключительной части всекрымского «Похода Памяти». Керченское экскурсионное бюро проводило многочисленные экскурсии по военно-исторической тематике: «Керчь – город-герой», «Огненная земля Эльтигена», «Герои Аджимушкая», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Пионер-герой Володя Дубинин», «По местам боев северо-восточнее Керчи», «Герои и подвиги бессмертны». Во время подготовки к празднованию 30-летия Победы областным советом по туризму и экскурсиям были разработаны темы: «На огненной земле города-героя Керчи», «Перекоп – земля героев». Известностью у экскурсантов также пользовался мемориальный комплекс «Холм Славы» в Ялте. Группа рабочих треста «Ялтаспецстрой» 13 декабря 1974 г., в годовщину боя партизан в районе Ай-Петри, совершила лыжный поход по этой территории. В Феодосии большую работу в данном направлении осуществлял туристический клуб «Кара-Даг». К 40-летию Победы было проведено 66 походов и 109 экскурсий. Совместно с ДОСААФом организован областной авто-мотопробег по местам боевой славы Крыма [22, л. 6]. По территории Симферопольского, Белогорского районов и Алушты в 1960–1980-е годы работал плановый туристический маршрут № 111 «По партизанским тропам» [15, с. 547].

Просветительскую функцию для населения выполняла периодическая печать. На страницах таких газет как «Крымская правда», «Крымский комсомолец», «Курортная газета», «Победа», «Советский Крым» сообщалось об открытии памятников и установке мемориальных досок, ремонте и реставрации объектов. В публикациях многих городских и районных изданий также присутствовала эта тематика. Два года подряд по итогам республиканского конкурса Общества на лучшее освещение в печати, по радио и телевидению вопросов охраны, пропаганды и популяризации памятников истории и культуры газете «Фрунзевец» Красноперекопского района присуждалось третье место [6, с. 34–35]. На страницах газеты «Ленинец» Симферопольского района в рубриках «Патриот Родины», «Никто не забыт, ничто не забыто» регулярно печатались фотографии, сообщения об истории создания памятников, воспоминания фронтовиков, материалы о походах по местам боевой славы, о результатах деятельности поисковых отрядов [27, с. 97; 56, л. 524].

Можно отметить участие членов Крымского отделения Общества в выпуске научно-популярной краеведческой литературы. Внимание памятникам Великой Отечественной войны уделено в путеводителе «Крым» под редакцией С. К. Сосновского [30]. В путеводителе «Дорогами крымских партизан» Е. Н. Шамко составлено описание маршрутов, где проходили боевые действия партизан, и указано, какие памятные объекты, посвященные им, установлены в разных населенных пунктах полуострова [71]. Издание «По местам боев крымских партизан» под авторством Н. И. Лезиной, Ю. Ф. Коломийченко включает в себя

разработку маршрутов по территории между Белогорском, Старым Крымом и Планерским [31]. В путеводителях, составленных С. М. Щербаком, содержится много сведений о памятных военных объектах Керчи, о работе Аджимушкайской поисковой экспедиции [73; 74]. Ценность справочника «Крым: памятники славы и бессмертия», в состав редакционной коллегии которого входили В. Н. Барбух, Л. Н. Вьюницкая, С. Н. Шаповалова, заключается в том, что в нем собрана информация о создании памятных объектов, их архитекторах и скульпторах [45].

Рис. 6. Обелиск Славы в Керчи.

Отдельно стоит остановиться на публикациях общественных деятелей и ученых на страницах журнала «Пам'ятники України» об участии Общества в создании, реставрации памятных объектов, связанных с периодом ВОВ, мероприятиях по их пропаганде и популяризации. Так, в работах И. Мордвины [34; 35], В. Кириленко [26], Б. Случанко [65] большое внимание уделялось памятным объектам Керчи. Деятельности районных и городских организаций посвящены публикации П. Самохвалова (Симферополь) [62], Т. Криницина (Евпатория) [29],

А. Посадскова (Феодосия) [48]. О работе редакции газеты «Фрунзевец» и созданном при ней клубе «Слава Перекопа» писал О. Бирюков [6].

Областной секцией пропаганды совместно с научно-методическим советом разрабатывалась тематика лекций, в которых значительная роль отводилась героическим событиям прошедшей войны. На местах их реализация осуществлялась силами членов районных и городских организаций, которые выступали в образовательных учреждениях, на предприятиях, заводах, колхозах, совхозах. Распространенными темами, связанными с Великой Отечественной войной, являлись: «Герои не умирают», «Герои среди нас», «Их именами названы улицы», «Памятники партизанской славы Крыма», «Партизанское движение и комсомольское подполье в годы Великой Отечественной войны», «Подвиг советского народа бессмертен», «По следам Феодосийского десанта», «Перекопские штурмы» [5, с. 1; 13, л. 25; 18, л. 4; 63, с. 22]. Совместно с Ялтинской городской организацией общества «Знание», библиотекой им. А. П. Чехова был создан клуб «Прометей», где выступали с просветительскими лекциями и беседами ветераны, общественные деятели [12, л. 13, 15].

Крымское отделение Общества сотрудничало с редакциями радиовещания и телевидением. Так, в течение месяца перед Днем Победы 1985 г. по областному радио было передано 12 передач под рубриками «Не стареют душой ветераны», «Над памятью время не властно», «Эхо войны: судьбы, лица и голоса», «Подвигу жить в веках». В городах и районах Крыма в эфир вышло 79 радиопередач. Хорошо налаженным являлось такое взаимодействие в Ялте, Саках, Красноперекопском и Красногвардейском районах. По областному телевидению к 40-летию Победы показано 6 передач, одна из которых «Нашей памяти Вечный огонь» была посвящена открытию реконструированного памятника на могиле Неизвестного солдата в Симферополе [12, л. 17; 42, л. 1].

В этот период получила распространение организация тематических фотовыставок. В 1974 г. в областном краеведческом музее экспонировалась выставка под названием «Никто не забыт, ничто не забыто». В городах и районах области в 1982 г. демонстрировались передвижные выставки «Памятники Великой Отечественной войны на Украине», «Памятники героям комсомольцам и пионерам на Украине», а к 40-летию Победы – «Пионеры – герои Великой Отечественной войны», «В камне и бронзе»; были развернуты и стационарные фотовыставки «Евпаторийцы на фронтах войны», «Памятники боевой славы района» (пгт Нижнегорский) [42, л. 1; 57, л. 363].

Общественные смотры являлись одной из форм привлечения внимания населения к вопросам охраны и популяризации объектов культурного наследия, способствовали активизации памятникоохранных мероприятий. В 1975, 1980, 1985 годах состоялись смотры памятников боевой славы, посвященные юбилеям Победы в Великой Отечественной войне. В этот период проводилась работа Общества по созданию тематических выставок, проведению научных семинаров и конференций. Предприятия, шефствовавшие над памятными объектами, организовывали субботники, занимались их благоустройством [66, с. 69–70].

В то же время в деятельности Крымского отделения УООПИКа присутствовали негативные явления, которые стали усиливаться во второй половине 1980-х годов. В этот период сотрудничество Общества и государственных органов власти по сохранению военно-мемориального наследия постепенно уменьшалось. Еще одной тенденцией стало снижение интереса населения к этим вопросам. Многолетняя работа по составлению крымского тома научно-справочного издания «Свода памятников истории и культуры СССР», в подготовке которого принимали участие ученые, краеведы, общественные деятели, была приостановлена.

Рис. 7. Памятник Вере Белик в Керчи.

Общественные смотры часто проходили с чрезмерной показательностью, их проведение сопровождалось множеством формальностей. Нередко во многих населенных пунктах большую часть года памятники находились в неухоженном виде. Необходимые мероприятия, связанные с ремонтом и благоустройством, осуществлялись только к праздничным датам, а после их окончания сворачивались и не доводились до конца [57, л. 26–27; 66, с. 72]. Деятельность инспекции областной организации, которая занималась контролем за проводимыми памятникоохранными работами, не всегда оказывалась эффективной [12, л. 38].

Недостаточными темпами выполнялась работа по замене памятников с использованием долговечных материалов, оставалось много безымянных могил и обелисков, сооруженных в первые послевоенные годы. В 1984 г. Правление областной организации указывало, что в селах Каменское и Фронтное Ленинского района на братских могилах стояли памятники, которым необходима была замена. В таком же состоянии находился ряд обелисков в Алуште, Белогорском, Джанкойском, Первомайском, Сакском, Симферопольском районах [12, л. 31; 1, с. 76–77; 51, л. 74].

Не всегда удавалось добиться необходимого уровня взаимодействия с местными органами власти, а также первичными организациями в городах, районах, селах. В своей работе организация сталкивалось с фактом нецелевого использования средств. К примеру, в ноябре 1972 г. выявлено, что Кировский райисполком выделенные Обществом три тысячи рублей на долевое участие в реконструкции памятного знака погибшим в годы войны в районном центре израсходовал на другие объекты [12, л. 28]. Памятник на братской могиле в с. Танковое Бахчисарайского района на протяжении многих лет находился в запущенном состоянии. Активисты Общества несколько раз приглашали председателя сельского совета на заседания Президиума, выезжали на место с комиссией. Только к 40-летию Победы объект был частично реконструирован, заменен обелиск, но остались не высеченными имена погибших. Правление уточнило через военкомат списки захороненных, дало рекомендации по выполнению работ. Однако во время проверки в апреле 1986 г. установлено, что никаких изменений не произошло. На протяжении многих лет на обелиске погибшим воинам в с. Суворово только перед Днем Победы проводились частичные ремонтные работы, которые не доводились до конца. Прилегающая к нему территория не была благоустроена [53, л. 26–27, 52].

Во второй половине 1980-х годов в заброшенном состоянии находился памятник советским воинам, погибшим при освобождении Белогорска, который был сооружен вскоре после окончания войны из недолговечного материала [55, л. 74, 81]. Неухоженный вид в Нижнегорском районе имели обелиски односельчанам в с. Желябовка, военнопленным в с. Михайловка, а в с. Изобильное проход к памятнику учителю Г. С. Романенко загораживал забор. Принятое облисполкомом решение от 29 июля 1981 г. об их замене не выполнялось [57, л. 364]. В селах Находка, Новая жизнь, Зерновое Джанкойского района братские могилы советских воинов оставались неухоженными даже к Дню освобождения

города 11 апреля в 1985 г. На памятном знаке в с. Маслово не установили плиты с именами погибших, хотя был составлен список павших односельчан. Выполнение решения облисполкома о сооружении памятника в с. Зерновое на могиле летчика А. Вайнера, погибшего при бомбардировке Джанкойского железнодорожного узла, затянулось [58, л. 107, 126].

Таким образом, сохранение памяти о Великой Отечественной войне являлось одним из приоритетных направлений в работе Крымского отделения УООПИКа. Общество стало организатором и координатором многих памятникоохранных мероприятий. При взаимодействии с органами государственной власти организация принимала участие в создании, ремонте и реставрации обелисков, памятных знаков и мемориальных табличек, посвященных этому периоду в истории государства. Областное отделение занималось благоустройством братских могил воинов, партизан, подпольщиков, выявлением ранее заброшенных памятных объектов, установлением имен воинов, похороненных в безымянных могилах. Важное значение придавалось работе с подрастающим поколением. Распространению информации о памятных объектах способствовало издание краеведческой литературы, публикация очерков и заметок в периодической печати, выступления с публичными лекциями. Популярностью среди населения пользовались походы по местам боевой славы.

Список использованных источников и литературы

1. Акуленко В. І. Охорона пам'яток культури в Україні (1917–1990).– Київ, 1991.– 274 с.
Akulenko V. I. Okhorona pam'yatok kul'turi v Ukraïni (1917–1990).– Kiïv, 1991.– 274 s.
2. Барбух В. Н. Беречь и помнить // Крымская правда.– 1973.– 8 февраля.– С. 4.
Barbukh V. N. Berech' i pomnit' // Krymskaya pravda.– 1973.– 8 fevralya.– S. 4.
3. Башарин С. Легендарным десантникам // Пам'ятники України.– 1982.– № 1.– С. 41–42.
Basharin S. Legendarnim desantnikom // Pam'yatniki Ukraïni.– 1982.– № 1.– S. 41–42.
4. Беречь и пропагандировать памятники истории и культуры // Крымская правда.– 1984.– 10 апреля.– С. 2.
Berech' i propagandirovat' pamyatniki istorii i kul'tury // Krymskaya pravda.– 1984.– 10 aprelya.– S. 2.
5. Беречь памятники // Победа.– 1978.– 27 апреля.– С. 1.
Berech' pamyatniki // Pobeda.– 1978.– 27 aprelya.– S. 1.
6. Бірюков О. Клуб «Слава Перекопу» // Пам'ятники України.– 1973.– № 2.– С. 34–35.
Biryukov O. Klub «Slava Perekoru» // Pam'yatniki Ukraïni.– 1973.– № 2.– S. 34–35.
7. В честь отважных // Советский Крым.– 1984.– 17 апреля.– С. 3.
V chest' otvazhnykh // Sovetskii Krym.– 1984.– 17 aprelya.– S. 3.
8. Волчкова Н. Пам'ять про подвиг // Пам'ятники України.– 1974.– № 1.– С. 38.
Volchkova N. Pam'yat' pro podvig // Pam'yatniki Ukraïni.– 1974.– № 1.– S. 38.
9. Галченко Н. В., Лазенкова Л. М. Военный историк – Сергей Михайлович Щербак // 175 лет Керченскому музею древностей: маерт. Междунар. конф. / Гл. ред. П. И. Иваненко; Керченский историко-культурный заповедник, БФ «Деметра».– Керчь, 2001.– С. 14–16.
Galchenko N. V. Voennyi istorik – Sergei Mikhailovich Shcherbak / N. V. Galchenko, L. M. Lazenkova // 175 let Kerchenskomu muzeyu drevnostei: mat. mezhd. konf. / Gl. red. P. I. Ivanenko; Kerchenskii istoriko-kul'turnyi zapovednik, BF «Demetra».– Kerch', 2001.– S. 14–16.
10. ГАРК (Государственный архив Республики Крым), ф. Р-4584, оп. 1. д. 1.
GARK (Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym), f. R-4584, op. 1. d. 1.
11. ГАРК, ф. Р-4584, оп. 1. д. 4.
GARK, f. R-4584, op. 1. d. 4.

12. ГАРК, ф. Р-4584, оп. 1, д. 38.
GARK, f. R-4584, op. 1, d. 38.
13. ГАРК, ф. Р-4584, оп. 1, д. 43.
GARK, f. R-4584, op. 1, d. 43.
14. Горбик В. О. Денисенко Г. Г. «Звід пам'яток історії та культури України» у дослідженні і охороні культурної спадщини: досвід, проблеми, перспективи / Ін-т історії України НАН України.– Київ, 2012.– 192 с.
Gorbik V. O. «Zvid pam'yatok istorii ta kul'turi Ukraïni» u doslidzhenni i okhoroni kul'turnoi spadshchini: dosvid, problemi, perspektivi / V. O. Gorbik, G. G. Denisenko; In-t istorii Ukraïni.– Kiiïv, 2012.– 192 s.
15. Гуркович В. Н. 111-й туристический маршрут «По партизанским тропам»: воспоминания инструктора пешеходного туризма 1960-х годов // Terra Alustiana MMXI: сб. науч. тр. по матер. 10-й науч. конф. «Terra Alustiana MMXI» / Ред.-сост. В. Г. Рудницкая, И. Б. Тесленко.– Симферополь: Антика, 2015.– С. 545–562.
Gurkovich V. N. 111-i turisticheskii marshrut «Po partizanskim tropam»: vospominaniya instruktora peshkhodnogo turizma 1960-kh godov // Terra Alustiana MMXI: sb. nauch. tr. po mat. 10-i nauch. konf. «Terra Alustiana MMXI» / Red.-sost. V. G. Rudnitskaya, I. B. Teslenko.– Simferopol': Antikva, 2015.– S. 545–562.
16. Демінова О. Вогонь пам'яті // Пам'ятники України.– 1982.– № 1.– С. 44.
Deminova O. Vagon' pam'yati // Pam'yatniki Ukraïni.– 1982.– № 1.– S. 44.
17. Денисенко Г. Г. Военная история Украины в контексте исследования и збереження культурної спадщини / Ін-т історії України НАН України.– Київ, 2011.– 289 с.
Denisenko G. G. Voenna istoriya Ukraïni v konteksti doslidzhennya i zberezheniya kul'turnoi spadshchini / In-t istorii Ukraïni.– Kiiïv, 2011.– 289 s.
18. Довідка про стан науково-дослідницької роботи Кримської обласної організації Товариства. [1974].– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКА.
Dovidka pro stan naukovo-doslidnits'koï roboti Krims'koï oblasnoï organizatsii Tovaristva [1974].– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKA.
19. Долгих А. Вшануємо героїв // Пам'ятники України.– 1975.– № 4.– С. 16.
Dolgikh A. Vshanuemo heroïv // Pam'yatniki Ukraïni.– 1975.– № 4.– S. 16.
20. Заремба С. З. Українське пам'яткознавство: історія, теорія, сучасність.– Київ: Аратта, 2002.– 204 с.
Zarembo S. Z. Ukraïns'ke pam'yatkoznavstvo: istoriya, teoriya, suchasnist'.– Kiiïv: Aratta, 2002.– 204 s.
21. Імені Віри Білик // Пам'ятники України.– 1975.– № 4.– С. 11.
Imeni Viri Bilik // Pam'yatniki Ukraïni.– 1975.– № 4.– S. 11.
22. [Информация за 1974 год].– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКА.
[Informatsiya za 1974 god].– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKA.
23. Информация о работе секции по работе среди детей и молодежи при правлении Крымской областной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры за 1982 год.– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКА.
Informatsiya o rabote sektiï po rabote sredi detei i molodezhi pri pravlenii Krymskoi oblastnoi organizatsii Ukrainского obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury za 1982 god.– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKA.
24. Кармазина Н. В., Манаев А. Ю., Хливнюк А. В. С надеждой в пятое десятилетие: к 40-летию Крымской республиканской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры // Историческое наследие Крыма.– 2007.– № 17.– С. 5–8.
Karmazina N. V. S nadezhdoi v pyatoe desyatiletie: k 40-letiyu Krymskoi respublikanskoi organizatsii Ukrainского obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury / N. V. Karmazina, A. Yu. Manaev, A. V. Khlivnyuk // Istoricheskoe nasledie Kryma.– 2007.– № 17.– S. 5–8.
25. Краткая справка о научно-исследовательской работе Симферопольской районной организации Общества охраны памятников истории и культуры 9-й отчетно-выборной конференции [1974].– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКА.

Kratkaya spravka o nauchno-issledovatel'skoi rabote Simferopol'skoi raionnoi organizatsii Obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury 9-i otchetno-vybornoi konferentsii [1974].– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

26. Кириленко В. Героям Ельтигену // Пам'ятники України.– 1975.– № 4.– С. 19.
Kirilenko V. Geroyam El'tigenu // Pam'yatniki Ukraïni.– 1975.– № 4.– S. 19.
27. Кириченко Н. К. Под знаменем славных традиций.– Симферополь: Таврия, 1970.– 120 с.
Kirichenko N. K. Pod znamenem slavykh traditsii.– Simferopol': Tavriya, 1970.– 120 s.
28. Корабельский Г. Лише одне з імен // Пам'ятники України.– 1980.– № 2.– С. 43.
Korabel'skii G. Lishe odne z imen // Pam'yatniki Ukraïni.– 1980.– № 2.– S. 43.
29. Криницин Т. Слава героїв безсмертна // Пам'ятники України.– 1974.– № 1.– С. 46.
Krinitsin T. Slava geroïv bezsmertna // Pam'yatniki Ukraïni.– 1974.– № 1.– S. 46.
30. Крым: путеводитель / Сост. С. К. Сосновский.– Симферополь: Таврия, 1982.– 320 с.
Krym: putevoditel' / Sost. S. K. Sosnovskii.– Simferopol': Tavriya, 1982.– 320 s.
31. Лезина Н. И. По местам боев крымских партизан: лесными тропами от Белогорска до Планерского: путеводитель / Н. И. Лезина, Ю. Ф. Коломийченко.– Симферополь: Таврия, 1985.– 80 с.
Lezina N. I. Po mestam boev krymskikh partizan: lesnymi troпами ot Belogorska do Planerskogo: putevoditel' / N. I. Lezina, Yu. F. Kolomiichenko.– Simferopol': Tavriya, 1985.– 80 s.
32. Манаев А. Ю. Мемориализация событий Великой Отечественной войны в Крыму: памятникоохранный аспект (1944–1991 гг.) // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Исторические науки.– 2018.– № 4.– С. 25–39.
Manaev A. Yu. Memorializatsiya sobytiï Velikoi Otechestvennoi voyny v Krymu: pamyatnikookhrannyi aspekt (1944–1991 gg.) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo un-ta im. V. I. Vernad'skogo. Istoricheskie nauki.– 2018.– № 4.– S. 25–39.
33. Мельникова Е. А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум – 2018 – № 37.– С. 19–53.
Mel'nikova E. A. Rukami naroda: sledopytskoe dvizhenie 1960–1980-kh gg. v SSSR // Antropologicheskii forum – 2018 – № 37.– S. 19–53.
34. Мордвина І. Для прийдешніх поколінь // Пам'ятники України.– 1975.– № 4.– С. 12–13.
Mordvina I. Dlya priïdeshnikh pokolin' // Pam'yatniki Ukraïni.– 1975.– № 4.– S. 12–13.
35. Мордвина І. У місті-герої Керчі // Пам'ятники України.– 1974.– № 1.– С. 26–27.
Mordvina I. U misti-geroï Kerchi // Pam'yatniki Ukraïni.– 1974.– № 1.– S. 26–27.
36. Навечно в памяти // Советский Крым.– 1979.– 2 марта.– С. 4.
Navechno v pamyati // Sovetskii Krym.– 1979.– 2 marta.– S. 4.
37. Непомнящий А. А. Источники библиографической информации по историческому крымоведению // Библиография и книговедение.– 2019.– № 4.– С. 64–71.
Nepomnyashchii A. A. Istochniki bibliograficheskoi informatsii po istoricheskomu krymovedeniyu // Bibliografiya i knigovedenie.– 2019.– № 4.– S. 64–71.
38. Непомнящий А. А., Кармазина Н. В. Українське товариство охорони пам'яток історії та культури в Криму // Збережена спадщина: Українському товариству охорони пам'яток історії та культури 40 років: зб. мат. та док. / Упор. О. М. Титова, М. Т. Пархоменко, О. О. Демиденко; Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК.– Київ, 2008.– С. 29–48.
Nepomnyashchii A. A. Ukraïns'ke tovaristvo okhoroni pam'yatok istoriï ta kul'turi v Krimu / A. A. Nepomnyashchii, N. V. Karmazina // Zberezheni spadshchina: Ukraïns'komu tovaristvu okhoroni pam'yatok istoriï ta kul'turi 40 rokiv: zb. mat. ta dok. / Upor. O. M. Titova, M. T. Parkhomenko, O. O. Demidenko; Tsentr pam'yatkoznavstva NAN Ukraïni i UTOPIK.– Kiïv, 2008.– S. 29–48.
39. Новак Б. Пропагандують медики // Пам'ятники України.– 1974.– № 1.– С. 34.
Novak B. Propaganduyut' mediki // Pam'yatniki Ukraïni.– 1974.– № 1.– S. 34.
40. [О выделении средств на реконструкцию могилы Неизвестного Солдата в Симферополе, 1985] // Рабочий архив Крымского отделения УООПИКа.
[O vydelenii sredstv na rekonstruktsiyu mogily Neizvestnogo Soldata v Simferopole, 1985] // Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

41. [О доле участия в финансировании затрат по капитальному ремонту памятника жертвам фашизма на Красной горке в Евпатории, 1984].– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКА.

[O dolevom uchastii v finansirovanii zhatrat po kapital'nomu remontu pamyatnika zhertvam fashizma na Krasnoi gorke v Evpatorii, 1984].– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

42. [О пропаганде памятников Великой Отечественной войны в Крымской областной организации Общества охраны памятников истории и культуры, 1985].– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКА.

[O propagande pamyatnikov Velikoi Otechestvennoi voiny v Krymskoi oblastnoi organizatsii Obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury, 1985].– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

43. Памятники доблести и славы // Крымская правда.– 1985.– 23 апреля.– С. 3.

Pamyatniki doblesti i slavy // Krymskaya pravda.– 1985.– 23 aprelya.– S. 3.

44. Памятники и памятные места в Республике Крым, связанные с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / Государственный комитет по охране культурного наследия; Министерство внутренней политики информации и связи Республики Крым.– Симферополь: Таврида, 2015.– 496 с.

Pamyatniki i pamyatnye mesta v Respublike Krym, svyazannye s sobyitiyami Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 godov / Gosudarstvennyi komitet po okhrane kul'turnogo naslediya, Ministerstvo vnutrennei politiki informatsii i svyazi Respubliki Krym.– Simferopol': Tavrida, 2015.– 496 s.

45. Памятники славы и бессмертия / Сост. С. Н. Шаповалова.– Симферополь: Таврия, 1985.– 240 с.

Pamyatniki slavy i bessmertiya / Sost. S. N. Shapovalova.– Simferopol': Tavriya, 1985.– 240 s.

46. Пономаренко В. Захисникам Криму // Пам'ятники України.– 1974.– № 1.– С. 40.

Ponomarenko V. Zakhisnikam Krimu // Pam'yatniki Ukraïni.– 1974.– № 1.– S. 40.

47. Пономаренко О. Вдячна пам'ять // Пам'ятники України.– 1976.– № 4.– С. 28–29.

Ponomarenko O. Vdyachna pam'yat' // Pam'yatniki Ukraïni.– 1976.– № 4.– S. 28–29.

48. Посадсков К. Актив – наша сила // Пам'ятники України.– 1982.– № 4.– С. 18–19.

Posadskov K. Aktiv – nasha sila // Pam'yatniki Ukraïni.– 1982.– № 4.– S. 18–19.

49. Потомкам пример // Советский Крым.– 1983.– 11 апреля.– С. 2.

Potomkam primer // Sovetskii Krym.– 1983.– 11 aprelya.– S. 2.

50. Протокол 5-й отчетно-выборной конференции Бахчисарайской районной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры от 15 мая 1976 г.– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКА.

Protokol 5-i otchetno-vybornoï konferentsii Bakhchisaraiskoi raionnoi organizatsii Ukrainского obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury ot 15 maya 1976 g.– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

51. Протокол 5-й отчетно-выборной конференции Белогорской районной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры от 14 мая 1976 г.– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКА.

Protokol 5-i otchetno-vybornoï konferentsii Belogorskoi raionnoi organizatsii Ukrainского obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury ot 14 maya 1976 g.– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

52. Протокол Красногвардейской районной конференции Общества охраны памятников истории и культуры 5-й отчетно-выборной конференции от 27 мая 1976 г.– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКА.

Protokol Krasnogvardeiskoi raionnoi konferentsii Obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury 5 i otchetno-vybornoï konferentsii ot 27 maya 1976 g.– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

53. Протокол 9-й отчетно-выборной конференции Бахчисарайской районной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры от 21 мая 1986 г.– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКА.

Protokol 9-i otchetno-vybornoï konferentsii Bakhchisaraiskoi raionnoi organizatsii Ukrainского obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury ot 21 maya 1986 g.– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

54. Протокол 9-й отчетно-выборной конференции Красногвардейской районной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры от 24 апреля 1986 .– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКа.

Protokol 9-i otchetno-vybornoi konferentsii Krasnogvardeiskoi raionnoi organizatsii Ukrainского obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury ot 24 aprelya 1986 g.– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

55. Протокол 9-й отчетно-выборной конференции Белогорской районной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры от 23 мая 1986 г.– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКа.

Protokol 9-i otchetno-vybornoi konferentsii Belogorskoï raionnoi organizatsii Ukrainского obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury ot 23 maya 1986 g.– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

56. Протокол 9-й отчетно-выборной конференции Симферопольской районной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры от 29 мая 1986 г.– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКа.

Protokol 9-i otchetno-vybornoi konferentsii Simferopol'skoï raionnoi organizatsii Ukrainского obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury ot 29 maya 1986 g.– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

57. Протокол 9-й отчетно-выборной конференции Нижнегорской районной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры от 17 мая 1986 г.– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКа.

Protokol 9-i otchetno-vybornoi konferentsii Nizhnegorskoï raionnoi organizatsii Ukrainского obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury ot 17 maya 1986 g.– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

58. Протокол первого пленума правления Джанкойской горрайонной организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры от 23 мая 1986 г.– Рабочий архив Крымского отделения УООПИКа.

Protokol pervogo plenuma pravleniya Dzhankoïskoi gorraionnoi organizatsii Ukrainского obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury ot 23 maya 1986 g.– Rabochii arkhiv Krymskogo otdeleniya UOOPIKa.

59. Савчук В. О. Роль шкільних музеїв бойової слави в комуністичному вихованні підростаючого покоління (1965–1975 pp.) // УІЖ.– 1986.– № 10.– С. 118–125.

Savchuk V. O. Rol' shkil'nikh muzeïv boïovoï slavi v komunistichnomu vikhovanni pidrostayuchogo pokolinnya (1965–1975) // UIZh.– 1986.– № 10.– С. 118–125.

60. Савчук В. О. Рух червоних слідопитів в Українській РСР у 1965–1975 pp. // Український історичний журнал.– 1984.– № 1.– С. 71–77.

Savchuk V. O. Pukh chervonikh slidopitiv v Ukraïns'kii RSR u 1965–1975 // UIZh.– 1984.– № 1.– S. 71–77

61. Самойлов В. Рани Аджимушкая // Пам'ятники України.– 1971.– № 3.– С. 44–48.

Samoilov V. Rani Adzhimushkaya // Pam'yatniki Ukraïni.– 1971.– № 3.– S. 44–48.

62. Самохвалов П. Бережемо незабутню славу // Пам'ятники України.– 1972.– № 3.– С. 10–12.

Samokhvalov P. Berezhemo nezabutnyu slavu // Pam'yatniki Ukraïni.– 1972.– № 3.– S. 10–12.

63. Секиринський С. Благородне завдання // Пам'ятники України.– 1974.– № 1.– С. 21–25.

Sekirins'kii S. Blagorodne zavdannya // Pam'yatniki Ukraïni.– 1974.– № 1.– S. 21–25.

64. Секиринский С. Увековечим подвиги народные // Крымская правда.– 1969.– 11 декабря.– С. 4.

Sekirinskii S. Uvekovechim podvigi narodnye // Krymskaya pravda.– 1969.– 11 dekabrya – S. 4.

65. Случанко Б. Слідами звитязних подій // Пам'ятники України.– 1984.– № 3.– С. 31.

Sluchanko B. Slidami zvityazhnykh podii // Pam'yatniki Ukraïni.– 1984.– № 3.– S. 31.

66. Соколов А. А. Взаимодействие государства и общественности в деле охраны памятников истории и культуры в Крыму (конец 60-х – 70-е гг. XX века) // Вестник Кемеровского гос. ун-та.– 2014.– № 2.– С. 69–73.

Sokolov A. A. Vzaimodeistvie gosudarstva i obshchestvennosti v dele okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury v Krymu (konets 60-kh – 70-e gg. XX veka) // Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta.– 2014.– № 2.– S. 69–73.

67. Стельмах І. Ф. Мережа громадських музеїв Криму напередодні розвалу СРСР // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. пр. / Гол. ред. О. М. Титова; Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПІК.– Київ, 2010.– Вип. 17.– С. 156–168.

Stel'makh I. F. Merezha gromads'kikh muzeїв Krimu naperedodni rozvalu SRSR // Pratsi Tsentru pam'yatkoznavstva: zb. nauk. pr. / Gol. red. O. M. Titova; Tsentr pam'yatkoznavstva NAN Ukraїni i UTOPIK.– Kїiv, 2010.– Vyp. 17.– S. 156–168.

68. Талан А. Берегти і примножувати // Пам'ятники України.– 1974.– № 1.– С. 29–30.

Talan A. Beregti i primnozhuвати // Pam'yatniki Ukraїni.– 1974.– № 1.– S. 29–30.

69. Тарасов В. Где шли бои // Крымская правда.– 1973.– 10 января.– С. 4.

Tarasov V. Gde shli boi // Krymskaya pravda.– 1973.– 10 yanvarya.– S. 4.

70. Фарфоровський В. Вдячність // Пам'ятники України.– 1977.– № 4.– С. 16–17.

Farforovs'kii V. Vdyachnist' // Pam'yatniki Ukraїni.– 1977.– № 4.– S. 16–17.

71. Шамко Е. Н. Дорогами крымских партизан: путеводитель по местам боев народных мстителей в годы Великой Отечественной войны.– Симферополь: Таврия, 1976.– 144 с.

Shamko E. N. Dorogami krymskikh partizan: putevoditel' po mestam boev narodnykh mstitelei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny.– Simferopol': Tavriya, 1976.– 144 s.

72. Шаповалова С. Тем, кто не вернулась с войны // Крымская правда.– 1972.– 20 сентября.– С. 4.

Shapovalova S. Tem, kto ne vernulas' s voiny // Krymskaya pravda.– 1972.– 20 sentyabrya.– S. 4.

73. Щербак С. М. Боевая слава Керчи: путеводитель по местам сражений.– Симферополь: Таврия, 1986.– 2-е изд.– 144 с.

Shcherbak S. M. Boevaya slava Kerchi: putevoditel' po mestam srazhenii.– Simferopol': Tavriya, 1986.– 2 e izd.– 144 s.

74. Щербак С. М. Легендарный Аджимушкай: путеводитель.– Симферополь: Таврия, 1989.– 96 с.

Shcherbak S. M. Legendarnyi Adzhiushkai: putevoditel'.– Simferopol': Tavriya, 1989.– 96 s.

75. Щербанов В. Официальное поисковое движение России: этапы зарождения и становления // Летопись поискового движения России.– Режим доступа: <http://rubezh.signalTV.ru/Public.files/05OriginSearch.htm>.

Shcherbanov V. Ofitsial'noe poiskovoe dvizhenie Rossii: etapy zarozhdeniya i stanovleniya // Letopis' poiskovogo dvizheniya Rossii.– Rezhim dostupa: <http://rubezh.signalTV.ru/Public.files/05OriginSearch.htm>.

Druzhunina N. S. «A Tribute of Respect to Courage, Fortitude, Human Valor»: Preserving the Memory of the Great Patriotic War in the Direction of the Activities of the Crimean Department of the Ukrainian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments

Establishment of the Ukrainian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments was the result of a search for solutions to the problems that had accumulated in the field of monuments protection by the mid-1960s. One of the priority directions in its activity was the preservation of the memory of the Great Patriotic War. The Crimean department of the organization began its work in 1966. The society was engaged in the improvement of mass graves, monuments and memorial sites. With his participation, work was carried out on the creation, repair and restoration of obelisks, the installation of memorial tablets. The search activity associated with the identification of abandoned memorable objects, the establishment of the names of the soldiers buried in unmarked graves was of great importance. The popularization of knowledge among the population about memorial sites associated with the Great Patriotic War was carried out through the release of popular science literature, publications in periodicals, public lectures, and campaigns to places of military glory.

Keywords: protection of monuments of the Great Patriotic War, Crimean department of the Ukrainian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, memorialization, search work, historical memory.

УДК 94: 373 КРЫМ

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-4-43-54

РАЗВИТИЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КРЫМСКОЙ АССР В 1920-Х ГОДАХ

Кондратюк Г. Н.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Российская Федерация*

*Крымский Научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
E-mail: kondratjukkipu@gmail.com*

Проанализированы основные тенденции развития народного образования в Крымской АССР в межвоенный период. Начало 1920-х годов характеризовалось коренными преобразованиями в системе школьного образования. На смену гимназиям и реальным училищам пришли новые типы учебных заведений – советские трудовые школы первой и второй ступени. 1920-е годы стали временем масштабных педагогических экспериментов. Классно-урочная система организации учебного процесса была заменена бригадно-лабораторным методом, системой проектов, Дальтон-планом. Школа приобрела светский характер, достаточно существенно изменился состав педагогов. Одной из сложнейших проблем в работе школ выступал недостаток бюджетного финансирования. Нехватка средств привела к тому, что до третьей части детей школьного возраста находилось вне пределов учебных заведений.

Ключевые слова: Крымская АССР, школьное образование, национальные школы.

Установление Советской власти в Крыму в ноябре 1920 года обусловило коренную реорганизацию системы школьного образования. Это отразилось не только в изменении названия школ, учебных планах и программах, сроках обучения и в составе преподавателей, но и в методологической основе, мировоззренческой концепции в педагогике, понимании и толковании роли школы в жизни общества. Указанные изменения в школах происходили в условиях колоссальных социальных катаклизмов общества того времени, в условиях военных действий первой мировой и гражданской войны, упадка общественной морали, наблюдалась девальвация ценностей образования и воспитания. После установления советской власти дело руководства народным образованием возглавляет Ревком Крыма, в частности в его структуре образуется Наробраз. В имперский период в развитии образования основной акцент был сделан на развитии гимназического среднего образования, являвшегося привилегированным и не доступным для выходцев из социальных низов общества. Значительная доля населения Российской империи была неграмотна или образование завершалось несколькими классами церковно-приходской школы. Достаточно разветвленной до сложных событий Гражданской войны на полуострове, была система этноконфессионального образования, представленная крымскотатарскими, караимскими, еврейскими, крымчакскими,

армянскими, немецкими учебными заведениями. В целом, достаточной была численность профессиональных учебных заведений, представленных ремесленными училищами. Звено среднего образования было представлено как государственными, так и частными учебными заведениями, в частности успешно работала женская частная гимназия Станишевской. Источники финансирования являлись разнообразными: государственными, земскими, благотворительными. Данная модель образования, сложившаяся постепенно, в процессе развития общества подверглась коренной реорганизации. Большевистскими властями был сделан акцент на развитии начального образования, доступного максимально широким социальным слоям, широкого использования родного языка, борьбы с влиянием религии в школах и ликвидации неграмотности. Данные тенденции стали определяющими для всего межвоенного двадцатилетия

Экономическая разруха, продрозвёрстка 1921 года не оставили для школ практически никаких источников существования. Начало 1921 года характеризовалось стихийным открытием новых крымскотатарских школ. В 1921 году их насчитывалось 1232. В 1922 году их численность сократилась до 638, в 1923 году – 834, 1924 году – 846, 1925 году – 875 [2, с. 422]. Требования открытия новых крымскотатарских школ содержались еще в документах первого Курултая 1917 года. Здесь взгляды национального движения и большевиков совпали. Однако, материальные процессы внесли свои коррективы. В декабре 1921 года инструктор уездного наробраза Евпатории П. Стоев в отчёте по итогам обследования школ писал «...после действий продотрядов в дальнейшей помощи учителям было отказано из-за нехватки хлеба у населения. Учителя, не получающие помощи от населения, обречены на голод» [13, л. 38]. В докладной записке, адресованной в Крымревком, заместитель заведующего Крымнаробразом Л. Паперный указывал «...толпами приходят голодающие дети в колонии и приюты. В комнатах Соцвоса ежедневно толпятся истощенные голодом матери-вдовы, родители инвалиды, которые в полном отчаянии и муках просят принять их детей на содержание Государства. ...Армия голодающих детей возрастает с каждым днем и заполнила своим потоком все детские учреждения. В связи с этим несчастьем, которое надвигается, перед крымским отделом народного образования во всей огромной полноте встаёт вопрос о сохранении детей» [4, л. 2]. Голод привел к настоящей социальной катастрофе, от которой в первую очередь пострадала сфера образования, учебные заведения. Голод стал причиной гибели многих тысяч детей. Установить точную цифру числа умерших детей, вряд ли представляется возможным, учитывая состояние статистики, особенно в отдаленных регионах полуострова. Так, в статье за 1923 год «Голод в Крыму» Г. Кущенко отмечал «В Крыму среди сельского населения умерло от голода 51612 человек, среди которых 21292 ребёнка...Среди голодающих более половины приходится на долю детей до 16 летнего возраста» [19, с. 36]. Статистические данные приведены Б. П. Вологдиным в юбилейном сборнике «Весь Крым». Автор подчеркивает, что количество умерших от голода в Крыму в 1922 году составило 100–110 тысяч человек. Из них 50–55 тысяч городских жителей. Сокращение численности

населения в городах составило 24,6%, в селах – 18% [2, с. 38]. Голод крайне негативно отразился на школах, приведя к смерти, как учеников, так и учителей, массовому закрытию учебных заведений.

Голод и экономическая разруха лишили школы материальных источников для деятельности, прежде всего выплат учителям. В отчёте Крымского Совета Труда и Оборона констатировалось «С истощением продовольственных ресурсов, с усилением голода населения – учебное дело начало быстро затухать: голодающие дети перестали посещать школу, голодающие родители, которые с учетом закона 16 сентября 1921 года должны были обеспечивать продуктами сельских учителей, не в состоянии были выполнить своих обязательств. Среди учителей начался массовый уход из школ. Последние в большинстве своём остались на произвол вместе со школьным имуществом, библиотеками и школьными пособиями. Имущество некоторых школ расхищалось, всё деревянное шло на топливо, разбирались даже дома» [22, с. 181] Причина закрытия школ состояла в том, что государство сняло с себя финансирование учебных заведений, переложив его на жителей сёл в виде так называемого самообложения. Однако, население деревень было разорено гражданской войной, реквизициями продовольствия и голодом и выделить ничего не могло. Архивный документ свидетельствует, что «свыше 60% работников образования переведено с государственного продовольственного обеспечения на продпак из фондов самообложения сельского населения с учетом постановления СНК РСФСР от 15/IX – 1921 г. о обложении сельского населения на нужды народного образования, что для Крыма в его обстановке ужасного голода в селе является постановлением нежизнеспособным и неосуществимым» [18, л. 34]. В отчёте о деятельности Народного комиссариата просвещения Крымской ССР с ноября 1920 по январь 1922 года состояние школьного образования характеризуется так «...дефицит топлива, прекращение питания школьников, истощение учителей, которые не получают ни денег, ни пайков, – привело к тому, что много школ перестало функционировать совсем. Особенно тяжёлым является положение школ в сельской местности, там, где население голодает нестерпимо. Как оказалось, самообложение сельского населения провести невозможно. Закрытие школ (прекращение занятий) в сельской местности очень значительное. Сотни голодающих, иногда умирающих детей доставляются в Крым НКП» [16, л. 282].

Чтобы хоть как-то поддержать школы, Наркомпрос Крымской АССР реализовал программу деления школ на «твёрдую сеть» и «мягкую сеть». Школы так называемой «твёрдой сети» получали минимальную государственную финансовую поддержку. Иные школы должны были финансироваться за счет средств местного населения. В разгар голода в 1922 году в «твёрдую сеть» входила 581 школа первой ступени и 57 школ второй ступени [21, с. 69]. Значительное количество школ не вошло в «твёрдую сеть» и были закрыты в 1922 году. В докладной записке в ОК ВКП(б) поданной в декабре 1921 года нарком образования автономии Керим Хамзин так характеризовал состояние крымскотатарских школ «...школы ютятся в помещениях, которые скорее напоминают курятники, а не школьные здания...школы эти не оборудованы мебелью, не обеспечены ни

учебниками, ни учебными пособиями. Обычно дети сидят на земляном полу, подложив под себя халат, пишут на низеньких лавочках, иногда попутром для листа становится колено» [5, л. 82 об.]. Нарком К. Хамзин отметил, что в период с ноября 1920 по ноябрь 1921 года было создано порядка 500 крымскотатарских школ. Нарком требовал их закрытия. Причина состояла в том, что в большинстве случаев школы являлись конфессиональными, зачастую преподавателями в них являлись муллы. Наркомпрос не был в состоянии контролировать эти школы. Нарком Керим Хамзин указывал, что «...такая школа по нашему глубокому убеждению вредна, потому что она дискредитирует в глазах населения советскую власть своей бедностью и антипедагогической направленностью и не может быть проводником коммунистических идей в народных массах» [5, л. 82 об.].

Важным организационным аспектом в работе начальных и средних школ, стало проведение беспартийных конференций учителей. Именно они составляли основу интеллигенции, поскольку доля технической интеллигенции был существенно меньше. В 1920-х годах, значительная доля педагогов имела дореволюционное образование и была воспитана на идеях русской педагогики, идеях И. Гаспринского. На конференциях обговаривались наиболее актуальные вопросы, которые интересовали работников просвещения. Значительная доля из них, одновременно являлась и советскими служащими низового аппарата (председатели и секретари сельских советов). На протяжении 1923 года, усилиями крымскотатарской интеллигенции была возобновлена работа 204 начальных школ [21, с. 69]. Из общей численности в 785 школ – 329 были крымскотатарскими, что составляло 41,9% от общего количества школ. Количество школ стабилизировалось с улучшением экономических условий периода новой экономической политики. Нужно констатировать, что органы управления народным образованием стремились к максимальному увеличению сегмента начальных крымскотатарских школ и вовлечения детей в обучение. Однако, если количество начальных крымскотатарских школ развивалось достаточно динамично, то совершенно недостаточной была численность средних школ. В 1924 году их насчитывалось только четыре. Этого числа средних школ было совершенно недостаточно для охвата крымскотатарских детей образованием на родном языке. Возникло своеобразное противоречие между стремлением РКП(б) всесторонне контролировать процессы обучения и невозможностью выделить достаточное количество материальных ресурсов для учебных заведений. Сформировалась и ещё одна проблема в системе образования крымских татар межвоенного периода, которая существовала длительное время. Это дисбаланс между количеством начальных и средних школ. Число средних школ было недостаточно. Закончив школу первой ступени на родном языке, у школьников не было возможности продолжить образование дальше. Так, в 1923 году крымскотатарских школ второй ступени было только 4 или 8% [21, с. 165]. Всего в начале 1923 года обучалось 12617 учащихся. Работу проводили 410 учителей [14, л. 79]. Крымские татары были в основном, учащимися начальных школ. Одна из причин заключалась в том, что крымские татары являлись сельскими жителями, доля горожан среди общей

численности крымских татар не превышала четверти. Так, согласно данным городской переписи 1923 года в городах Крыма проживало 146285 русских, 39189 евреев и только 28225 крымских татар [1, с. 8]. С 1923 года постепенно активизируется методическая работа в крымскотатарских школах. Однако трудности в советских школах объяснялись, прежде всего, неготовностью учителей бывших конфессиональных школ использовать советскую методику обучения, основанную на коммунистической идеологии. Новациям в сфере обучения и преподавания мешала также финансовая бедность образовательных учреждений, что подтверждает отчет Бахчисарайского райОНО за 1923 год, где подчеркивается тот факт, «...методы преподавания используются старые...снабжение учебными пособиями – нищенское. Откровенно говоря, при условии недостатка материально-организационных предпосылок и при отсутствии подготовленных учителей и пособий, особенно татар и на татарском языке, в текущем году несвоевременным было коренным образом и резко ломать учебный план школы» [10, л. 47]. Бахчисарайский район был национальным крымскотатарским районом, для его сети школ были характерны общекрымские тенденции. В 1926 году из 54 школ района – 43 были крымскотатарскими. Помимо них, русских только 5 и 3 русско-татарские. Но на 54 школы первой ступени приходилось только 4 школы второй ступени. Фактически развивалась только система начального образования [9, л. 15 об.]. Указанного количества начальных школ было недостаточно. Значительная часть детей оставалась вне школы, неохваченная обучением. В докладе народного комиссара образования Крымской АССР за январь – июнь 1923 года констатировалось сложное положение: «существующая школьная сеть школ I ступени обслуживает только 45960 детей, в то время как в Крыму детей школьного возраста (от 9 до 12 лет) – 95370.

Таким образом, школы первой ступени обслуживают только 48% детей школьного возраста. Добавляя сюда и школы 2-й ступени, то есть считая школьный возраст от 8 до 16 лет, по всему Крыму 168868, получаем, что вся школьная система Крыма обслуживает всего 32,1% от общего количества детей» [14, л. 66]. Количество школ и обучающихся в них контингенты детей стабилизируются с преодолением последствий голода и укреплением материального положения. В 1924 году из 846 школ первой ступени крымскотатарских насчитывалось 351. Из общего количества учителей 2385 крымских татар – 503. В 1924 году насчитывалось 39385 учащихся, из них крымских татар – 15000, или 38,1% [6, л. 49]. Если сеть начальных школ развивалась достаточно динамично, то ситуация со школами второй ступени была значительно хуже. В 1924 году их насчитывалось всего 4. В Симферопольской опытно-показательной школе обучалось более 200 детей, в Феодосийской школе – 93 ребёнка, в Ялтинской – 180 учеников, в Керченской – 181 [3, с. 14]. По районам школы первой ступени распределялись следующим образом. В Бахчисарайском районе в 1924 году насчитывалось 44 школы с 68 преподавателями и 2429 учениками. В Джанкойском районе – 34 школы, 36 преподавателей и 852 ученика. В Карасубазарском районе – 28 школ, 45 учителей, обучалось 1016 учеников. В Севастопольском районе – 20 школ, 37 преподавателей

и 1191 учащихся. В Симферопольском районе функционировало 46 школ, 79 преподавателей и 2487 учащихся [11, л. 59].

Проблемы образования достаточно часто обсуждались на совещаниях партийных и советских органов. В ряде случаев, совещания созывались по национальному критерию. Были проведены крымскотатарские, еврейские, немецкие, болгарские, греческие, караимские и крымчакские совещания. В работе совещаний принимали участие прежде всего коммунисты соответствующих национальных секций крымского обкома партии. Национальные секции выступали в качестве своеобразного «приводного ремня» между органами власти и национальными общинами со своими специфическими интересами, где запросы на проблематику образования были очень различными. Так, для цыган Крыма важной была задача создания хотя бы одной начальной школы, а для немцев – восстановление ранее закрытых школ первой и второй ступени, которых насчитывалось более 250. Во второй половине 1920-х годов, важной формой работы стало проведение беспартийных конференций, которые в ряде случаев, определялись как крестьянские. На беспартийные конференции готовили подборку наиболее важных вопросов для данной национальной группы и так обязательно присутствовал вопрос состояния образования на родном языке. Так, в частности, наиболее острые вопросы развития национального образования обсуждались на Всекрымском совещании татарских работников-коммунистов, которое проходило 25–27 октября 1924 года. С докладом о работе Народного комиссариата просвещения Крымской АССР выступил народный комиссар Усеин Балич. Он отметил, что в крымскотатарских сёлах присутствует огромное стремление к созданию школ и их поддержке. Другой докладчик, Исмаил Фирдевс, обратил внимание на тот факт, что среди педагогов крымскотатарских школ много людей прежней формации и мулл [6, л. 40 об.]. И. Фирдевс отмечал: «среди крестьян в данный момент существует стремление создавать собственные школы. Это ставит РайОНО в безвыходное положение, поскольку приведёт к расслоению и созданию конфессиональных школ... Также везде поднимается вопрос о преподавании русского языка в татарских школах. Мы не можем строить исключительно татарскую школу второй ступени. Нам необходимо, чтобы русский язык занял ведущее место, иначе татарин и далее будет отставать» [6, л. 40 об.]. Схожая проблема существовала и для немецких школ Крымской АССР. Национальные немецкие школы формировали у молодежи этническое самосознание, знание родного языка, что не позволяло активизировать процессы ассимиляции немецкого национального меньшинства. Однако, во многих случаях немецкие школы были буквально под одной крышей с кирхой или молитвенным домом. Кюстер одновременно выполнял обязанности учителя в немецкой школе. Данная проблематика также обсуждалась не только на партийных и советских, а также просвещенческих конференциях.

С укреплением материального положения динамика роста числа школ становится очевидной. Если в 1924 году насчитывалось 348 крымскотатарских школ, что составляло 43,9% от общего количества начальных школ, то в 1925 году в

343 государственных крымскотатарских школах первой ступени обучалось 18140 учеников [2, с. 425]. Тогда как в 1925/26 учебном году таких школ насчитывалось уже 359, а в 1926/27 – 360. Школ второй ступени насчитывалось значительно меньше. В 1924/25 учебном году только 11, в 1925/26 году – 14 и в 1926/27 году – 17 [12, л. 28–29]. Существовал явный дисбаланс между школами первой и второй ступени. Школы повышенного типа требовали значительно больших материальных затрат, а плату за обучение могли вносить далеко не все семьи. Ситуация изменится в 1930 году, с выходом постановления ЦК ВКП(б) «О режиме в начальной и средней школе». Данным документом было введено обязательное всеобщее начальное образование, что значительно расширило в Крымской АССР контингент для средних школ, бывших сначала в объёме семи лет, а затем девяти лет.

Увеличивавшуюся сеть школ необходимо было обеспечивать учебниками, литературой, программами. С тем, чтобы хотя бы частично разрешить данную проблему, в сентябре 1923 года председатель СНК Крымской АССР Сахиб Гирей Саид-Галиев и нарком образования Мухитдинов обратились за помощью в Наркомпрос РСФСР «Вопрос об издании татарских учебников для татарских школ с 30000–50000 учеников является вопросом жизни и смерти Крымнаркомпроса... Наркомпрос наметил на ближайшее время к изданию только те из элементарных пособий, без которых татарская школа превратится в пустое место» [15, л. 348]. Крымским народным комиссариатом просвещения была сделана значительная работа по подготовке учебников, создания авторских коллективов, налаживания полиграфической базы. Творческие коллективы были образованы для подготовки учебников для крымскотатарских, караимских, крымчакских школ. Значительная доля тиражей Крымгосиздата состояла из учебной литературы. Учебники для армянских, греческих, болгарских, немецких школ завозились из-за пределов республики, центров книгоиздательства для данных народов. Начато издание светской литературы, поскольку ранее доминировала литература светского характера: «На протяжении шести лет Крымнаркомпросом изданы почти все учебники для татарских школ I ступени: учебники родного языка, математики, географии, природоведения, т.е. школы I ступени обеспечены на 80% и школы II ступени некоторыми учебниками по зоологии, геологии, физике...если в 1923 году, было издано всего по Крыму 52 печатных листа, то в 1926 году 287 печатных листов» [12, л. 32].

Одной из сложнейших задач в сфере сегмента национального образования было создание школ второй ступени и профессиональных учебных заведений, материальная база для которых сформировалась со стабилизацией экономики. В результате разноплановой подготовительной работы были созданы крымскотатарские, немецкие, армянские, греческие школы второй ступени. Особый акцент был сделан на создании крымскотатарских школ второй ступени и профессионально-технических учебных заведений в рамках политики коренизации, которая в Крымской АССР получила официальное название татаризации. В 1926 году функционировало 14 крымскотатарских школ второй ступени, в которых обучалось 2291 учащийся. Из них по социальному составу преобладали дети

крестьян – 1509 учеников, или 65,8%; детей рабочих было 253 или 11,1% [11, л. 57]. Школы второй ступени готовили абитуриентов в техникумы и высшие учебные заведения. Крымская экономика во время НЭПа требовала всё больше и больше квалифицированных специалистов. Принимая участие в культурно-образовательных процессах, представители старшего поколения крымскотатарской интеллигенции чётко понимали задачи, которые стояли перед ними, руководствуясь идеями еще периода Гражданской войны. Один из лидеров партии Милли-Фирка так формулировал эти задачи «для налаживания своей государственной экономики крымским татарам понадобится много людей как для культурно-национального творчества, так и для просветительской работы среди масс татарского населения. Крымским татарам угрожает не только вырождение, но и окончательное исчезновение, если в момент, подобный этому, они отстанут от других народов и не смогут могучим напряжением сил выдвинут из своей среды кадры культурных работников и борцов за светлое будущее своего народа» [15, л. 17]. Однако такая трактовка просветительно-образовательных процессов к рубежу 1920–1930-х годов вступила в противоречие с государственными тенденциями в школах. В работе школ акцент был сделан не на национальном, а интернациональном воспитании, формировании общности советских людей. Организационно-методические установки предполагали работу не национальных школ, а школ с родным языком обучения.

Работа школ межвоенного периода выходила далеко за пределы получения формального образования детьми. Просвещение и образование стали важнейшим направлением модернизации мусульманского общества в Крымской АССР. Модернизации в её советском варианте и трактовке. На страницах крымской периодики часто можно было встретить мысль о том, что крымские татары отстали в своем развитии, вследствие угнетения самодержавием. Просвещение должно ликвидировать это отставание и сформировать новое поколение советской интеллигенции, преданное идеалам создания нового коммунистического общества. Старшее поколение национальной интеллигенции, расценивалось как не лояльное в отношении советской власти и с нею мирились временно. Крымскотатарская интеллигенция была представлена, прежде всего, учителями школ, для которых свойственным был дух патриотизма. Глубокое национальное самосознание. Абибулла Одабаш писал: «Я считаю своей обязанностью работать за свой народ, который отстал от других во всех отношениях, я это считаю своей священной обязанностью» [7, л. 4].

В целом, динамика образования крымских татар, в общем сегменте школ, до 1928 года формировалась следующим образом. В 1927/28 учебном году насчитывалось 372 школы I ступени в которых обучалось 18799 учащихся. Школ II ступени 14 с 2551 учащимся. Функционировало 3 школы крестьянской молодёжи, в которых обучалось 152 учащихся. Было создано и вело работу 3 крымскотатарских техникума со 445 учащимися. В 2 профшколах обучалось 246 учеников. Для подготовки крымских татар в высшие учебные заведения был образован рабочий

факультет со 182 студентами. В Крымском педагогическом институте обучалось 38 студентов крымских татар [8, л. 12].

Существенным фактором, определявшим развитие школьного образования, являлся материальный. Создание новых учебных заведений, ремонт школ, подготовка педагогов, издание учебников требовало финансовых ресурсов. Военные действия, разруха, голод катастрофически сказались на материальном положении школ. В отчёте Наркомпроса РСФСР за 1923/24 учебный год положение дел характеризовалось так «В 40% школ учителя получали 17–18% зарплаты довоенного времени (5–6 руб); 30–40% школ, которые работали на договорах, оказались в очень тяжелом положении, потому что в большинстве случаев население договоров не выполняло и учителя существовали на «самопаше», школьные здания или требовали капитального ремонта, или в большом проценте были непригодны к школьной работе; новые учебники, пособия, если даже и издавались в центре, до низовой школы не доходили» [20, с. 57].

Перед Наркомпросом Крымской АССР существовал целый комплекс финансовых проблем. Достаточного количества средств на содержание школы не было. Выход из сложной экономической ситуации был найден за счет введения частичной платы за обучение, в дополнение к разделению школ на заведения «твёрдой сети» и договорных школ. «Твёрдая сеть» была тем минимумом образовательной системы, которая должна быть сохранена и не подлежать сокращению. Эта сеть финансировалась государством. Прежде всего, государственные органы стремились сохранить школы различных народов, проживавших в Крымской АССР. Так, по предложению наркома Решада Ногаева, с целью сохранения национальных учебных заведений в государственный бюджет было заложено финансирование на 1924/25 учебный год для Тотайкойского педагогического техникума, Бахчисарайской художественно-промышленной школы, Карасубазарского сельскохозяйственного техникума, Каратобейской сельскохозяйственной школы, Дереккойского техникума специальных культур, Симферопольского татарского фельдшерско-акушерского техникума [17, л. 211].

Недостаток финансово-материальных ресурсов сдерживал введение всеобщего начального образования для крымскотатарских детей. Так, в Симферополе всеобщее начальное обучение планировалось ввести в 1928 году. В последующем срок изменили на 1929 год. В мае 1926 года в Крымской АССР была проведена первая Всесоюзная перепись населения. В соответствии с полученными результатами в Симферополе насчитывалось 5809 детей школьного возраста, а обучалось в школе 3724 ребёнка, т. е. 64%. В школу необходимо было принять 2200 детей, а количество фактических мест составляло только 1320. Таким образом, порядка 900 детей не могло быть принято в школы из-за отсутствия фактических мест для их размещения. Важнейшая причина существовавшего положения, отсутствие денег на расширение школ. Однако вопрос о введении всеобщего начального образования обсуждался с 1923 года. В январе 1924 года в Крымской АССР была проведена школьная перепись. Согласно её результатам, среди подростков в возрасте от 7 до 14 лет в городах обучалось 32,5%, а в сельской

местности – 27,7%. Из детей школьного возраста от 8 до 11 лет обучалось 57,4%. Для осуществления всеобщего начального образования в объёме 4-х летней школы общее количество мест должно было быть увеличено на 70%, а для семилетней школы – на 127% [3, с. 26]. Главным препятствием на пути быстрого введения всеобщего обучения был недостаток финансовых ресурсов и отсутствие школьного капитального строительства.

Таким образом, 1920-е годы стали временем огромных организационных, методических, финансовых изменений для школ. Существенно изменялась их численность, общественные катаклизмы крайне негативно сказались на их работе. Однако в двадцатых годах крымскотатарские, немецкие, караимские, крымчакские, греческие и болгарские школы были национальными школами, где присутствовали идеи национального просвещения и возрождения. Значительная доля педагогов была воспитана и сформировалась под влиянием идей И. Гаспринского.

1920-е годы в развитии школьного образования очевидны как негативные, так и позитивные черты. В 1923–1928 годах сложилась особая социокультурная обстановка. Она характеризовалась относительной свободой творчества интеллигенции, большую часть которой составляли педагоги. Вопросам развития школьного образования в рамках политики коренизации уделялось значительное внимание. С ноября 1924 года народным комиссаром просвещения был Усеин Балич. У. Балич, будучи выходцем из партии «Милли-фирка», понимал, что модернизировать традиционное общество можно через развитие образования и его расширения на различные слои населения. Рассматриваемое десятилетие стало периодом расцвета литературы, поэзии, театра. Активно и плодотворно работало поколение, которое получило образование в Турции: Бекир Чобан-заде, Абдулла Лятиф-заде, Амди Гирай-бай, Абибулла Одабаш. Сдерживающим, негативным фактором в развитии был недостаток финансово-материальных средств, выделяемых из государственного бюджета. Ни выделение земли для школ в сёлах, ни частичная плата за обучение кардинально вопросы финансирования решить не могли. Существовал разрыв между лозунгами, декларациями в области культурного строительства и реальным положением дел. Советская власть стремилась разрешить противоречия между платностью обучения и социальным составом учащихся. Финансовых ресурсов на содержание школ, особенно второй ступени, хронически не хватало. Поэтому Наркомпрос вынужден был взимать плату. Взнести её могли, в основном, только дети «социально чуждых» слоёв населения. По мнению властей, такие ученики только «засоряли» школу. Чтобы разрешить данное противоречие, в сентябре 1928 года, во время приёма в школы первой ступени был введён принцип социального отбора учащихся.

Список использованных источников и литературы

1. Бюллетень Крымского центрального статистического управления. – 1923. – № 1. – 96 с. *Byulleten' Krymskogo TsSU.* – 1923. – №1. – 96 s.
2. Весь Крым: юбилейный сборник. 1920–1925. – Симферополь, 1926. – 572 с. *Ves' Krym: yubileinyi sbornik.* 1920–1925. – Simferopol', 1926. – 572 s.

3. Вологдин Б. Народное образование в условиях осуществления всеобщего обучения в Крыму. – Симферополь, 1925. – 31 с.
Vologdin B. Narodnoe obrazovanie v usloviyakh osushchestvleniya vseobshchego obucheniya v Krymu. – Simferopol', 1925. – 31 s.
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. П-1, оп. 1, д. 57.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (GARK), f. P-1, op. 1, d. 57.
5. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 65.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 65.
6. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 358.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 358.
7. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 382.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 382.
8. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 813.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 813.
9. ГАРК, ф. П-100, оп. 1, д. 60.
GARK, f. P-100, op. 1, d. 60.
10. ГАРК, ф. Р-1622, оп. 1, д. 1.
GARK, f. R-1622, op. 1, d. 1.
11. ГАРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 25.
GARK, f. R-20, op. 3, d. 25.
12. ГАРК, ф. Р-20, оп. 3, д. 47.
GARK, f. R-20, op. 3, d. 47.
13. ГАРК, ф. Р-4025, оп. 7, д. 46.
GARK, f. R-4025, op. 7, d. 46.
14. ГАРК, ф. Р-460, оп. 4, д. 445.
GARK, f. R-460, op. 4, d. 445.
15. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 208.
GARK, f. R-652, op. 1, d. 208.
16. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 47.
GARK, f. R-652, op. 1, d. 47.
17. ГАРК, ф. Р-652, оп. 1, д. 611.
GARK, f. R-652, op. 1, d. 611.
18. ГАРК, ф. Р-663, оп. 1, д. 82.
GARK, f. R-663, op. 1, d. 82.
19. Кущенко Г. Голод в Крыму // Вестник административной жизни Крыма. – 1923. – № 2.
Kushchenko G. Golod v Krymu // Vestnik administrativnoi zhizni Kryma. – 1923. – № 2.
20. Народное образование в РСФСР к 1924/25 учебному году. – М., 1925. – 252 с.
Narodnoe obrazovanie v RSFSR k 1924/25 uchebnomu godu. – M., 1925. – 252 s.
21. Отчёт Крым ЦИКа, Совнаркома, Наркоматов и Госучреждений КрССР III Всекрымскому Съезду Советов. – Симферополь, 1923. – 417 с.
Otchet Krym TsIKa, Sovnarkoma, Narkomatov i Gosuchrezhdenii KrSSR III Vsekrymskomu S"ezdu Sovetov. – Simferopol', 1923. – 417 s.
22. Отчёт Совету труда и обороны. На 1 апреля 1922 года. – Симферополь, 1922. – 215 с.
Otchet Sovetu truda i oborony. Na 1 aprelya 1922 goda. – Simferopol', 1922. – 215 s.

Kondratjuk G. N. The development of school education in the Crimean ASSR in the 1920s

The article analyzes the main trends in the development of public education in the Crimean ASSR in the interwar period. The beginning of the 1920s was characterized by fundamental transformations in the school system. Gymnasiums and colleges were replaced by new types of educational institutions – Soviet labor

schools of the first and second levels. The 1920s were a time of large-scale pedagogical experiments. The classroom-lesson system of organizing the educational process was replaced by the brigade-laboratory method, the system of projects, the Dalton plan. The school has acquired a secular character, the composition of the teachers has changed quite significantly. One of the most difficult problems in the work of schools was the lack of budgetary funding. Lack of funds led to the fact that a third of school-age children were outside the educational institutions.

Keywords: Crimean ASSR, school education, national schools.

УДК 94(470-321.9)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-4-55-67

**ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ЛИЧНОЙ КОЛЛЕКЦИИ С. И. КАРНИКОЛЫ
ПО ИСТОРИИ ТЕАТРА В КРЫМУ В XX В.:
ИЗ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ТАВРИДЫ**

Королева Л. И.

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: koroleva.klarisa@list.ru*

На основе систематизации, анализа материалов личной коллекции С. И. Карниколы из фондов Центрального музея Тавриды в научный оборот вводятся новые источники по истории театра в Крыму в XX веке, охарактеризованы наиболее уникальные изобразительные и документальные материалы коллекции и освещены важные вехи жизни и деятельности талантливого актера и художника Крымского академического русского драматического театра им. М. Горького, С. И. Карниколы, собирателя архива.

Ключевые слова: С. И. Карникола, музейная коллекция, Центральный музей Тавриды, Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького.

Актуальной проблемой современного краеведения является введение в научный оборот много численных малоизвестных, а порой вообще неизвестных научному сообществу и широким кругам любителей истории и этнографии, документов и материалов. В этом плане фонды Центрального музея Тавриды заслуживают особенного внимания [21]. Историография заявленной проблемы представлена как общими исследованиями по истории Крымского академического русского драматического театра им. М. Горького, так и работами о жизни и творческой деятельности отдельных выдающихся деятелей театра. В работах И. Давыдовой, М. И. Новиковой на базе архивных и газетных материалов дана историческая ретроспектива становления и развития театральной жизни в Крыму в советский период [8; 22]. В исследованиях Т. Беловой, С. Ландау, А. Р. Кугель тема истории театра раскрывается по материалам биографий известных театральных деятелей советского времени [3; 20]. Указанные работы содержат общую информацию по истории Крымского театра им. М. Горького и дают важные биографические сведения, которые раскрывают окружение С. И. Карниколы, творческую атмосферу интересующего нас периода, что является важным для составления научных комментариев к материалам коллекции Центрального музея Тавриды. Из специализированных краеведческих изданий по истории театра, отметим серию книг руководителя литературной частью Крымского театра им. М. Горького с 1982 г., Л. Г. Касьяненко под названием «Храм Мельпомены», которая выдержала несколько изданий [13–15]. Автор раскрывает историю театра

XIX – XX веках по материалам творческих биографий выдающихся русских, украинских и зарубежных актеров, игравших на сцене старейшего театра Крыма в Симферополе. Отдельной главы о творчестве С. И. Карниколы в издании нет, но здесь мы находим ценную, несколько рассеянную информацию об отдельных творческих работах актера и художника С. И. Карниколы. В 2018 г., в 100-летний юбилей со дня рождения Сергея Ивановича, в газете «Крымские известия» а вышла статья Касьяненко «Он дарил людям сказку». Здесь впервые популярно был дан очерк о творческом пути С. И. Карниколы [16]. В настоящее время не существует отдельного научного исследования по биографии С. И. Карниколы и работы по истории формирования и анализа материалов его личной коллекции, переданной им в фонды Центрального музея Тавриды.

Крымское республиканское учреждение «Центральный музей Тавриды» (в советский период – «Крымский областной краеведческий музей», до 2006 года, Крымский республиканский краеведческий музей) – одно из крупнейших научно-просветительских учреждений Крыма. Коллекция музея насчитывает более 100 тысяч экспонатов. Важной составляющей фондовой коллекции музея являются личные коллекции (архивы, фонды) выдающихся деятелей прошлого и настоящего полуострова, содержащие уникальный материал по истории и культуре Крыма. Одна из таких коллекций принадлежит талантливому актёр и художнику, более полувека проработавшему в Крымском академическом русском драматическом театре им. М. Горького (1929–1985), Заслуженному артисту УССР (1971), Сергею Ивановичу Карниколе (1918–2003). Основная часть материалов коллекции характеризует историю Крымского театра им. М. Горького в советский период. Материалы представляют несомненную ценность, и на сегодня некоторые из них уже задействованы в музейных проектах: уникальные документы из коллекции используются в действующей экспозиции Центрального музея Тавриды. Материалы передавались Сергеем Ивановичем в фонды музея поэтапно: в 1983, 1987, 1991 годы. В обработке и передаче материалов принимали участие: директор музея, Р. Н. Токарева, научные сотрудники музея Л. И. Лобас, Н. В. Николаенко, Ю. С. Вайсенгольц и автор данной статьи. Последнее поступление было осуществлено в 2021 году.

Родился Сергей Карникола в городе Саки в Крыму 1918 году. В 1929 году пришел в театр в качестве ученика художника. Закончил школу-студию при Крымском театре им. М. Горького в Симферополе в 1935 году (преподаватели А. Перегонец, О. Одоевская). К 1941 году Сергей Карникола работал в театре им. М. Горького в нескольких направлениях: в качестве актёра, композитора, художника [41, с. 352]. В августе 1941 года призван в РККА. Работал санитаром в эвакогоспитале № 1243 (77-й фронтовой эвакопункт, 2-й Белорусский фронт). Участник обороны Севастополя. Дважды ранен. Награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны 1-й ст. Был представлен к награждению медалью «За оборону Севастополя». Современный украинский исследователь Леонид Игнатенко занимается темой «Автографы Победы» – автографами, размещенными советскими воинами на здании Рейхстага в мае 1945 года. Многие

надписи победителей вошли в историю Рейхстага и обрели историческое бессмертие. Власти Германии в 2002 году постановили оставить около 700 автографов Победы в качестве исторического свидетельства итогов Второй мировой войны и Победы над нацизмом. В числе 123 уже идентифицированных Л. Игнатенко автографов Победы есть и такой: «Карникола Сергей, 13. 05. 1945, привет из Крыма» [11, с. 65, 66].

После Победы Сергей Иванович вернулся в родной театр. В 1946 году активно включился в актерскую деятельность. В 1947 году Карниколу приглашают на должность главного художника Крымского театра кукол, которую он пятнадцать лет успешно совмещал с работой в театре им. М. Горького. Несколько поколений симферопольцев выросли на спектаклях, художественное оформление которых создавал Сергей Иванович [16].

Карникола-актёр – острохарактерный, с ярким темпераментом, владел мастерством перевоплощений, был мастером эпизода. Сергей Иванович покинул подмостки в 1985 году – подводило здоровье, давали знать о себе последствия военных ранений. В 1988 году в Крымском краеведческом музее состоялась выставка «Артист. Художник. Собиратель», познакомившая симферопольцев с жизнью и творчеством С. И. Карниколы. Впервые, ко всеобщему обозрению был представлен личный архив актера, в котором собраны уникальные документы, изобразительные материалы по истории театра в Крыму в XX веке [16].

Основная часть коллекции Карниколы освещает историю Крымского академического русского драматического театра им. М. Горького за период с 1923 по 1983 годы (в период 1920–1932 годы носил название Крымгосдрамтеатр, с 1932 года присвоено имя Максима Горького, с 1979 года присвоено звание «Академический», далее по тексту: Крымский театр им. М. Горького). Театр является одним из старейших провинциальных театров нашей страны. В 2021 году коллектив театра отметил свой двухсотлетний театральный сезон.

Единичные материалы фонда также освещают деятельность Евпаторийского городского театра в 1919 году, Крымского государственного театра юного зрителя за период 1940–1941 годы, и Севастопольского театра Черноморского флота в 1937 году. Евпаторийский городской театр был основан в 1910 году, в 1937, в столетний юбилей со дня смерти А.С. Пушкина, был переименован в честь поэта, существует по сей день. Театр юного зрителя в Симферополе был основан и работал до войны в указанные годы, после войны не возродился. Театр в Севастополе был основан в 1932 году, имеет славную историю, сегодня носит название: Русский драматический театр Черноморского флота имени Б. А. Лавренёва [8, с. 21, 30].

Личная коллекция С. И. Карниколы содержит разнообразный изобразительный и документальный материал, личные вещи, и включает в себя 105 единиц хранения (ед. хр.). Материалы коллекции можно классифицировать по следующим группам: программки театральные, Крымский театр им. М. Горького, 1934–1983 годы – 63 ед. хр.; программки театральные, Крымский государственный театр юного зрителя, 1940–1941 годы – 7 ед. хр.; листовка театральная, Евпаторийский городской театр, 1919 год; фотографии черно-белые (в том числе, шесть копий), Крымский театр им.

М. Горького, 1923–1992 годы – 16 ед. хр.; фотография черно-белая, Севастопольский театр Черноморского флота, 1937 год; грамота почетная С. И. Карниколы, 1947 год; билет театральный на немецком языке периода оккупации, Крымский театр, г. Симферополь, 1942–1944 годы.; журнал «Театральная жизнь» № 1, 1928 год, выпуск художественного отдела Крымского государственного театра; брошюра «Крымский русский драматический театр им. М. Горького», выпуск литературного отдела Крымского театра им. М. Горького, 1962 год; письмо актеру А. Голобородько, Крымский театр им. М. Горького, 1967 год; копия статьи И. А. Козлова (рецензия на спектакль), газета «Красный Крым», 1947 год; афиша театральная на болгарском языке, Крымский театр им. М. Горького, Болгарский народный театр им. И. Вазова, г. София, 1976 год; девять акварелей, автор С. И. Карникола, 1936–1963 годы; коробка с гримом актера С. И. Карниколы.

На документах и фотографиях архива присутствует оттиск личной печати синими чернилами в виде надписи печатными буквами: «Архив С. И. Карниколы», заключенной в прямоугольную рамку. На страницах театральных программ нередко можно встретить дарственные надписи и автографы по разным случаям, чаще всего это поздравления представителей театральной администрации участникам спектакля с премьерой или успешным исполнением роли, удачным художественным оформлением. Нередки рабочие записи и исправления. Дарственные надписи свидетельствуют, что в архив попадали материалы, связанные прежде всего с творческой деятельностью самого собирателя архива, но также и его ближайшего окружения. Основная часть материалов подлинная и имеет хорошую сохранность. Сохранность довоенных материалов, в частности программ театральных Крымского театра им. М. Горького, удовлетворительная.

Документальная часть фонда в основном представлена театральными программками – важным документальным источником по истории театра, которая позволяет охарактеризовать репертуар, популярные произведения, творческие веяния в театре. По ее материалам можно проследить творческий путь актеров, режиссеров и художников, дополнить и составить фильмографии актеров. Основная часть программ, 63 ед. хр., относится к деятельности Крымского театра им. М. Горького и охватывает период 1934–1983 годы; 7 ед. хр. характеризуют историю Крымского государственного театра юного зрителя в Симферополе за период 1940–1941 годы. Одна программка относится к постановке в Евпаторийском городском театре в 1919 году.

Самый ранний экспонат архива – листовка театральная под заголовком: «Городской театр. 10 сентября 1919 г. Вечер «Евпаторийского курьера». Представление шло на сцене Городского театра в Евпатории. Автор постановки – редакционная коллегия газеты «Евпаторийский курьер» [23]. Городской театр был открыт в Евпатории в 1910 году и пользовался большой популярностью у жителей и гостей курорта. По признанию специалистов, театр в Евпатории в начале XX века был признан лучшим на юге России, после Одесского [8, с. 25]. Листовка датируется сентябрем 1919 года, в этот период полуостров был в руках

белогвардейцев [12, с. 112]. Сюжет театральной постановки связан с местной темой – буднями редакции городской газеты «Евпаторийский курьер». Материалы листовки освещают данные о творческом составе и деятельности евпаторийского театра в белогвардейском Крыму.

Профессиональных историков театра заинтересует имя известного советского актера и режиссера, народного артиста РСФСР, Григория Евсеевича Леондора (1894–1959). О нем известно, что в 1916 году работал в Харьковском театре миниатюр, в 1918–1920 годы – в Симферопольском театре, в 1920–1921 годы был режиссёром и актёром театра коллектива Первой Конной армии, в 1945–1949 годы – художественный руководитель театра в Ростове-на-Дону [20]. Данные биографические материалы можно найти в различных советских и современных справочниках, но о театральной жизни в белогвардейском Крыму в 1919 году сегодня мало что известно. Театральная листовка позволяет осветить историю театральной жизни в Крыму в годы Гражданской войны и дополнить биографии отечественных актеров и режиссеров малоизвестными фактами.

Наиболее ценными из документальной части архива выступают программки театральных довоенного периода. Среди них, серия программок Крымского государственного театра юного зрителя в Симферополе периода 1940–1941 годов. Материалы раскрывают различные аспекты деятельности коллектива театра: выбор тем, произведений, авторов постановок для детей и юношества в сложное предвоенное время, творческий состав, администрацию. На сегодня неизвестна даже дата основания театра. Среди работ по истории театра в Крыму, нет ни одной, посвященной Театру юного зрителя в Симферополе. Серия театральных программок определяет, помимо прочего, некоторые даты деятельности театра. Для примера приведем программку спектакля по сценарию известного советского поэта, писателя и журналиста Михаила Светлова «Двадцать лет спустя», поставленного в 1940 году на сцене театра юного зрителя в Симферополе [26]. Отметим идейное содержание произведения, где освещены события Гражданской войны в России в 1919 году, а главные герои – группа комсомольцев-подпольщиков. Такие сюжеты накануне войны воспроизводились для молодежной аудитории по всей советской стране.

К постановкам Крымского театра им. М. Горького относятся четыре театральных программки 1934–1941 годов. В них отображена деятельность творческого состава театра, основная часть которого в годы оккупации была уничтожена фашистами за связи с подпольем. Самая ранняя относится к театральному сезону 1934–1935 годов, к гастролям театра на ЮБК с одноименным спектаклем по пьесе А. Корнейчука «Платон Кречет» в постановка режиссера Л. С. Фатина [24]. Для главного актерского дуэта спектакля: А. И. Добкевича и А. Ф. Перегонец – это был второй рабочий театральный сезон в Крымском театре им. М. Горького. К 1941 году актеры находятся на пике своей творческой и профессиональной деятельности. В октябре 1941 года фронт был прорван и Крым оказался отрезанным от Большой земли, часть коллектива сделала попытку эвакуироваться, но было поздно. В Симферополь вошли гитлеровцы. Началось

страшное время фашистского управления. В декабре был расстрелян один из ведущих актеров труппы Яков Смоленский. В феврале в гестаповский застенках погиб Анатолий Добкевич [13, с. 33].

В архиве С. И. Карниколы есть уникальный экспонат: программка театральная 1942 года – документальное свидетельство жизни театра в период оккупации [25]. По материалам документа можно написать отдельную статью. Сам экспонат сегодня украшает витрину экспозиции Центрального музея Тавриды, посвященную периоду фашистской оккупации полуострова в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В витрине, рядом с программкой, помещены билеты театральные 1942–1944 годов на немецком языке [4].

В содержании программки указано название: Крымский театр (название в период оккупации), Симферополь. Пьеса «Романс» Эдварда Шельдона. Документ издан на русском и немецком языках. Вступительное слово – на немецком языке. В нём повествуется о событиях в США в конце 1860 годов, связанных с сюжетом пьесы. Отметим некоторые фамилии: главный режиссер театра и спектакля, исполнитель главной мужской роли в данной постановке – Б. В. Харламов (1889–1963), актриса, исполнительница главной женской роли – Корнелия Рутковская (1897–1990). Пара составила звездный дуэт спектакля (в жизни были мужем и женой). О Харламове есть следующие данные: родился в Новгороде, в период 1927–1935 годов являлся актером и режиссером Краснодарского, Днепропетровского театров. С 1936 года – актер Крымского театр им. М. Горького. В 1942–1944 годы, руководитель и главный режиссер Крымского театр им. М. Горького. 13 июля 1944 года арестован по статье 58-3 УК РСФСР о сотрудничестве с оккупационными властями, приговорен к восьми годам лишения свободы. Корнелия Рутковская, в период 1936–1944 годов – ведущая актриса Крымского театра им. М. Горького, в 1944 году арестована вместе с мужем, в том же году освобождена за недоказанностью обвинения. Харламов в 1946 году был сослан в Воркуту. В период 1946–1956 годы режиссер, актер и художник Воркутинского музыкально-драматического театра. После освобождения в 1951 году со своей женой, актрисой К. Рутковской, переехал в Ленинград, где в 1963 году скончался. Реабилитирован в 1994 году [6].

Иная, трагическая, но славная судьба, постигла других участников спектакля 1942 года, которые были организованы в подпольную группу во главе с Николаем Барышевым. 10 апреля 1944 года участников организации Н. А. Барышева, А. Ф. Перегонец, Д. К. Добросмыслова, З. П. Яковлеву, П. И. Четкина, И. Н. Озерова, П. Т. Ефимова, О. А. Савватеева расстреляли за три дня до освобождения Симферополя [13].

Творческий состав коллектива театра после войны почти полностью обновился. Карникола возвращается в родной театр. Можем предположить, что целенаправленно и планомерно архив собирался Сергеем Ивановичем в период с момента его возвращения с фронта в 1945 года и до 1985 года, когда была окончена театральная деятельность. Об этом можно судить по театральным программкам послевоенного периода, которые составили большую часть коллекции и

насчитывают 49 ед. хр. Материалы программ охватывают почти все годы советской истории театра, начиная с Победного – 1945 года. Первичная систематизация материалов видится нам в разделении на комплексы, связанные с творческими биографиями уникальных деятелей крымской театральной сцены.

В первую очередь, обозначим комплекс С. И. Карниколы, ведь личная коллекция, которая была им собрана, является материалом к воссозданию творческой биографии его самого. Отметим, что только за один театральный сезон 1945–1946 годы по документальным материалам выявлено исполнение главных ролей Сергеем Ивановичем в нескольких спектаклях: роль Николая в спектакле «Факир на час» по сценарию В. Дыховичного и М. Слободского, в постановке режиссера Е. А. Орлова; роль Семена Горина в спектакле «Старые друзья» по сценарию Л. Малюгина в постановке режиссера В. А. Арбенина [5]. Список фильмографии актера можно продолжить, изучая материалы других лет. В 1946 году Сергей Иванович создал яркое, образное оформление спектакля Карло Гоцци «Принцесса Турандот» в постановке художественного руководителя театра Л. М. Эльстона [30]. Фотографии с фрагментами декорации вошли в сборник произведений Карло Гоцци, изданный в Москве в это время [15].

В 1960–70-е годы на сцене Крымского театра им. М. Горького начинал свой творческий путь актер А. Голобородько, впоследствии прославившийся своими работами на столичных сценах. Один из документальных комплексов коллекции освещает ранний этап творческой деятельности Александра Голобородько. Среди материалов отметим программку спектакля театрального сезона 1967–1968 годов Крымского театра им. М. Горького по сценарию Эмиль Лилиан Войнич – «Овод», где и режиссерская работа, и главная роль отведена А. Голобородько [27]. В спектакле приняли участие актеры: В. Злокович, Е. А. Тарасов, С. И. Карникола и другие. 1967 год был началом творческого успеха актера Карниколы. Документальные свидетельства этому – телеграмма поздравительная от 26 октября 1967 года от коллектива Академического театра имени Леси Украинки, г. Киев актеру А. А. Голобородько с присвоением ему почетного звания – заслуженный артист УССР, из личной коллекции Карниколы [32].

Коллекция Карниколы содержит интересный документальный комплекс режиссера и актера Б. Мартынова, с его именем связано открытие первой в СССР Малой сцены на базе Крымского театра им. Горького в 1978 году [3, с. 15]. Это были переломный период для театра, в 1979 году театру присвоено звание «Академический». Актер и режиссер Борис Мартынов внес свой определенный, новаторский вклад в творческий успех театра в этот период. Документальный материал архива включает серию театральных программ спектаклей того периода. В этом ряду интересна программка театральной пьесы в документах и письмах «После казни прошу...» в постановке Б. Мартынова, сезона 1980–1981 годов, поставленной на Малой сцене Крымского театра им. М. Горького [28]. В спектакле использованы стихи Б. Пастернака, Е. Евтушенко, Б. Окуджавы. Музыка Д. Шостаковича. Главные роли исполнили: лейтенант Шмидт – заслуженный артист

УССР Ю. Ганюшкин, Б. Халеев. Зинаида Ивановна – Е. Демченко, Н. Малыгина. Текст от автора в исполнении Б. Мартынова.

В 1970–80-е годы Крымский театр им. М. Горького налаживает культурные связи с театрами Болгарии и Венгрии. В архиве Карниколы есть театральная афиша спектакля по пьесе советского драматурга Афанасия Салынского, «Долгожданный», изданная на болгарском языке в г. София в 1976 году [2]. Постановка шла на сцене Народного театра имени Ивана Вазова, являлась совместной постановкой болгарских актеров г. София и советских актеров Крымского театра им. М. Горького, г. Симферополь. Главную роль в спектакле исполнила Виолетта Минкова (болгарская актриса). Постановка режиссера от СССР – Анатолия Новикова. Роли в спектакле исполнили известные болгарские актеры Народного театра: Панчо Манчев, Ангел Алексиев, Борис Велков, Светла Дочева, Илия Недялков. Театральная афиша содержит многочисленные автографы и приветственные надписи актеров, участников спектакля, на болгарском и русском языках.

Среди театральных программ, характеризующих тему культурных международных связей Крымского театра им. М. Горького, примечательна программка спектакля «Дядя Ваня», поставленного на крымской сцене в сезон 1983–1984 годов в постановке главного режиссера А. Новикова. Отметим яркий актерский состав: В. Злокович, С. Кучеренко, Л. Бойко, С. Карникола, Б. Халеев, Е. Сергеева. В спектакле также принимала участие актриса Кечкеметского театра им. Й. Катоны, (Венгрия), Каталин Варга. На страницах программки – дарственная надпись от венгерской актрисы: «Крымскому краеведческому музею в Симферополе на память о моих гастролях. Катя Варга» [29].

Документальный ряд архива дополняет журнал «Театральная жизнь» за 1928 год № 1, который был издан художественным отделом Крымского государственного драматического театра. В издании собраны материалы о деятельности театра в 1928 году. Это был единственный вышедший номер. В настоящее время журнал используется в экспозиции музея, в разделе, посвященном истории и культуре Крымской АССР [10].

Среди документальных материалов отметим ксерокопию статьи И. А. Козлова «Обедненные образы», вышедшей на страницах газеты «Красный Крым» в 1947 году [31]. Автор статьи подверг критике историчность сюжета спектакля «Неизвестные солдаты» режиссеров Л. Эльстона, А. Васильева, поставленного на сцене Крымского театра им. Горького в 1947 году, рассказывающем об актерах подпольщиках в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Напомним, что И. А. Козлов – организатор, участник крымского подполья в годы фашистской оккупации, автор воспоминаний, изложенных в книге «В крымском подполье», изданной в СССР в 1948 году [17].

Завершает документальный ряд коллекции Карниколы брошюра справочного содержания: «Крымский русский драматический театр им. М. Горького», подготовленная литературным отделом театра и изданная в 1962 году. Во вступительной статье дан краткий исторический очерк, подробный репертуар,

обозначен творческий состав, помещены фотографии действующих актеров на момент 1962 года [5].

Изобразительный материал коллекции С. И. Карниколы представлен photographиями и акварелями. Они удачно дополняют документальный ряд в освещении различных тем по истории театра. Данные материалы открывают для нас творческие грани художника Карниколы. Выше по тексту уже прозвучала тема художественного оформления спектаклей Сергеем Ивановичем. Серия акварелей дает нам представление о других художественных интересах автора. Тематика акварелей художника Карниколы – это крымские пейзажи, городские провинциальные виды, сценические образы коллег-актеров по театру. Акварели датированы, на лицевой стороне обозначены от руки автором, карандашом, следующие данные: год, фамилия автора и название сюжета. Акварели созданы в период 1936–1963 годов. В качестве примера отметим самую раннюю работу: «Гурзуф», 1936 год [1].

Фотоматериалы содержат 17 черно-белых фотографий (в том числе – шесть копий) по истории театра в Крыму. Фотографии, в том числе довоенные, хорошей сохранности. Основная их часть характеризует деятельность Крымского театра им. М. Горького в период 1923–1983 годы. Самая ранняя из довоенных фотографий (которых в коллекции всего 10 ед. хр.) относится к 1923 году, она пополнила архив в 2021 году. Фотография подлинная, на ней запечатлен коллектив Крымского театра им. М. Горького на момент 1923 года [33]. В коллекцию Карниколы она поступила из архива семьи Э. К. Чернова (1905–1969) – заслуженного артиста РСФСР. В 1923 году он был принят в Симферопольский театральный техникум и в этом же году поступил во вспомогательный состав театра. Работал в Крымском театре им. М. Горького в 1923, 1950–1969 годы.

1923 год примечателен тем, что был последним годом работы в симферопольском театре начинающей актрисы Фаины Раневской [9]. Фотография сейчас тщательно изучается сотрудниками музея (идентифицируются изображенные здесь личности), все важные факты и открытия дополняют карточку научного описания фотодокумента.

Обращают на себя внимание редкие фотографии актеров, игравших на сцене Крымского театра им. М. Горького в предвоенный период, среди них выделим фотографии 1934–1941 годов, где изображены актрисы: Н. М. Жеромская в сценическом костюме к спектаклю «Маскарад» [35], А. Ф. Перегонец в сценическом костюме Марины Мнишек к спектаклю «Борис Годунов» [36]. Среди довоенных сюжетов интересна фотография костюмного цеха театра им. М. Горького в 1934 году, где отображен рабочий момент подготовки к спектаклю: обсуждение костюма между художественным руководителем театра П. А. Полевым и закройщиком М. А. Вестманом. Такие технические сюжеты работы над спектаклем часто остаются в тени яркой внешней актерской деятельности [34].

Среди немногочисленных фотоматериалов послевоенного периода отметим изображение на фотографии фрагмента из культового для симферопольской театральной сцены спектакля: «Они были актерами», 1977 год. [37]. На фотографии,

среди других актеров, в сценическом образе запечатлён С. И. Карникола. Ранее, в 1973 году, состоялась премьера спектакля по сценарию В. Орлова и Г. Натансона «Они были актёрами», постановочный коллектив которого в 1974 году был награжден Золотой медалью им. А. Попова, а в 1977 году спектакль был удостоен Государственной премии СССР. И сегодня спектакль «Они были актёрами» включен в репертуар Крымского театра им. М. Горького [14, с. 98].

В целом, анализируя фотографические материалы коллекции С. И. Карниколы, отметим, что нам важно было найти изображение самого собирателя. Скудное количество таких изображений заставляет предполагать большую долю скромности в характере Сергея Ивановича. Фотография, упомянутая выше, отобразила образ актера на сцене. Дополнил изобразительный ряд, единственный фотопортрет С. И. Карниколы. Автор фото – представитель известной крымской династии фотографов Марк Леонидович Яблонский. Фотография сопровождается личной подписью Сергея Ивановича и датой на обороте: «1992 г. Крымский краеведческий музей» [37].

Единственная, среди документов и изобразительных материалов, вещь в коллекции – коробка с театральным гримом, которая была передана Сергеем Ивановичем лично в музей еще при жизни [18]. Именно ее наличие, определило ключевой термин – коллекция, для названия нашей статьи. Она символично завершает общий ряд материалов собирателя, художника, и прежде всего, актера – С. И. Карниколы.

Таким образом, С. И. Карникола (1919–2003) прожил яркую долгую жизнь. Его биография отмечена интересными событиями и фактами. Героические страницы биографии связаны с фронтовой деятельностью в годы Великой Отечественной войны: дошел до Берлина, участник обороны Севастополя, награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны 1-й ст. Больше полувека посвятил работе в Крымском академическом русском драматическом театре им. М. Горького (1929–1985). Заслуженный артист УССР (1971). Отметим разностороннюю профессиональную деятельность: помимо яркой актерской карьеры, Карникола создавал художественные образы спектаклей в Крымском театре им. М. Горького, Крымском театре кукол. На протяжении послевоенного периода, Карникола планомерно собирал материалы по истории театра в Крыму. В результате была собрана коллекция в 105 е. х., в период 1983–2021 годы она поступала частями в фонды Центрального музея Тавриды. Основная часть коллекции освещает историю Крымского театра им. М. Горького в период с 1923 по 1983 годы. Материалы архива содержат уникальный документальный и фотоматериал по истории Крымского театра им. М. Горького в довоенный период и в годы фашистской оккупации, некоторые из них, используются сегодня в экспозиции Центрального музея Тавриды. Отметим наличие в коллекции редких, единственных на сегодня из известных документов по истории Театра юного зрителя в Симферополе – театральных программ 1940–1941 годов. Материалы коллекции С. И. Карниколы послевоенного периода составили большую ее часть. Хронологически, этот документальный материал охватил все важные этапные моменты в истории

послевоенного театра им. М. Горького, осветил неизвестные страницы биографии некоторых выдающихся деятелей театра. Существенную часть изобразительного материала коллекции составила серия акварелей сценических образов актеров Крымского театра им. М. Горького, крымских видов, художника С. И. Карниколы, созданных в период 1936–1963 годов.

Список использованных источников и литературы

1. С. И. Карникола. Гурзуф. 1936 г.: акварель. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-44631. Г-3678.
2. Афиша театральная на болгарском языке: спектакль А. Селинского «Долгожданный», г. София, Болгария, 1976 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-40848. Д-14561.
3. Белова Т. Режиссёр Б. Мартынов 2002–2009 // Белова Т. История Крымского украинского театра / Киевский национальный университет театра, кино и телевидения им. И. Карпенко-Карого. Киев, 2010. С. 39–59.
Belova T. Rezhissyor B. Martynov 2002–2009 // Belova T. Istoriya Krymskogo ukrainskogo teatra / Kievskij nacional'nyj universitet teatra, kino i televideniya im. I. Karpenko-Karogo. Kiev, 2010. S. 39–59.
4. Билеты театральные на немецком языке Крымский театр, г. Симферополь, 1942–1944 гг. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-32587. Д-11832.
5. Крымский русский драматический театр им. М. Горького. Симферополь, 1962. 36 с. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-40846. Д-14559.
Krymskij russkij dramaticheskij teatr im. M. Gor'kogo. Simferopol', 1962. 36 s.
6. Борис Харламов // Кино-Театр.РУ: сайт URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/acter/m/sov/333748/bio>.
Boris Harlamov // Kino-Teatr.RU: sayt URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/acter/m/sov/333748/bio>.
7. Грамота почетная ЦК ВЛКСМ. С. И. Карниколы, Москва. 1947 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-40842. Д-14555.
8. Давыдова И. В созвездии братских культур: Русские театры на Украине 1917–1982. Киев, 1983. 174 с.
Davydova I. V sozvezdii bratskih kul'tur: Russkie teatry na Ukraine 1917–1982. Kiev, 1983. 174 s.
9. Дунина С. Т. Фаина Раневская. М., 1953. 83 с.
Dunina S. T. Faina Ranevskaya. M., 1953. 83 s.
10. Театральная жизнь.– Симферополь, 1928.– № 1.
Teatral'naya zhizn'.– Simferopol', 1928.– № 1.
11. Игнатенко Л. А. Автографы на стенах Рейхстага. Харьков, 2020. 202 с.
Ignatenko L. A. Avtografy na stenah Rejhstaga. Har'kov, 2020. 202 s.
12. История городов и сел УССР: в 26 т. Крымская область. / Ин-т истории АН УССР; пред. редкол. Л. Д. Солодовник. Киев, 1974. 623 с.
Istoriya gorodov i sel USSR: v 26 t. Krymskaya oblast'. / In-t istorii AN USSR; pred. redkol. L. D. Solodovnik. Kiev, 1974. 623 s.
13. Касьяненко Л. Храм Мельпомены. Симферополь: СГТ, 2007. 88 с.
Kas'yanenko L. Hram Mel'romeny. Simferopol': SGT, 2007. 88 s.
14. Касьяненко Л. Храм Мельпомены–2. – Симферополь: Доля, 2010. 128 с.
Kas'yanenko L. Hram Mel'romeny–2. – Simferopol': Dolya, 2010. 128 s.
15. Касьяненко Л. Храм Мельпомены–3. – Симферополь: Антиква, 2017. 118 с.
Kas'yanenko L. Hram Mel'romeny–3. – Simferopol': Antikva, 2017. 118 s.
16. Касьяненко Л. Он дарил людям сказку // Крымские известия. 2018. 16 ноября.
Kas'yanenko L. On daril lyudyam skazku // Krymskie izvestiya. 2018. 16 noyabrya.
17. Козлов И. А. В крымском подполье: воспоминания. М.: Молодая гвардия, 1948. 352 с.
Kozlov I. A. V krymskom podpol'e: vospominaniya. M.: Molodaya gvardiya, 1948. 352 s.

18. Коробка с гримом театральная, актера С. И. Карниколы – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы, Симферополь, 1970 г. КП-32588. ИБ-2623.
19. Крымский областной драматический театр им. М. Горького / Сост. Д. Холендро, Л. Жукова. Симферополь: Крымиздат, 1947. 47 с.
Krymskij oblastnoj dramaticheskij teatr im. M. Gor'kogo / Sost. D. Holendro, L. Zhukova. Simferopol': Krymizdat, 1947. 47 s.
20. Кугель А. Р. Театральные портреты. Л.: Искусство, 1967. 384 с.
Kugel' A. R. Teatral'nye portrety. L.: Iskusstvo, 1967. 384 s.
21. Непомнящий А. А. Источники библиографической информации по историческому крымоведению // Библиография и книговедение.– 2019.– № 4.– С. 64–71.
Nepomnyashchii A. A. Istochniki bibliograficheskoi informatsii po istoricheskomu krymovedeniyu // Bibliografiya i knigovedenie.– 2019.– № 4.– С. 64–71.
22. Новикова М. И. Крым театральный. Симферополь: Крымиздат, 1961. 118 с.
Novikova M. I. Krym teatral'nyj. Simferopol': Krymizdat, 1961. 118 s.
23. Программка театральная: «Городской театр. 10 сентября 1919 г. Вечер «Евпаторийского курьера», Евпаторийский городской театр, Евпатория, 1919 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-40845. Д-14558.
24. Программка театральная: спектакль А. Корнейчука «Платон Кречет», Крымгосдрамтеатр им. М. Горького, Симферополь, 1934–1935 гг. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-44428. Д-15712.
25. Программка театральная: спектакль Э. Шельдона «Роман», Крымский театр, Симферополь. 1942 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-44426. Д-15798.
26. Программка театральная: спектакль М. Светлова «Двадцать лет спустя», Крымский государственный театр юного зрителя, Симферополь, 1940 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-42366. Д-15036.
27. Программка театральная: спектакль Э. Л. Войнич «Овод», Крымский русский драматический театр им. М. Горького, 1967 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. ВХ-4128.
28. Программка театральная: спектакль В. Долгий «После казни прошу...», Крымский академический русский, драматический театр им. Горького, Малая сцена, Симферополь, 1980 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-40844. Д-14557.
29. Программка театральная: спектакль А. Чехов «Дядя Ваня», Крымский академический русский драматический театр им. Горького, Симферополь, 1983 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-32591. Д-11829.
30. Программка театральная: спектакль Карло Гоцци «Принцесса Турандот». Крымгосдрамтеатр им. А.М. Горького. Симферополь, 1946 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. ВХ-4128.
31. Статья, копия И. А. Козлов «Обеденные образы», газета «Красный Крым» 1947 г. № 22. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. С-3005 н. в.
32. Телеграмма-письмо поздравительное А. А. Голобородько от коллектива Киевского государственного академического русского драматического театра им. Л. Украинки, г. Киев, 1967 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. ВХ-4128.
33. Фотография черно-белая, подлинная: коллектив Крымского государственного драматического театра. Симферополь, 1923 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. ВХ-4128.
34. Фотография черно-белая, копия: костюмный цех театра, Художественный руководитель театра, П. А. Полевой с закройщиком М. А. Вестманом. Крымгосдрамтеатр им. М. Горького, Симферополь, 1934 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. ВХ-4128.
35. Фотография чёрно-белая, подлинная: спектакль «Маскарад», Н. М. Жеромская в сценической роли. Крымгосдрамтеатр им. М. Горького, Симферополь, 1938 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. ВХ-4128.
36. Фотография чёрно-белая, подлинная: сцена из спектакля «Борис Годунов», А. Ф. Перегонец в сценической роли, Крымгосдрамтеатр им. М. Горького, Симферополь, 1938 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. ВХ-4128.

37. Фотография чёрно-белая, подлинная: сцена из спектакля «Они были актерами», С. И. Карникола в сценической роли, Крымский русский драматический театр им. М. Горького, Симферополь, 1977 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. ВХ-4128.

38. Фотография чёрно-белая, подлинная: портрет С. И. Карниколы, автор М. Л. Яблонский, Симферополь, 1992 г. – Фонды ЦМТ. Личная коллекция С. И. Карниколы. КП-52451. Ф-9174.

Koroleva L. Review of materials from the personal collection of S. I. Karnikola, on the history of theater in Crimea in the twentieth century, from the funds of the Central Museum of Taurida.

The article is intended, based on the systematization, analysis of the materials of S. I. Karnicola's personal collection, from the funds of the Central Museum of Taurida, to introduce into scientific circulation new sources on the history of theater in the Crimea in the XX century, to characterize the most unique visual and documentary material of the collection and to highlight important milestones in the life and work of a talented actor and artist of the Crimean Academic Russian Drama Theater named after M. Gorky, S. I. Karnikola, collector of the archive.

Keywords: S. I. Karnicola, archive, Central Museum of Taurida, Crimean Academic Russian Drama Theater named after M. Gorky.

УДК 94(83)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-4-68-79

**СОВЕТСКО-ЧИЛИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ США В ЗАПАДНОМ ПОЛУШАРИИ
В КОНЦЕ 1960-Х – НАЧАЛЕ 1970-Х ГГ.**

Лосев К. В., Михайлов В. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: k.losev@mail.ru
E-mail: batukom@mail.ru*

Проанализировано влияние экономических и геополитических соображений на политику Соединенных Штатов Америки в Чили в период президентских выборов 1970 г. и на решение администрации президента США Р. Никсона о свержении законно избранного президента Чили С. Альенде путем военного путча. Показано, что ни политические, ни экономические связи Чили с Советским Союзом не являлись главными причинами этого решения американского истеблишмента. Реальное экономическое сотрудничество и финансовая поддержка чилийских просоветских сил со стороны СССР оставалась в период чилийских выборов 1970 г. незначительной. Основными причинами активного вторжения США во внутричилийскую политическую жизнь стали, во-первых, опасения в американском истеблишменте за судьбу доходов американских компаний от добычи полезных ископаемых в Чили, поскольку новое чилийское правительство показало решимость завершить «чилизацию» добычи меди, и, во-вторых, геополитические соображения, для которых свержение демократического режима в Чили могло стать ответом Советскому Союзу за поддержку коммунистического режима на Кубе и показать всему миру невозможность мирного перехода любой страны к социализму.

Ключевые слова: Президентские выборы в Чили 1970 г., «чилизация» меди, С. Альенде, Э. Фрей, Х. Алессандри, Р. Томич, Э. Корри.

Автор вышедшего в 1979 г. доклада «Советские отношения с Латинской Америкой в 1970-х гг.», эксперт американского Государственного Совета по Советским и Европейским исследованиям Коул Блазье писал: «В 1970-х гг. Советский Союз впервые в истории установил нормальные дипломатические и экономические отношения со всеми крупными и большинством малых стран Латинской Америки... за десятилетие объем советской торговли со странами Латинской Америки вырос в десять раз» [10, р. II-1]. К. Блазье отмечает, что улучшение общего положения советско-латиноамериканской торговли началось в 1960-е гг., когда Куба, Бразилия и Чили установили официальные дипломатические отношения с СССР, что привело к тому, что к концу десятилетия все пять «андских» государств (Чили, Перу, Эквадор, Боливия, Колумбия) обменялись с Советским Союзом дипломатическими представителями [10, р. V-2]. Таким образом, американские аналитики признали потенциальное значение чилийского фактора в

расширении геополитического влияния СССР в Западном полушарии и косвенно оправдали вмешательство своего правительства в чилийскую внутреннюю политику, приведшую к падению 11 сентября 1973 г. демократического правительства Сальвадора Альенде и установлению военной диктатуры Аугусто Пиночета.

При этом, активное дипломатическое и экономическое сотрудничество чилийского правительства с СССР началось не с приходом к власти С. Альенде 3 ноября 1970 г., который до своего избрания в 1954 (по приглашению Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС)) и в ноябре 1967 гг. (на торжествах, посвященных 50-летию Великой Октябрьской Социалистической революции) посещал Советский Союз [3], а в период президентства его предшественника и соперника на выборах 1964 г. – Эдуардо Фрея Монтальвы, на предвыборную кампанию которого американское правительство затратило значительные суммы. Согласно официальному отчету Сената США «Тайные операции в Чили 1963–1973 гг.», на предвыборную пропаганду в пользу политических партий, финансирование масс-медиа и общественных организаций в Чили в период 1963–1973 гг. было ассигновано 13,1 млн долл., из которых только прямые инвестиции Центрального Разведывательного Управления США (ЦРУ) в кампанию 1964 г., направленную «на поддержку кандидата христианских демократов в части предотвращения прихода к власти С. Альенде», составили более 2,6 млн долл. [11, р. 7–9].

Можно сравнить эти цифры с финансированием через советские источники Чилийской коммунистической партии, возглавляемой Луисом Корваланом, которое во второй половине 1960-х гг. не превышало 200 тыс. долларов в год [2, с. 111–112]. В период президентства С. Альенде, по оценке зарубежных спецслужб, прямое финансирование коммунистической партии выросло с 400 тыс долл. в 1970 г. до 645 тыс. долл. в 1973 г. [24, р. 6] В то же время в Чили действовали особые, созданные ЦРУ органы (Специальная Группа проверки (Special Review Group) (1950-е–1963 гг.); Комитет 303 (303 Committee) (1964-1969 гг.); Комитет 40 (40 Secret Committee) (перед выборами 1970 г., на которых к власти пришел С. Альенде)), выделявшие куда более солидные суммы на поддержку проамериканских настроений в стране, как среди политической элиты, так и в народных массах [11, р. 57–62].

Придя к власти 3 ноября 1964 г., Э. Фрей, лидер Христианско-демократической партии (Partido Demócrata Cristiano), получившей с начала 1960-х гг. небывалую общественную поддержку, предпринял попытку либерального реформирования экономики Чили, в первую очередь, «чилизацию меди», т.е. выкуп контрольного пакета акций крупнейших медедобывающих компаний, принадлежащих американскому капиталу. Эта политика выводила Чили в обход США на арену международной торговли, поскольку страна была одним из лидеров по добыче меди в мире и ей требовались рынки сбыта, а также горнодобывающее оборудование, надеяться на поставку которого в США у Э. Фрея надежды не было.

Именно это, а также желание политически «надавить» на США, чтобы выторговать более выгодные условия «цилизации», обусловило решение президента восстановить политические и экономические отношения с СССР, которые были прерваны после короткого периода декабря 1944 – октября 1947 гг., когда правительство Хуана Антонио Руиса (президент 2 апреля 1942 – 27 июня 1946 гг.) установило дипломатические отношения с СССР, а правительство его преемника Габриэля Гонсалеса Виделы (президент 3 ноября 1946 – 3 ноября 1952) – разорвало [2, с. 91–94]. Советские специалисты к этому времени стали известны как лучшие в мире в сфере добычи полезных ископаемых, так в 1963 г. геологи Е. А. Бакиров и Е. И. Тагиев были приглашены правительством Бразилии для разведки нефтяных месторождений и опровергли выводы американских коллег об отсутствии на севере страны значительных запасов [10, р. II–21].

24 ноября 1964 г. министр иностранных дел Чили и советский посол в Аргентине подписали договор о восстановлении дипломатических отношений. В следующем году Чили посетил член советского Политбюро А. П. Кириленко, став почетным гостем на 13 Конгрессе чилийской коммунистической партии, а также встретившись с президентом Э. Фреем. В 1966 г. Советский Союз посетила чилийская правительственная делегация во главе с министром труда и социальной политики. 13 января 1967 г. в Москве было подписано торговое соглашение, в котором стороны объявили о желании «принимать все необходимые меры для развития и укрепления торговых отношений между обеими странами на основе равенства и взаимной выгоды» [5]. Позднее нотами на имя министров иностранных дел были подтверждены соглашения об учреждении торговых представительств и советско-чилийской комиссии по внешней торговле. Как писал бывший в это время послом СССР в Чили А. С. Аникин, «эти соглашения были крайне выгодными для Чили: от страны не требовалась свободно конвертируемая валюта. СССР предоставил кредитов на общую сумму в 57 млн долл. Кроме того, Москва изъявила готовность тратить до 30% выручки, полученной от продажи советских товаров Чили, на закупку чилийской продукции» [1, с. 158]. В основном это были товары народного потребления – шерстяные ткани, одежда, обувь, фрукты [10, р. II–26].

Однако реальные экономические отношения двух стран развивались медленно, как и реформы Э. Фрея, которому удалось убедить крупнейшего владельца чилийских медных рудников, американскую кампанию *Anaconda*, продать свои акции государственной чилийской компании лишь к 1983 г. Вторая по величине американская медедобывающая кампания *Connecott*, продала государству 51 процент акций, однако, было создано совместное предприятие с контрактом с американским менеджментом гарантированно на 11 лет. Американские бизнесмены обещали чилийскому правительству вложить в расширение добычи меди за четыре года более 300 млн. долларов, включая расширение производства и строительство домов для рабочих, за что Фрей снизил налог на добычу до с 80 до 40 % на период выкупа (для *Anaconda* – на 20 лет), так что доходы американских медрудных кампаний в Чили увеличились с 1964 по 1969 гг. в три раза [6, с. 22]. США продолжали оставаться подавляюще крупным экономическим партнером Чили. В

1968–1970 годах Чили в среднем подавала в Америку товаров на 185 миллионов долларов в год [1].

В условиях противоречивых переговоров президент Э. Фрей с американцами, советские договоры о торговле оставались практически неисполняемыми. В 1970 г., согласно подготовленному в 1972 г. советской Академией наук докладу по чилийско-советским отношениям, объем торговых операций СССР с Чили составлял 800 тысяч рублей – сумма поразительно ничтожная. В среднем в 1966–1970 гг. торговля СССР с Чили составляла еще меньше – 360 тысяч рублей в год [4]. Э. Фрей в марте 1969 г. убеждал американского посла Эдварда Корри, что с его советским коллегой он встречался за пять лет своего президентства только один раз [26]. В 1971 г., уже при президенте С. Альенде, советские источники определили торговый объем в 7,8 млн руб., при том, что США увеличили только прямые инвестиции в Чили с 15 млн. долларов в 1970 г. до 55 млн долл. в 1971 г. Впрочем, советские академики подсчитали, что потребности чилийской экономики в советских ресурсах и товарах составляют 100–120 млн руб. (160–200 млн долл. по официальному советскому курсу (Chile in the Archives of the USSR. Doc. 2–9 [24, p. 10])).

Таким образом, приход к власти С. Альенде, считавшегося «другом СССР», казался советским аналитикам шансом для резкого увеличения товарооборота с Чили и созданием в Южной Америке нового очага советского влияния. Как отмечалось в Меморандуме помощника Госсекретаря по межамериканским делам Чарльза Мейера Госсекретарю Генри Киссинджеру от 18 августа 1970 г., «...логически следует, что [партийная коалиция «Народное Единство» (Unidad Popular)] будет стремиться к исключению Соединенных Штатов. В любом случае, мало сомнений остается в том, что правительство С. Альенде ускорит развитие отношений с Кубой, Северным Вьетнамом и т.д. Попытки расширить торговлю и культурные отношения с социалистическими странами в некоторых случаях (в том числе, с СССР) не требуют ничего кроме более широкого использования уже существующих договоренностей» [17, p. 80].

Это хорошо понимали и в США, отчего именно выборы 1970 г., когда шансы С. Альенде их выиграть были как никогда высоки (до того Альенде проиграл в трех кампаниях, хотя и набирал в каждой из них все больше голосов (5,5% – в 1952 г., 28,9% – в 1958 г., 38,6% – в 1964 г. [2, с. 221])), стали для ЦРУ самыми дорогостоящими. В ноябре 1969 г. президент США Ричард Никсон подписал Меморандум о национальной безопасности за номером 40, согласно которому вместо Комитета 303, ответственного за тайные операции в Чили по линии ЦРУ, был создан Комитет 40 в состав которого был включен посол США в Чили [23]. Ситуация для США в Чили в 1969 г. была чрезвычайно невыгодной. Прежде всего, «цилизация меди», заявленная Э. Фреем, не способствовала тому, чтобы Америка тратила большие средства на поддержку его политического курса. Так, в телеграмме американского посольства в Чили в Государственный департамент от 25 марта 1969 г. говорилось: «...вряд ли стоит надеяться, что медные и сырьевые кампании станут инвестировать после того, как Чили приняло 6 млрд долл. инвестиций и

кредитов от медных компаний и правительства США и тотчас национализировало [медные рудники] [26]. При этом, даже государственный секретарь и советник президента Ричарда Никсона по национальной безопасности Г. Киссинджер признавал, что национализация в какой-то мере необходима, поскольку, как он писал президенту 11 июля 1969 г., «...с психологической точки зрения, соглашение (о продаже акций чилийскому правительству) устраняет спорную историческую систему доминирования *Anaconda* в экономической жизни Чили. *Anaconda* символизирует для чилийцев... их зависимость от Соединенных Штатов» [18].

Поскольку по Конституции Чили Э. Фрей не мог вторично быть избранным президентом, его место в качестве лидера христианских демократов занял Радомир Томич. Томич придерживался более левых взглядов, чем Фрей, поэтому в США опасались, что он попытается ускорить «чилизацию меди» и, более того, даст ход медленно идущей аграрной реформе, а также начнет программу либерализации чилийской внешней торговли, пока что целиком привязанной к доллару и зависимой от США. Главным проамериканским кандидатом стал 73-летний консерватор Хорхе Алессандри, бывший президентом Чили в 1958–1964 гг. и сын Артуро Алессандри, президента в 1920–24 и 1932–38 гг. Проведенные на деньги ЦРУ опросы показали, что Х. Алессандри имеет некоторое преимущество среди чилийцев, однако, в Конгрессе за него стояли лишь пятая часть депутатов (43 из 200) [9].

Основные дебаты в американском истеблишменте развернулись вокруг вопроса возможной победы блока «Народное Единство» Сальвадора Альенде. При этом, участие (как идеологическое, так и экономическое) ни в ЦРУ, ни в администрации президента Р. Никсона, не рассматривалось, в качестве серьезной проблемы. Посол Э. Корри отмечал, что взгляды С. Альенде не сходятся с программой чилийской компартии, а компартия, в свою очередь, имеет отличие в идеологии от пропагандируемых Советским Союзом идей. При этом, с экономической и идеологической точек зрения, Э. Корри полагал, что нельзя относиться к Альенде как ко второму Фиделю Кастро, поскольку, если он будет идти к той же цели другим путем, это будет еще хуже для США, так как покажет живучесть коммунистической и просоветской идеи. Э. Корри предупреждал правительство, что С. Альенде, в отличие от Кастро, может сохранить индивидуальные свободы, завоевать поддержку мировых СМИ, значительно увеличив популярность социалистического лагеря в Западной полушарии [14]. Как результат переговоров, проведенных в январе 1970 г. в государственном департаменте представителями дипломатических и силовых ведомств США, в Меморандуме для Комитета 40 основной целью тайных операций в Чили было объявлено воспрепятствование победе на выборах блока С. Альенде. Но в Меморандуме ни слова не упоминалось о Советском Союзе и его влиянии на политику и экономику Чили [13].

В секретных документах ЦРУ С. Альенде фигурирует как «марксист», «ленинист» и «кастроист», каким он, безусловно, не являлся. В свою очередь, левый христианский демократ Радомир Томич характеризовался как сторонник «югославского социализма», что в условиях конфликта И. Тито и советского

руководства представлялось для некоторых в США (прежде всего, посла Э. Корри) позитивным электоральным моментом [22]. Под влиянием Э. Корри Комитет 40 в марте 1970 г. решил не делать ставку на поддержку какого-либо конкретного кандидата [24, р. 19]. В июне 1970 г. для Комитета 40 Э. Корри был разработан двухэтапный план финансирования секретных операций по дискредитации С. Альенде, принятый в первой части (300 тыс долл.) 27 июня Г. Киссинджером. Второй этап (500 000 долларов), главной статьей расходов которого Э. Корри определили подкуп членов Конгресса после победы Р. Томича или Х. Алессандри на общенациональных выборах, было решено держать в строгой тайне [15].

Еще в августе 1970 г. американцы были совершенно уверены в том, что С. Альенде проиграет выборы. Результаты, полученные 4 сентября, были для них как гром среди ясного неба. Это был серьезный удар по влиянию США в мире. Как писал в дневнике 1974 г. советский аналитик-международник А. С. Черняев, «Киссинджер через 10 дней после победы Альенде заявил в комитете по национальной безопасности США: главная опасность от Чили – в Западной Европе. Если будет доказана возможность мирного пути к социализму, наше (т.е. США) дело в перспективе проиграно!» [7].

Начались склоки среди членов Комитета 40. Особые упреки достались послу Э. Корри. Еще в ходе предвыборной кампании представитель *Anaconda* Джей Паркинсон сообщил о подозрениях в штабе Х. Алессандри, что, симпатизируя христианским демократам и лично президенту Э. Фрею, с которым американский посол находился в постоянном контакте, Э. Корри способствовал тому, чтобы фонды секретных операций шли Р. Томичу, в то время, как Алессандри ничего не получал [20]. Кроме того, христианские демократы, будучи партией власти, имели доступ к правительственным ассигнованиям, как открытым, так и законспирированным, что ставило конкурентов С. Альенде по выборам в неравноправное положение.

Штаб Х. Алессандри через Дж. Паркинсона озвучил необходимую для его избрания сумму в три миллиона долларов, но Э. Корри в развернутом ответе от 28 апреля 1970 г. заявил, что «Алессандри, без вопросов, может истратить и куда больше денег, но наши тщательные вычисления показывают, что миллиона, правильно вложенного с лихвой хватит на оставшиеся до выборов четыре месяца. (А если тратить честно и с умом, то будет достаточно и половины этой суммы)». Он предложил, чтобы тысяча обеспеченных «друзей» претендента вложили в его кампанию по тысяче долларов, поскольку «в электорат Алессандри входит подавляющее большинство чилийцев с высоким доходом». Посол утверждал, что в случае больших трат, скрыть участие США в выборах будет невозможно, а это нанесет урон престижу самого Х. Алессандри, который к тому же «имеет известные связи с *Anaconda* и чилийцами, действующими как посредники» [27]. Позже, по сообщению Вирона Ваки из президентского Совета по Национальной безопасности, Э. Корри называл Х. Алессандри человеком с «выраженным старческим маразмом, как физическим, так и психическим», у которого нет «никакой программы и никакой организации» [19]. Теперь, после победы С. Альенде, эти издевательские

замечания посла звучали не столь убедительно. Соображения посла, что увеличение электората Х. Алессандри может произойти только за счет Р. Томича, теперь выглядели как очевидный просчет дипломата. Он явно упустил главную цель всей кампании – делать все, чтобы победа не досталась С. Альенде.

Что касается роли СССР в чилийских событиях 1969–1970 гг., то она была откровенно незначительной. Российские историки объясняют ее так: «Сыграл свою роль... геополитический фактор: Чили находилась вне зоны влияния Советского Союза, в 1970-е гг. Советский Союз проводил политику мирного сосуществования с Соединенными Штатами и не был готов рисковать реализацией своей стратегической линии ради маленькой далекой страны» [2, с. 133]. В Меморандуме разведки США от 7 сентября 1970 г. указывалось: несмотря на то, что «...советское присутствие в Чили может идти разными путями, мы уверены, что военное присутствие, хотя и нежелательно, но маловероятно» [12]. Гораздо больше правительство США волновало возможность создания в Западном полушарии «оси Куба-Чили», нежели прямое советско-чилийское сотрудничество.

О другой причине слабого влияния СССР на чилийские события К. Блазье писал в 1979 г.: «Латиноамериканские коммунисты по большей части критичны к «ультра-левым» и «путчистам», т.е. к тем, кто поддерживает вооруженные выступления... Советские коммунисты не имеют инициативы в этой области. Они предпочитают дожидаться внутреннего развития в отдельных латиноамериканских странах... советские публикации и выводы советских специалистов обычно пессимистичны относительно освободительного движения в короткой и средней перспективе». Проблемой для СССР являлось и то, что большинство военизированных партизанских движений в Латинской Америке имели, про словам К. Блазье, «троцистскую, кастристскую, маоистскую или даже более радикальную идеологию... и были резко критичны к просоветским коммунистам в своих странах» [10, р. V-7]. В мемуарах А.С. Черняева, заместителя заведующего отдела международных отношений ЦК КПСС, имеется заметка о встрече генерального секретаря чилийской Социалистической партии (Partido Socialista de Chile, PS) Карлоса Альтамирано с китайским премьером Чжоу Эньлаем в марте 1972 г.: «5 часов он провел с Чжоу. Восторги – «незаконченная революция», «великий народ», «судьбы человечества» (в духе Никсона)... Либо они отчаялись в реальности советской помощи, либо сказывается «революционная» натура антикоммуниста-антисоветчика, поскольку СССР – законченное общество, подобное западно-потребительскому, и заурядная сверхдержава...» [8].

К. Блазье отмечал в отчете Государственному Совету по Советским и Европейским исследованиям, что наличие дипломатических представителей почти во всех латиноамериканских странах дает прямой доступ через них к лидерам правительства и «серьезные возможности капитализировать ошибки и слабости дипломатии США... Лидеры США должны помнить пример Ф. Кастро и стремиться создать такую ситуацию, в которой правительства не станут обращаться за прямой поддержкой к СССР. Это произойдет только в том случае, если латиноамериканские правительства будут уверены, что они получают больше выгод,

сотрудничая, а не конфликтуя с США» [10, р. V-8]. Можно видеть, что идея «мягкой силы» уже витала в воздухе конца 1970-х гг., смещая в умах американских политиков силовые методы на периферию международных отношений и геополитики.

Первый опыт несилового, экономического нажима на страну США предприняли еще раньше, в 1955 г., когда на запрос чилийского правительства послали экономическую делегацию, получившую название «миссия Клейтона-Сакса». «Изучив ситуацию в Чили, американская миссия рекомендовала ограничить роль государства в экономике, укреплять частный сектор, отказаться от поддержания дефицитных предприятий и вернуться к экспортной модели. В 1950-х гг. эти идеи еще казались еретическими даже в самих США, и не удивительно, что они были отвергнуты правительством Карлоса Ибаньеса (президент 3 ноября 1952 – 3 ноября 1958). Вместе с тем работа миссии не осталась незамеченной, ее идеи были с энтузиазмом восприняты частью чилийских промышленников-технократов, чьим рупором была крупнейшая и влиятельная правая газета страны *El Mercurio*. Вскоре начался академический обмен студентами и преподавателями экономических факультетов чилийского Католического университета и университета Чикаго, одного из немногих в США, где господствовали идеи Милтона Фридмана. Так было положено начало развитию неолиберальной доктрины в Чили и формированию будущих «чикагских мальчиков», вставших у руля чилийской экономики в период диктатуры Пиночета» [24, р. 102–103]. Отношения с СССР в этот период были полностью разорваны, как на дипломатическом, так и на экономическом уровне.

Однако для того, чтобы неолиберальные идеи были реализованы, США потребовалось с помощью отнюдь не «мягкой силы» прервать демократический ход развития чилийского государства и почти на два десятилетия отдать страну во власть диктатуры, подавляющей любое проявление политического свободомыслия. Уже в самом разгаре предвыборной кампании 1970 г. посол Э. Корри получил из госдепа телеграмму, в которой указывалось, что «...с точки зрения интересов США, все три кандидата рано или поздно станут невыгодными для США» [25]. Разведка в те же дни сделала еще более радикальные выводы, заявив, что «ни один из кандидатов в президенты не поддерживается политической силой», а «напряжения в отношениях между США и Чили будут сохраняться и при Алессандри, и при Томиче», при том, что «враждебность Альенде и его союзников к США укоренена более глубоко» и к тому же грозит вовлечением в конфронтацию стран социалистического лагеря. Выводы разведки сводились к тому, что ситуация в Чили станет более напряженной и взрывоопасной в любом случае [22].

Анализ политики дискредитации коммунистического движения в Чили, проведенный самими американцами, привел их лидеров к выводу, что она «имела относительно успешный итог», однако «лозунги национализма, «экономической независимости» и «анти-империализма» получили почти всеобщую поддержку в [чилийском] обществе» [11, р. 19]. Именно эти настроения, а не деятельность «кастроистов» и коммунистов представляла для США наибольшую опасность как в области экономических интересов, так и в области идеологического влияния. В

условиях, когда даже в правительстве и парламенте Чили преобладали антиамериканские настроения, требовалось нечто большее, нежели пропаганда и подкуп.

Американский истеблишмент долго сомневался в целесообразности подкупа чилийских конгрессменов. В меморандуме помощника Госсекретаря по межамериканским делам Чарльза Мейера заместителю госсекретаря по политическим делам Уралу Джонсону указывалось, что подкуп конгрессменов является «явным вмешательством и коррупцией принципиальных институтов чилийского правительства», а возможное раскрытие этого уронит «престиж американского правительства, как внутри страны, так и за рубежом» [16]. В результате победы Альенде подкуп не потребовался, что освободило правительство США от одной «грязной работы». Но она открывала прямую дорогу к военному вмешательству США в чилийские дела и свержению законного правительства, что и произошло 11 сентября 1973 г. Впрочем, анализ документов показывает, что подобный переворот мог произойти и в случае победы в 1970 г. любого другого кандидата. Более того, решение о подготовке военного переворота в Чили после победы С. Альенде на выборах и его инаугурации чилийским Конгрессом 3 ноября 1970 г. принималось в 1970 г. в Вашингтоне лично президентом, его советником по национальной безопасности (Г. Киссинджером), директором ЦРУ (Р. Хелмсом) и шефом дипломатической службы США (Дж. Митчеллом). Комитет 40, как проваливший свою миссию в Чили, в известность о совещании и принятом на нем решении не был даже поставлен [11, р. 11]. Лидеры США ожидали первых шагов нового правительства, которые могли бы показать вектор экономических и социальных перемен в стране.

Когда опасения лидеров США о начале более тесного сотрудничества нового чилийского правительства с Кубой и Советским Союзом подтвердились, ноябрьское 1970 г. решение лидеров США стало основой для разработки силовой операции американских спецслужб, операции «Кондор», в ходе которой 11 сентября 1973 г. был произведен военный переворот, и к власти в Чили пришла военная хунта во главе с А. Пиночетом. Показателем того, что именно на военное решение «чилийской проблемы» сделало ставку американское правительство в случае победы на выборах С. Альенде, является тот факт, что в период подготовки и проведения выборов 1970 г. произошло увеличение военных поставок в Чили с 1 млн 676 тыс долл. в 1969 г. до 7 млн 503 тыс долл. в 1970 г., т.е. почти в пять раз [11, р. 37]. В то же время помощь по разным экономическим и культурным программам за тот же период уменьшилась с 80 млн 300 тыс долл. до 29 млн 600 тыс долл., т.е. почти в три раза [11, р. 34]. Не случайно, тесно общавшийся с американским послом Э. Корри президент Э. Фрей сказал сразу же после сентябрьских выборов: «при Альенде у Чили будет очень короткое будущее» [21]. Так и случилось.

Список использованных источников и литературы

1. Аникин А.С. Внешняя политика Чили 1938–1967. М.: Наука, 1974. 194 с.

- Anikin A.S. Vneshnyaya politika Chili 1938–1967. Moscow: Nauka, 1974. 194 p. (In Russ).
2. Богущ Е. Ю., Щелчков А. А. Политическая история Чили XX века. М., Высшая школа, 2009. 224 с. [Bogush E.Yu., Shchelchikov A. A. Politicheskaya istoriya Chili XX veka. [Political history of Chile of the XX century] Moscow, Vysshaya shkola, 2009. 224 p. (In Russ).
3. Лаврецкий И. (Григулевич И.Р.) Сальвадор Альенде. 2-е изд. М., изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия», 1975. 288 с. :https://www.litmir.me/br/?b=177903&p=1#section_3 (дата доступа 10.10.2021).
- Lavreckij I. (Grigulevich I. R.) Sal'vador Al'ende. Moscow, Molodaya Gvardiya], 1975. 288 p. (In Russ). Available at: https://www.litmir.me/br/?b=177903&p=1#section_3 (accessed 10.10.2021). (In Russ).
4. Платошкин Н. Н. Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация. М., Университет Дмитрия Пожарского, 2011. 400 с. [Электронный источник]: <https://www.litmir.me/bd/?b=578628> (дата доступа 10.10.2020).
- Platoshkin N. N. Chili 1970–1973 gg. Prervannaya modernizaciya. Moscow, Dmitry Pozharsky University, 2011. 400 p. (In Russ). Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=578628> (accessed 10.10.2021). (In Russ).
5. Торговое соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Чили. Сборник торговых договоров и соглашений по торгово-экономическому сотрудничеству СССР с иностранными государствами. М.: Экономика, 1977. Т. 2. 435 с. [Электронный источник]: <http://base.garant.ru/2540705/> (дата доступа 10.10.2021).
- Torgovoe soglasenie mezhdru Soyuzom Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik i Respublikoj Chili. Sbornik torgovyh dogovorov i soglashenij po torgovo-ekonomicheskomu sotrudnichestvu SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Moscow, Economics, 1977, T. 2. 435 p. (In Russ). Available at: <http://base.garant.ru/2540705/> (accessed 10.10.2021). (In Russ).
6. Чернышев В. П. Заговор «мумий». М.: Политиздат, 1974. 222 с.
- Chernyshev V. P. Zagovor «mumij». Moscow: Politizdat, 1974. 222 p. (In Russ).
7. Черняев А. С. Дневник 1974 г. 5 января 74 г. [Электронный источник]: <http://www.fedy-diary.ru/html/032011/13032011-04a.html> (дата доступа 10.10.2021)
- Chernyaev A. S. Dnevnik 1974 g. 5 yanvarya 72 g.. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/html/032011/13032011-04a.html> (accessed 10.10.2021). (In Russ).
8. Черняев А. С. Дневник 1972 г. 25 марта 72 г. [Электронный источник]: <http://www.fedy-diary.ru/html/032011/13032011-04a.html> (дата доступа 10.10.2021).
- Chernyaev A. S. Dnevnik 1972 g. 25 marta 72 g. Available at: <http://www.fedy-diary.ru/html/032011/13032011-04a.html> (accessed 10.10.2021). (In Russ).
9. Backchannel Message From the Ambassador to Chile (Korry) to the 40 Committee. Santiago, June 18, 1970 // Foreign Relations of the United States. 1969 – 1976. Volume XXI. Chile, 1969-1973. Washington, United States Government Printing Office, 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d35> (accessed 10.10.2020).
10. Blasier C. Soviet Relation with Latin America in the 1970's. Final Report to National Council for Soviet and European Research. Pittsburg, Univ. of Pittsburg, October 1979. I 1-2, II 1-34, III 1-15, IV 1-20 p, V 1-9 pp.
11. Covert Action in Chile 1963–1973. Staff Report of the Senate Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities United States // Senate. 94th Congress, 1st Session, Washington, Committee Print U.S. Government Printing Office, 1975, pp. 7–9.
12. Intelligence Memorandum. Washington, September 7, 1970. The Situation Following the Chilean Presidential Election // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume E-16. Documents on Chile, 1969-1973. Washington, United States Government Printing Office, 2015. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve16/d18> (accessed 10.10.2021).
13. Memorandum for the 40 Committee. Washington, March 5, 1970. Political Action Related to 1970 Chilean Presidential Election // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume XXI. Chile, 1969–1973. Washington: United States Government Printing Office, 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d29> (accessed 10.10.2020).

14. Memorandum for the Record. Washington, January 19, 1970. Discussion of U.S. Government Activities Leading Up to the Chilean Election in September 1970. Held at State Department on 19 January 1970 // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume XXI. Chile, 1969–1973. Washington, United States Government Printing Office, 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d28> (accessed 10.10.2021).

15. Memorandum for the Record. Washington, June 27, 1970. Minutes of the Meeting of the 40 Committee, 27 June 1970 // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume XXI. Chile, 1969–1973. Washington, United States Government Printing Office, 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d41> (accessed 10.10.2021).

16. Memorandum From the Assistant Secretary of State for Inter-American Affairs (Meyer) to the Under Secretary of State for Political Affairs (Johnson). Washington, August 31, 1970 // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume XXI. Chile, 1969–1973. Washington, United States Government Printing Office, 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d58> (accessed 10.10.2021).

17. Memorandum From the Chairman of the Interdepartmental Group for Inter-American Affairs (Meyer) to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger). Washington, August 18, 1970 // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume E-16. Documents on Chile, 1969–1973. Washington, United States Government Printing Office, 2015. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve16/d13> (accessed 10.10.2021).

18. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon. Washington, July 11, 1969 // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume XXI. Chile, 1969–1973. Washington, United States Government Printing Office, 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d17> (accessed 10.10.2021).

19. Memorandum From Viron P. Vaky of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger). Washington, June 26, 1970. // Foreign Relations. 1969 – 1976. Volume XXI. Chile, 1969–1973. Washington, United States Government Printing Office, 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d40> (accessed 10.10.2021).

20. Memorandum of Conversation. Washington, April 10, 1970. Anaconda Requests U.S. Government Financial Assistance for the Alessandri Election Campaign // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume XXI. Chile, 1969–1973. Washington, United States Government Printing Office, 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d32> (accessed 10.10.2021).

21. Memorandum Prepared in the Central Intelligence Agency. Washington, November 18, 1970. Report on CIA Chilean Task Force Activities 15 September to 3 November 1970 // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume E-16. Documents on Chile, 1969–1973. Washington, United States Government Printing Office, 2015. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76ve16/d39> (accessed 10.10.2021).

22. National Intelligence Estimate. Washington, July 30, 1970 // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume XXI. Chile, 1969–1973. Washington, United States Government Printing Office, 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d47> (accessed 10.10.2021).

23. National Security Decision Memorandum 40 // Foreign Relations of the United States. 1969 – 1976. 1969–1976. Volume II. Organization and Management of U.S. Foreign Policy, 1969–1972. Washington, United States Government Printing Office, 2006. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v02/d203> (accessed 10.10.2021).

24. Talavera A. F. The United States and the Soviet Union in Chile // Estudios Públicos, № 72, Spring 1998, P. 1–12.

25. Telegram From the Department of State to the Embassy in Chile. Santiago, July 2, 1970 // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume XXI. Chile, 1969–1973. Washington, United States Government Printing Office, 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d42> (accessed 10.10.2021).

26. Telegram From the Embassy in Chile to the Department of State. Santiago, March 25, 1969, 1700Z // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Vol. XXI. Chile, 1969–1973. Washington, United

States Government Printing Office. 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d4> (accessed 10.10.2021).

27. Telegram From the Embassy in Chile to the Department of State. Santiago, April 28, 1970, 2000Z. // Foreign Relations of the United States. 1969–1976. Volume XXI. Chile, 1969–1973. Washington, United States Government Printing Office, 2014. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v21/d33> (accessed 10.10.2021).

Losev K. V., Mikhailov V. V. Soviet-Chilean economic relations and geopolitical interests of the United States in the Western hemisphere in the late 1960s – early 1970s

The article is devoted to the study of the influence of economic and geopolitical considerations on US policy in Chile during the 1970 presidential election and on the decision of The Nixon administration to overthrow the legitimately elected President S. Allende through a military putsch. It is shown that neither Chile's political nor economic ties with the Soviet Union were the main Reasons for this decision. The main reasons for the active US invasion of internal Chilean political life were fears in the American establishment about the fate of the revenues of American campaigns from mining in Chile, as well as geopolitical considerations for which the overthrow of the democratic regime in Chile could be a response to the Soviet Union for supporting the Communist regime in Cuba.

Keywords: Presidential Elections in Chile in 1970, nationalization of copper, E. Frei Montalva, S. Allende Gossens, J. Alessandri Rodrigues, R. Tomic Romero, Edward.M. Korry.

УДК: 727.7(477.75)«1948»

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-4-80-106

**«НА МЕСТАХ НЕТ ДОЛЖНОГО ВНИМАНИЯ К ВОПРОСАМ ОХРАНЫ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ХОЗЯЙСТВА ГОРОДОВ И РАЙОНОВ
КРЫМА»: ИТОГОВЫЙ ДОКЛАД СОВЕЩАНИЯ О ПРОБЛЕМАХ
СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЛУОСТРОВА В 1948 Г.**

Манаев А. Ю.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: manaev_1977@mail.ru*

Актуальным направлением современных исторических исследований является введение в научный оборот новых архивных источников и их критическое осмысление. В публикации анализируется доклад на совещании по проблемам охраны памятников в Крыму в областном исполнительном комитете, которое состоялось в 1948 г. В докладе рассмотрены различные аспекты памятникоохранной деятельности на полуострове во второй половине 40-х гг. XX века. Приводятся малоизвестные факты о состоянии археологических и архитектурных комплексов Крыма, поднимаются вопросы их финансирования и рационального использования.

Ключевые слова: Крым, охрана памятников, доклад, отдел архитектуры, музеи.

Одним из актуальных направлений современной исторической науки является введение в оборот новых документальных источников и их критическое осмысление. Объективность и полнота любого исследования напрямую зависит от разработанности источниковой базы по той или иной проблеме. В полной мере этот тезис касается и такого вектора научных изысканий как охрана культурного наследия. Тема изучения процессов, связанных с историей охраны памятников истории и культуры сегодня привлекает внимание многих исследователей. Однако зачастую публикации носят сугубо описательный характер и опираются на ранее изданные статьи и монографии, основанные на источниковедческих наработках советской исторической школы.

Особое место в памятниковедческих штудиях занимает период середины XX века. Для крымских памятников и их исследователей события 30-х–50-х гг. XX века были во многом трагичными. Упадок краеведческого движения в предвоенные годы, разрушение крымских памятников в годы Великой Отечественной войны и трудности послевоенного восстановления делали изучение историко-культурного наследия Крыма по сути подвижническим трудом. Трудности осмысления этого периода во многом связаны как раз со скудностью опубликованных источников. Для преодоления этого «источникового дефицита» в изысканиях в области охраны культурного наследия Крыма в последние десятилетия исследователями введены в

научный оборот новые группы документов, позволяющие глубже и полнее реконструировать исторические процессы, связанные с памятниками Тавриды.

Фундаментальным исследованием по истории рассматриваемого периода является указатель источников и литературы, представленный профессором Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского А. А. Непомнящим. На страницах указателя в научный оборот впервые введены основные фонды центральных и крымских архивов, публикации в средствах массовой информации, научные статьи и монографии, связанные в том числе и с тематикой охраны культурного наследия в 1921–1945 гг. [19]. Тема охраны культурного наследия в Крыму в 1920–30 гг. рассмотрена на страницах монографии А. В. Хливнюка. Важность этого исследования заключается также в публикации целого блока архивных документов, однако они в подавляющем большинстве иллюстрируют события и процессы крымского памятниковедения в 1920-е гг. [20]. Некоторые архивные документы, характеризующие вопросы состояния крымских памятников археологии и архитектуры в послевоенные годы опубликованы в ряде наших работ [15; 17].

Отдельно стоит выделить публикации источников, не связанных на прямую с тематикой охраны культурного наследия, однако отражающие в целом процессы в историко-культурной научной жизни Крыма во второй половине 40-х гг. XX века. Так в работе В. Ю. Юрочкина и В. В. Майко на основе малоизвестных архивных документов раскрываются особенности развития исторической науки в Крыму в конце 1940-х – начале 1950-х гг., дискуссии об этнической истории народов полуострова в древности, а также специфике создания Крымской научно-исследовательской базы Академии наук СССР [31]. Аспекты создания и начального этапа функционирования Тавро-скифской археологической экспедиции, изложены в публикации Ю. П. Зайцева [11].

Во второй половине 40-х годов Крым оказался в эпицентре многих процессов, которые развивались в советской исторической науке. Этому способствовало возобновление археологических исследований в Керчи и Севастополе, активную деятельность развернула Тавро-скифская экспедиция под руководством П. Н. Шульца. Сотрудники ведущих академических организаций Москвы, Ленинграда и других научных центров были хорошо информированы о проблемах исторических исследований на полуострове [16; 30]. Одной из ведущих тем обсуждений являлась ситуация с охраной памятников истории и культуры в Крыму.

В целом в 1947–1948 гг. в СССР, и в РСФСР в частности, проблемам сохранения историко-культурного наследия стали уделять более пристальное внимание, что отразилось в принятии ряда нормативно-правовых актов в сфере охраны памятников, выделении бюджетных ассигнований для проведения ремонтно-реставрационных работ. В мае 1947 г. было подписано постановление Совета Министров РСФСР «Об охране памятников архитектуры», в соответствии с которым на государственный учет принимались всего 9 крымских объектов: Ханский дворец с садами и кладбищами, ханская мечеть, бани Сары-Гюзель и Эски-Дюрбе в Бахчисарае, пещерный город Чуфут-Кале, Судакская крепость, античные

гробницы и церковь Иоанна Предтечи в Керчи и «остатки городища и храмов» Херсонеса (Севастополь). Кроме того, наряду с прочим (само постановление насчитывает 11 пунктов) предусматривалась подготовка дополнительного списка памятников архитектуры [21, с. 564–566, 574].

Принятие данного постановления безусловно активизировало деятельность в сфере охраны памятников в Крыму. Одним из направлений работы стало составление списков объектов культурного наследия, которые необходимо поставить на государственный учет. В этой связи на местах уточнялась информация о памятниках, их техническом состоянии, современном использовании и т.д. Этот своеобразный мониторинг также способствовал усилению внимания к проблемам сохранения памятников архитектуры и археологии. Результатом этой кропотливой работы стало включение в дополнительный Список памятников архитектуры на территории РСФСР около 60 крымских объектов (в том числе и архитектурно-археологические комплексы) в Симферополе, Севастополе, Керчи, Судаке, Феодосии, Бахчисарае, Белогорске, Старом Крыму. Уточненные списки памятников утверждались Постановлением Совета Министров РСФСР от 22.05.1948 г. Этим же нормативным актом закреплялось включение в состав государственных историко-архитектурных заповедников территории Инкермана (крепости Каламиты – прим. Авт.) и бывшего Карантина (цитадель генуэзской крепости Кафа) в Феодосии. В этой связи Крымскому облисполкому поручалось определить границы участков заповедников и утвердить положение об их охране [22, с. 200, 225–227].

В первой половине 1948 г. активизировались и ремонтно-реставрационные работы на памятниках. Так за первое полугодие 1948 г. было выделено 72 тыс. рублей, которые в свою очередь предназначались для Ханского дворца в Бахчисарае (проведение инвентаризации и составление плана участка, ремонт водопроводной сети – 16 тыс. рублей), для бывшего Загородного дома М. С. Воронцова в парке «Салгирка» в Симферополе, который использовался Сельхозинститутом (20 тыс. рублей на ремонт крыши, каменных лестниц, штукатурку) (Рис. 1) и для бывшего странноприимного дома А. С. Таранова-Белозерова, который в послевоенные годы использовался как тубдиспансер (г. Симферополь, 36 тыс. рублей на капитальный ремонт флигеля) [3].

В этих условиях «оживления» памятникоохранных мероприятий в Крыму и необходимости обсуждения проблемных вопросов по охране и использования памятников, Крымским облисполкомом принимается решение о проведении специального совещания на областном уровне по вопросам сохранения культурного наследия полуострова. К совещанию были привлечены все «заинтересованные» стороны – представители музеев, общественных организации, специалисты в сфере охраны культурного наследия. Оно стало своеобразным итогом работы в сфере охраны памятников в Крыму за первые послевоенные годы. С основным докладом 10.06.1948 года выступила исполняющая обязанности начальника сектора охраны памятников областного отдела архитектуры О. Я. Ковалева. Само выступление не стенографировалось, но в Государственном архиве Республики Крым сохранился машинописный текст доклада на 11 страницах, подписанный докладчиком [4].

Рис. 1. Бывший путевой дом князя М.С. Воронцова в парке «Салгирка». Фото 1945–1946 гг.

Доклад вызвал бурное обсуждение участников совещания. К сожалению, мы не знаем полный состав присутствующих, но сохранившаяся стенограмма прений фиксирует выступления А. В. Мокроусова – одного из руководителей партизанского движения в Крыму в годы войны, М. Г. Кустовой – директора Бахчисарайского музея, руководителей Херсонесского музея – И. Д. Максименко и С. Ф. Стржелецкого, начальника музея Черноморского флота – П. П. Болгари, директора Керченского музея В. И. Юдина, директора Центрального краеведческого музея В. П. Бабенчикова, начальника отдела архитектуры Крымоблисполкома – В. Н. Чернышева [5]. Отметим, что текст стенограммы заслуживает самого пристального внимания как исторический источник и требует отдельной публикации.

Учитывая важность источника, а также высокий уровень достоверности информации, изложенной в докладе О. Я. Ковалевой, нам представляется целесообразным привести полностью текст этого документа. Сохранена стилистика и пунктуация документа, исправлены ряд грамматических ошибок.

Документ хранится в Государственном архиве Республики Крым, фонд Р- 3385, опись 1, дело 111. Название «Стенограмма совещания комиссии по охране памятников архитектуры 10 июня 1948 г. Титульный список капитальных затрат сектора охраны памятников архитектуры на 1948 г.». Документы в деле с 10 июня 1948 по 19 января 1949 г. Объем – 45 л.

Лист 3.

Доклад

к совещанию при Крым[ском] обл [астном] испол [нительном] ком[итете]е
по вопросам охраны памятников истории и архитектуры

По решению Крым[ского] Облисполкома настоящему совещанию представителей наиболее заинтересованных и сведущих организаций в области охраны памятников – предстоит обсудить вопросы охраны и состояния памятников архитектуры и истории Крыма.

Историко-архитектурное наследие Крыма очень богато и разнообразно. Крым по праву считается классической страной древности. Историко-архитектурные сооружения имеются по всему Крыму. Многие из них широко известны и всегда привлекали массы туристов. Некоторые имеют всесоюзное значение, а часто и мировую известность, как единственные источники для изучения интереснейших моментов истории нашей родины и всего человечества.

Историческое и художественное значение памятников Крыма достаточно известно настоящему составу комиссии, поэтому все внимание мы уделяем современному состоянию памятников и обсуждению вопросов их охраны.

В этом плане и предлагается вниманию совещания наш доклад, являющийся в известной степени отчетом о деятельности Органов Архитектуры в области охраны памятников. В нем, насколько позволяет наш опыт, дается характеристика состояния памятников архитектуры и истории Крыма, освещаются вопросы их охраны и на основе этого делаются некоторые выводы о возможности улучшения и организации дела охраны памятников Крыма.

По решению Правительства охрана памятников архитектуры является одной из функций местных Советов и Органов Архитектуры. До войны этой работой руководил Нар[одный] ком[исариат] прос[вещения], а на местах ее осуществляли музеи.

За период оккупации и войны с фашистскими захватчиками памятники архитектуры и старины сильно пострадали. Некоторые памятники разрушены полностью, от других остались одни развалины. Большинство памятников сильно повреждено. В древних сооружениях, сохранившихся до войны, всюду сняты полы, вытащены двери, оконные коробки и другие деревянные части. Руины и древние сооружения сильно загрязнены.

Уже в 1944 году Органами Архитектуры было установлено наличие и общее техническое состояние всех выдающихся памятников архитектуры Крыма¹, а с 1944 по 1945 год осмотрено свыше 120 памятников.

---

¹ В 1944 г. была организована экспедиция Управления по делам архитектуры при Совете народных комиссаров РСФСР. Вместе с представителями крымских музеев и государственных учреждений были осмотрены памятники архитектуры и археологии Алушты, Балаклавы, Бахчисарая, Керчи, Судака, Старого Крыма, Симферополя, Севастополя, Феодосии, Ялты.

См. подробнее: [17].

С 1946 года Отдел Архитектуры проводит детальное техническое обследование памятников архитектуры, с целью определения мероприятий по ремонту и охране их.

Проведено обследование 72-х памятников при участии представителей городских организаций и зафиксировано в специальных актах.

Лист 3 об.

В соответствии с обследованием за 3 года (с 1945 по 1947) по линии органов архитектуры спущено на места ассигнований на ремонт и охрану памятников в сумме 200.000 рублей. Из них освоено – 136.000 рублей.

На отпущенные средства выполнены работы следующего характера: закладка проемов в поврежденных памятниках, очистка, восстановление ограждений, нанесение охранных надписей на 76 памятниках, установка межевых знаков на заповедниках, частичная реставрация древних стен в Херсонесе.

В целях организации охраны памятников подготовлены два решения «Об охране памятников архитектуры», принятые Крымоблисполкомом и три решения, принятые Рай[онными] исполкомами. Всем гор[одским] и райисполкомам, на территории которых имелись памятники истории и архитектуры, направлены списки памятников и выписки законоположений об их охране. Непрерывно собирались материалы по учету и иконографические характеристики памятников, а также исторические сведения и библиография.

В результате обследовательской и организационной работы в этой области нужно сделать выводы, что на местах нет должного внимания к вопросам охраны историко-культурного хозяйства городов и районов Крыма.

Несмотря на неоднократные сигналы Органов архитектуры Исполнительными Комитетами местных советов, на которых лежит ответственность по сохранению памятников, до сих пор не наведен санитарный порядок внутри и вокруг многих древних сооружений и не приняты меры по их сохранению.

Передача памятников в эксплуатацию на местах осуществлена без согласования с органами архитектуры, что привело в отдельных случаях к незаконному использованию и порче памятников.

В Бахчисарае до настоящего времени допускалось использование мавзолеев XIV-XV вв.¹ под склады горючего. Стены художественных памятников забрызганы и испорчены вбитыми костылями для пожарных принадлежностей.

В Феодосии городские организации совершенно равнодушно и беспечно относятся к эксплуатации древних церквей, безответственное использование которых под склады и мастерские привело и приводит к порче памятников.

Ряд ведомств безобразно, бескультурно и даже хищнически использует памятники архитектуры. «Заготзерно» используя под склады для зерна выдающиеся

---

¹ Мавзолеи Азиза – комплекс погребальных сооружений-дюрбе. Сохранились дюрбе Ахмед-бея (XIV – XV вв., т.н. «Кубовидное»), Мухаммед-бея (XVI в., т.н. «Малый восьмигранник»), Мухаммеда II Гирея (XVI в., т.н. «Большой восьмигранник») и отдельно стоящее дюрбе Бей-Юде-Султан (XV в.). См. подробнее: [25, С. 148–157].

памятники (в Евпатории – большую мечеть XVI в.¹, в Бахчисарае – мавзолеи, в Белогорске, в Керчи) нигде не производит ремонта и отказывается проводить его.

Сельхозинститут приводит в ужасное техническое состояние прекрасное и хорошо сохранившееся здание начала XIX в. в Симферополе² (в Салгирке). В течение 3-х лет здесь не производится ни одного ремонта, допускается сток воды с крыши прямо по стенам, вбиваются гвозди в ореховые резные полированные двери, хранится семенной картофель в парадных комнатах.

Таковы некоторые примеры.

Лист 4 об.

Есть трудные и неразрешенные вопросы охраны памятников. Таким вопросом является ремонт. Организованный и плановый ремонт памятников архитектуры почти нигде не выполняется. Отремонтированные считанные памятники архитектуры, главным образом сооружения XIX в., переданные из муниципального фонда определенным ведомствам: Тубдиспансер в Симферополе³ (1820–1824 г.), Алушкинский и Ливадийский дворцы (как объекты спецназначения), быв[ший]. Петропавловский собор в Севастополе⁴ (переоборудованный внутри под театр), быв[шая] Гарнизонная церковь в Севастополе – под лекторий ЧФ, музей обороны Севастополя.

В остальных памятниках, состоящих в использовании, наводился самый незначительный текущий и аварийный ремонт и то далеко не везде.

Памятники всесоюзного значения: античные и византийские памятники в Херсонесе и в Керчи, Ханский дворец в Бахчисарае, Генуэзская крепость в Судаке – все нуждается в капитальных работах по восстановлению, ремонту, реставрации и консервации.

В Херсонесе полностью уничтожены все охранные сооружения над античными и византийскими памятниками.

В Керчи сильно поврежден уникальный византийский храм VIII в.⁵ (Предтеченская церковь) и требуют вскрытия, проверки и охранных мероприятий античные гробницы с росписью, служившие убежищем во время войны.

---

¹ Мечеть Джума-Джами (сооружена в 1552 г. по проекту выдающегося турецкого архитектора Ходжи Синана). См. подробнее: [13].

² Загородный дом М. С. Воронцова. Здание в стиле классицизма, построено в 1826 г. для Таврического губернатора Д. В. Нарышкина. Позже приобретено М. С. Воронцовым. В 1837 г. в усадьбе останавливался император Николай I. После 1945 г. в здании размещался Крымский сельскохозяйственный институт. См. подробнее: [14, С. 220–226; 2, С. 58–66].

³ Бывший странноприимный дом А. С. Таранова-Белозерова. Здание в стиле классицизма, построено в 1826 г., архитектор И. Ф. Колодин. Расположено по адресу ул. К. Маркса, 28/10 в г. Симферополе [14, С. 205–208].

⁴ Сооружен по проекту инженера-подпоручика морской строительной части В. А. Рулева, строительство велось в 1839–1844 гг. С 1946 по 1957 гг. в соборе размещался театр имени А. В. Луначарского [28, С. 213–214].

⁵ Церковь Иоанна Предтечи. Современное состояние дискуссии о времени строительства храма и историографический обзор см.: [18].

В Судаке повреждены, разорены древние и охранные сооружения Генуэзской крепости.

В особом положении в смысле ремонта находится ансамбль Ханского дворца в Бахчисарае. Вопросы о его укреплении, капитальном ремонте и реставрации назрели еще до войны и находились в стадии разрешения в Академии Наук и были прерваны войной.

За период оккупации – в результате порчи и разрушения водопроводной сети – отдельные конструкции дворца пришли в катастрофическое состояние.

В настоящее время состояние всего ансамбля дворца настолько ухудшилось, что вопросы капитального ремонта сделались настоятельными и неотложными.

Планомерное восстановление этих памятников не обеспечивается по линии Комитета по делам культ[урно] просвет[ительских] учреждений и Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР, в ведении которых находятся эти памятники.

Ремонт, произведенный в истекшие годы в этих памятниках – незначителен и был связан с огромными трудностями. Они заключаются в том, что не отпускается строительных материалов на ремонт централизованным порядком и не оказывается в этом содействие на месте. Затем нет строительных организаций, которые выполняли бы ремонтные работы по памятникам. Строительные организации О[тдела] К[оммунального] Х[озяйства] работ по ремонту памятников не выполняют. Отсюда такие нехозяйственные организации как музеи, попадают в безвыходное положение. В этом заключается основная причина невыполнения средств по ремонту памятников.

Лист 4.

Два года подряд мы добивались перед Керченским Гор[одским] исполкомом оказания помощи Керченскому музею при проведении ремонта уникальной византийской церкви VIII в. в Керчи. Два года выделялись средства, но материалы не были выделены и ремонт памятника не состоялся.

Не было оказано содействия в этом отношении Судакскому и Старокрымскому музеям. В настоящее время Государственный Московский исторический музей может выделить Судакскому музею средства на сумму 15.000 рублей на ремонт памятников. Если не будет музею оказана помощь руководящими организациями, то и эта возможность ремонта памятников в текущем году в Судаке сорвется.

Многие историко-архитектурные сооружения в городах и районах не могут эксплуатироваться и находятся по существу в «бесхозном» состоянии, хотя они являются элементами города и входят в состав городского хозяйства. Это остатки древних сооружений: Генуэзские башни и стены, древние церкви, мавзолеи, интересные по конструкции восточные бани сильно поврежденные, фонтаны в большинстве бездействующие и др[угие] памятники, участки памятников, колоннады.

Эти памятники должны содержаться в порядке и поддерживаться при благоустройстве городов по линии О[тделов] К[оммунального] Х[озяйства]. Однако

О[тделы] К[оммунального] Х[озяйства] не считает это своей обязанностью и мероприятия по охране памятников при благоустройстве городов не предусматриваются.

Как исключение можно привести пример ремонта лестниц на гору Митридат в Керчи, «черкасовскими бригадами»¹ и некоторые работы по Феодосии очень низкого технического качества.

В таком же положении охрана памятников.

Не говоря о памятниках, находящихся в «бесхозном» состоянии неудовлетворительно состоит дело даже с охраной памятников всесоюзного значения. Ни Керченский, ни Херсонесский музеи не могут обеспечить удовлетворительную сторожевую охрану своих уникальных памятников. Нет ограждений важнейших памятников, как например в Херсонесе, или охранные зоны у памятников вовсе не установлены, как например в Старом Крыму, где охрана Старо-Крымским музеем интереснейшего памятника – ансамбля средневекового монастыря-крепости XIV в.² не может быть обеспечена из-за претензий лесхоза на территорию памятника. Причем лесхоз все время притесняет музей, а местные руководящие организации не могут урегулировать вопрос и создать условия для работы музея в охране памятников. Из-за попустительства местных организаций ценный памятник разоряется.

В таком уникальном памятнике, как Ханский дворец в Бахчисарае, при наличии 4,5 га территории, большого числа сооружений в ансамбле дворца, нескольких садов, входящих в общий ансамбль и являющихся лучшим украшением дворца, имеются всего один сторож и ни одного садовника. При этом условия музей не обеспечивает охрану всей территории, обход всех памятников, содержание в порядке и уход за садами.

Музей пещерных городов Крыма, в ведении которого 12 архитектурно-

Лист 5

археологических заповедников в 3-х районах, исключительного интереса и значения для науки, имеет всего 4-х сторожей.

При всем этом все же нужно считать, что систематическая и организованная охрана существует только за памятниками поименованных музеев. Охрана памятников здесь возникла и развивалась вместе с музеями и является прямой обязанностью музеев.

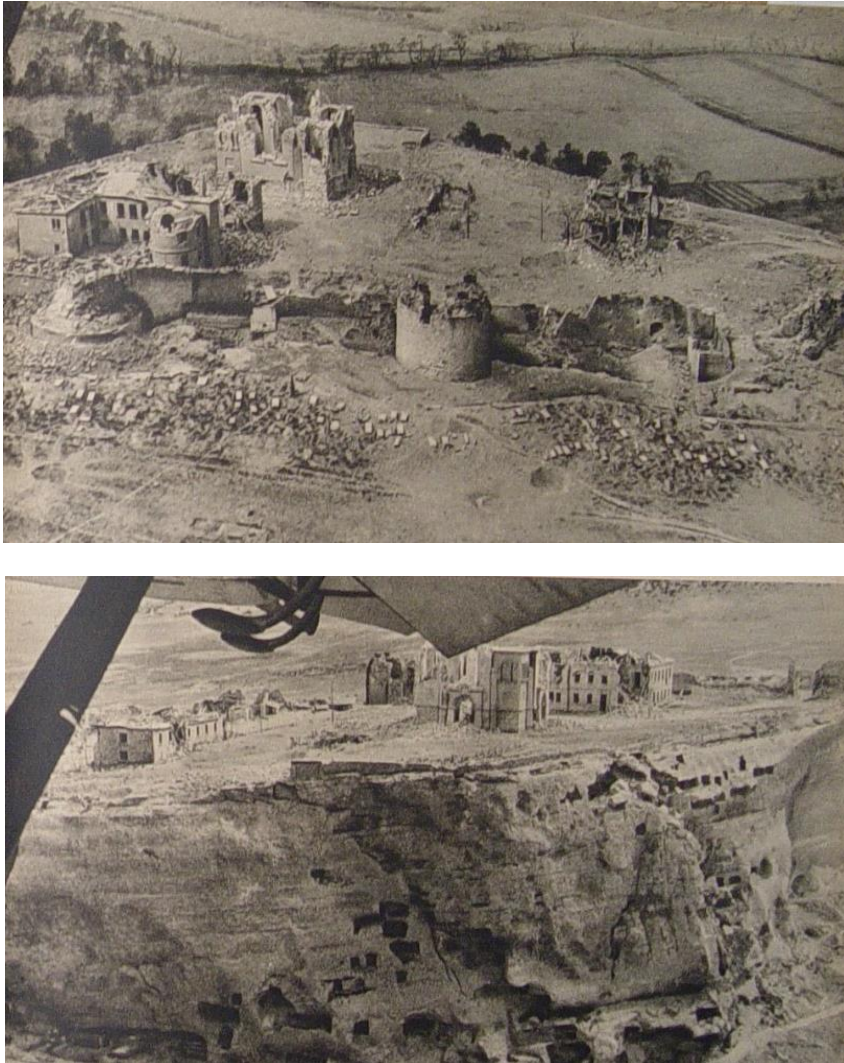
Что касается всей массы остальных памятников, имеющих по всему Крыму, то здесь сохранение даже уникальных памятников зависит часто от случая.

---

¹ Названы по имени Александры Максимовны Черкасовой (1912–1993). Инициатор почина организации добровольческих бригад по восстановлению разрушенных зданий в Сталинграде. 13 июня 1943 г. бригада добровольцев во главе с А.М. Черкасовой присоединилась после своей трудовой смены к строителям на «Доме Павлова».

² Армянский монастырь Сурб-Хач (Святой Крест). Основан в 1358 г. Расположен в 4-х км к юго-западу от г. Старый Крым, в горно-лесной части Крыма. О истории создания и этапах реставрации см. подробнее: [24].

Примером этого служат разрушения памятников в Инкермане, обнаруженные Херсонесским музеем летом 1947 года, когда в течение 1–2-х месяцев были разобраны и увезены как строительный материал многовековые стены древней крепости. Тогда же в непосредственной близости к памятнику начаты исследования по разработке инкерманского камня, причем пробные вырезки сделаны в уникальном пещерном храме VIII века. (Рис. 2).

Рис. 2. Развалины крепости Каламита в Инкермане. Фото из немецкого альбома периода Великой Отечественной войны «Wir kämpfen auf der Krim», 1941/42.

В настоящее время вмешательством Органов архитектуры и музея пещерных городов Крыма, по распоряжению Крымоблисполкома установлены границы заповедника в Инкермане и сторожевая охрана его.

Выехавшая на место Комиссия обследовала памятники Инкермана, установила разрушения; в результате чего было возбуждено ходатайство перед С[оветом] М[инистров] РСФСР о включении Инкерманского комплекса в число Гос[ударственных] архитектурно-археологических заповедников.

Между тем на плато Инкермана началась разработка карьера. Явилась необходимость установления границ заповедника. По распоряжению Крымоблисполкома вновь выехала Комиссия, которая определила границы заповедника и установила необходимые мероприятия по его охране. Решением Крымоблисполкома утвержден сторож для охраны заповедника в штатах МПС.

В настоящее время мы можем сообщить, что ходатайство удовлетворено и постановлением С[овета] М[инистров] от 22/V – 1948 г. Инкерман включен в число Гос[ударственных] архит[ектурных] Заповедников.

Примеров неблагополучного положения с охраной памятников много. Характерно положение с охраной памятников в Феодосии. Этот город изобилует историко-архитектурными памятниками. Здесь сохранились остатки Генуэзских укреплений XIV века, средневековые сооружения XIII – XIV в., восточные постройки XIV – XVI вв. На памятниках – художественная резьба по камню, резной мрамор, остатки фресок.

*Рис. 3. Вид на Феодосийский карантин. Храм Иоанна Предтечи.
(По материалам: <https://bezablog.ru/2020/07/10/феодосия-генуэзская-крепость/>).*

Приказом Комитета по делам архитектуры Феодосия включена в число исторических городов всесоюзного значения, что учтено при составлении генерального плана реконструкции и восстановления города, в котором предусмотрено сохранение всех выдающихся памятников архитектуры, а на Карантине определена территория архитектурно-археологического заповедника (место древнего Акрополя). (Рис. 3).

Лист 5 об.

Памятники Феодосии обследованы, Обл[астным] отделом архитектуры в течение 3-х лет выделяются средства на охранные мероприятия. Неоднократно ставился вопрос перед Гор[одским] исполкомом и руководящими организациями о необходимых мероприятиях по охране памятников и особенно о памятниках на Карантине, которые в числе других памятников Крыма взяты (Приказом Комитета по делам архитектуры при С[овете] М[инистров] СССР 1947 г.) на особый учет, как памятники всесоюзного значения, что подтверждает еще раз их ценность.

Тем не менее памятники архитектуры Феодосии остаются в очень неблагоприятном положении в смысле охраны.

Ряд памятников все еще в запущенном состоянии и продолжает загрязняться. Мероприятия по консервации 4-х древних церквей¹ на Карантине не выполнены, причем эти памятники по существу музейного значения все эти годы находились в бесконтрольном и бесхозном состоянии.

Последним решением Крымоблисполкома от 23.01-48 г. возбуждено ходатайство перед Советом Министров – об узаконении заповедника на территории Карантина, надзор за памятниками на Карантине поручен Феодосийскому музею, в штатах которого, согласно решению, должна быть утверждена 1 штатная единица сторожа.

Мероприятия Органов Архитектуры до сих пор не привели к значительным результатам, т.к. на месте недооценивают значение памятников; городские организации (Гор[одской] исполком, Гор[одской] архитектор, музей), причастные к этим вопросам, проявляют в этом полную беспечность и равнодушие.

Немногим лучше обстоит дело с охраной оригинальных, а может быть уникальных памятников Евпатории. Здесь хорошо сохранились сооружения XV–XVI, XVII, XVIII века, из которых Караимская кенасса и мечеть XVI в. считаются памятникам искусства. Памятники эксплуатируются. Причем при эксплуатации допущена была серьезная порча памятников в прошлом.

Например, в Кенассе заштукатурена и покрашена частично настенная роспись и резьба. Двух /неразборчиво/ помещение разделено на 2 этажа. Использователем является дет[ский] сад Гор[одского] о[тдела] н[ародного] о[бразования].

---

¹ Храмы Феодосийского Карантина – район цитадели средневековой Кафы. Речь идет о храмах Иоанна Предтечи, Иоанна Богослова, св. Георгия, св. Стефана. Построены в XIV в. См. подробнее: [12, С. 98–104].

Сооружение является исключительно оригинальным и художественным архитектурным ансамблем, заслуживающим самого бережного использования и сохранения. Дальнейшая эксплуатация памятника детским садом при ремонтах к дальнейшей порче и искажению памятника. И сейчас можно видеть, например, побелку по мрамору.

Другой выдающийся памятник Евпатории – Мечеть соборная XVI в.¹ эксплуатируется «ЗАГОТЗЕРНО», не выполняющим условия охранного договора и не производящим даже исправлений повреждений, нанесенных памятнику при эксплуатации.

Городские организации (О[тдел] К[оммунального] Х[озяйства], Гор[одской] исполком, Гл[авный] архитектор), несмотря на неоднократные указания Обл[астного] Отдела Архитектуры не приняли мер по организации охраны памятников своего города. Вызывает тревогу сохранение таких памятников как караимская кенасса, караимские дома, мечеть XVI в., теккие дервишей. (Рис. 4).

*Рис. 4. Евпатория. Вид на мечеть Джума-Джами. Фото 1946–1947 гг.
(по материалам: <https://pastvu.com/p/1119789>).*

Лист 6 об.

XIV – XV вв.; все они хорошо сохранились и являются интереснейшими памятниками музейного значения.

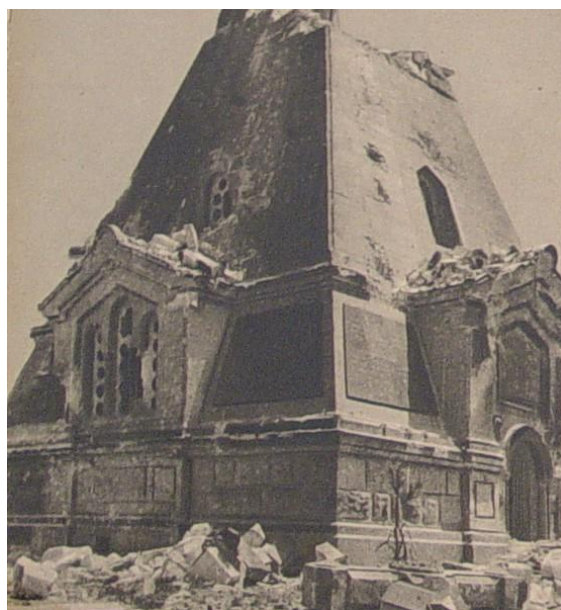
О состоянии памятников истории и архитектуры Севастополя красноречиво говорят следующие документы: письмо Севастопольского горсовета от 17.VII –

---

¹ Мечеть Джума-Джами, см. коммент. выше.

47 г. в Крымоблисполком и протокол совещания при Управлении Гл[авного] архитектора Севастополя от 16.IV – 48 г. «Об охране памятников», в которых дважды подтверждается и ставится вопрос о крайне неудовлетворительном состоянии памятников Севастополя и отсутствии мер по их охране.

*Рис. 5. Руины собора на Братском кладбище в Севастополе.
Фото из немецкого альбома периода Великой Отечественной войны
«Wir kämpfen auf der Krim», 1941/42.*

Документы устанавливают, что многие памятники постепенно рушатся и разбираются; не охраняются выдающиеся памятники Севастополя, в том числе Малахов курган; не принимается мер к восстановлению пострадавших памятников на Братском кладбище 1854–55 гг., на Историческом бульваре, на бастионах Обороны 1854–55 гг., а также на кладбище коммунаров (Рис. 5).

Севастополь в этих документах констатирует положение с охраной памятников, но не намечает конкретных и реальных мероприятий по охране памятников, которые по существу и зависят от самого города.

Между прочим, выдвигается предложение о воссоздании в Севастополе Музейного объединения¹ по охране памятников, которые существовали и действовали до войны.

Неблагополучно с охраной памятников и / зачеркнуто / почти повсеместная заставляют нас ставить вопрос о улучшении и организации охраны памятников в более широком смысле, в областном масштабе.

Из-за отсутствия заботы на местах и планомерных мероприятий по их поддержанию и популяризации, памятники истории и архитектуры постепенно забываются и разрушаются.

По линии Органов Архитектуры на государственный учет под охрану взяты лишь самые выдающиеся памятники Крыма. До 1947 г. Обл[астной] отдел архитектуры в работе по охране памятников руководствовался последними законоположениями от 1933 и 1934 г., а также старым списком памятников Крыма, который не отражал ни наличия, ни состояния памятников до Отечественной войны.

Эти документы не соответствовали действительности и функциям Органов Архитектуры. Поэтому вышедшее в 1947 г. Постановление С[овета] М[инистров] РСФСР «Об охране памятников архитектуры» является первым законоположением, конкретизирующим положение с охраной памятников по линии Органов Архитектуры.

Этим постановлением взяты на гос[ударственный] учет и охрану наиболее выдающиеся памятники, в том числе по Крыму (см. список). Эти памятники взяты на гос[ударственный] учет в порядке 1-й очереди как пам[ятники] Всесоюзного значения, причем постановлением установлен срок (1.XII – 47 г.) – представления дополнительного списка, который составлен Обл[астным] Отделом архитектуры, согласован с Крымоблисполкомом и в октябре 1947 г. отослан Управлению Архитектуры [Российской] Федерации для предоставления на утверждение в Совет Министров.

В дополнительный список внесены все выявленные и обследованные сооружения, имеющие определенный архитектурно-исторический или

---

¹ Севастопольское музейное объединение. Основано в 1928 г., просуществовало до 1940 г. Объединяло в разные периоды семь музейных учреждений: Военно-исторический музей, Херсонесский историко-археологический музей, Севастопольский музей революции, Севастопольскую картинную галерею, Панораму «Оборона Севастополя», Севастопольский музей краеведения и Музей пещерных городов. Руководители СМО – М. П. Михайлов, И. Д. Максименко, М. И. Даян, В. П. Федоровский, Д. М. Анкудинов. См. подробнее: [1].

художественный интерес. Дополнительный список утвержден 22/V – 1948 г. Постановл[ением] С[овета] М[инистров] РСФСР №503.

Лист 6.

При созыве настоящего совещания нам не было еще известно это постановление, которое вносит ясность и определенность в вопросы охраны многих и многих памятников, которые до настоящего времени не были нам достаточно понятны. В разрезе постановления С[овета] М[инистров] 1947 года, разработана и утверждена Управлением Архитектуры Федерации инструкция по охране памятников архитектуры, состоящих на гос[ударственной] охране, предназначенная для организаций, использующих памятники, и для Органов Архитектуры, на которые возложена функция контроля и надзора в области охраны, ремонта и использования памятников.

Согласно инструкции, Органы Архитектуры принимают все установленные меры в отношении памятников, состоящих на гос[ударственной] охране. Из которых наиболее важным является установленная обязанность заключения арендно-охранных договоров и обязательств с арендаторами и юридическими владельцами памятников, по утвержденным формам.

При несоблюдении арендаторами и пользователями обязательств по охране памятников органы архитектуры обязаны налагать штрафы и взимать неустойки, которые должны идти в фонд ремонта памятников. Без согласования с органами архитектуры запрещена передача в эксплуатацию памятников архитектуры.

На настоящем совещании обсуждается и рассматривается общий вопрос охраны историко-культурного наследия Крыма, которому и посвящено совещание.

Поэтому мы затронем вопросы охраны и тех исторических памятников, которые не подлежат охране по линии Органов архитектуры. К таким памятникам нужно отнести:

Многочисленные памятники археологического значения: древние городища и поселения, остатки древних сооружений, курганы, могильники, древние некрополи и др[угие] остатки древних сооружений, имеющиеся по всему Крыму.

Памятники историко-культурного значения: памятные места и сооружения, связанные с пребыванием или деятельностью известных лиц (например, дом Пушкина в Гурзуфе, фонтан Кутузова¹ и др[угие]).

Военно-исторические памятники, к которым нужно отнести памятники Крымской войны и Оборона Севастополя 1854-55 гг., и памятники и памятные места Великой Отечественной войны.

Памятники историко-революционные.

К данной уже нами характеристике состояния как архит[ектурных], так и историч[еских] памятников можно добавить, что обследования, выявления и учета как историко-археологических, так и историко-культурных памятников не ведется.

---

¹Место ранения М. И. Кутузова в 1774 г. Расположен на 35 км шоссе Симферополь – Алушта. Сооружен в первой половине XIX в., упоминается в письме таврического губернатора в 1830 г. См. подробнее: [27].

Из случайных источников становится известно, что тех или других памятников уже не существует. Археологическими разведками установлено, что некоторые древние сооружения разобраны на строительный материал (античные сооружения в Ак-Мечети¹, скифские в «Залесье»², на Кастели³ и др. местах).

Многие исторические памятники и места забываются и приходят в упадок, как например в Симферополе, где имелись и еще имеются интересные исторические памятники начала русского периода истории Крыма: Долгоруковский обелиск⁴, остатки укреплений Суворова⁵

Лист 7

на берегу Салгира, Салгирка с домом академика Палласа, дом с мезонином нач[ала] XIX века по Битакской, 27⁶, хранящий предание о Пушкине, о композиторе Серове и еще ряд исторических и мемориальных зданий. Некоторые из них уже изменили свой вид благодаря переделкам, другие разобраны (батареи Суворова).

О состоянии исторических памятников национального и высокопатриотического значения в Севастополе мы уже говорили, приводя содержание письма из Севастополя.

Об охране этих памятников можно говорить на примере Владимирского собора⁷ в Севастополе, являющимся памятником 4-м адмиралам – Нахимову, Корнилову, Истомину, Лазареву, чьи имена неотъемлемы от истории Севастополя и русского флота.

В вопросе охраны его как памятника нет ясности. Обл[астным] отделом архитектуры ставился вопрос об охране памятника перед Горисполкомом Севастополя и Центральными органами архитектуры. По линии Органов Архитектуры сооружение не взято на учет, как памятник исторический.

При составлении плана реконструкции Севастополя Собор был намечен к сносу. Причем местной общественностью не ставился вопрос о сохранении его как

---

¹ Совр. п. Черноморское, до 1944 г. – Ак-Мечеть. Речь идет об античном городище Калос Лимен.

² См. подробнее: [29].

³ Средневековое укрепленное поселение на одноименной горе в 2 км западнее Алушты. Известны остатки храмовых построек. См. подробнее [10].

⁴ Долгоруковский обелиск – место, где находился штаб В.М. Долгорукого, командующего 2-й русской армией в 1771 г. Первый памятник в г. Симферополе, сооружен в 1842 г., архитектор – Август Штрейхенберг. Реставрационные работы проводились в 1912, 1952, 1984, 2011 г. См. подробнее: [2, С. 17–22; 14, С. 258–260].

⁵ Земляное фортификационное сооружение русской армии на левом берегу р. Салгир, было построено в 1777 г. Остатки земляных сооружений лагеря А. В. Суворова локализуются в центральной части современного Симферополя, в районе гостиницы «Украина». На месте лагеря установлен монумент – памятник А. В. Суворову. См. подробнее: [26, С. 38–39; 14, С. 85–90].

⁶ Дом знаменитого врача Федора Карловича Мюльгаузена (иногда Мильгаузена) (1775–1853 гг.). Построен в 1820 г. Одна из старейших построек Симферополя. Современный адрес – ул. Киевская, 24. Усадьбу посещали А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, В. Г. Белинский. См. подробнее: [2, С. 67–75; 14, С. 211–214].

⁷ Владимирский собор (усыпальница адмиралов М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. А. Корнилова, В. И. Истомина) заложен в 1854 г. Расположен на вершине Центрального холма. Архитектор А. А. Авдеев. См. подробнее: [28, С. 208–211].

памятника исторического. А между тем многие возбуждают вопрос, почему не сохраняется этот памятник – героям известным и неизвестным Обороны Севастополя (1854–55 гг.), являющийся в тоже время образцом строительного и архитектурного искусства. (Рис. 6, 7).

*Рис. 6. Владимирский собор в Севастополе. Фото 1945–1946 гг.
(по материалам: <https://stihi.ru/2019/07/29/4566>).*

*Рис. 7. Владимирский собор в Севастополе. Фото 1942 г.
(по материалам: <https://sobory.ru/photo/375672>).*

Памятник поврежден во время войны, но не настолько, чтобы нельзя было его сохранить. Охрана его не обеспечена, в результате чего имели место хищения ценного строительного материала и мраморной облицовки.

Вопрос охраны памятников Отечественной войны не может быть освещен нами из-за отсутствия материалов, но нам известно, что ставились перед руководящими организациями и вопросы об охране и этих памятников, в частности, о памятнике Славы на Сапун-горе, о памятниках на Перекопе, об увековечении и определении исторических мест Отечественной войны.

Возникает вопрос, какие организации должны заниматься вопросами учета и охраны этих памятников.

Теми или иными вопросами в этой области занимаются музеи, туристические организации, Ч[ерноморский] Ф[лот], ТА[врический] В[оенный] О[круг].

Цель совещания – выяснить и определить функции и задачи тех или иных организаций в сохранении памятников, а также выяснить необходимость сохранения тех или иных памятников.

В связи с этим мы коснемся работы музеев, ка наиболее близкой нам, в области охраны памятников.

Музеи не разделяют в своей работе памятники на чисто исторические или только архитектурные, а занимаются и интересуются как теми, так и другими.

Музеи являются не только хранилищами всяких материалов и сведений о памятниках, но и исследовательскими центрами, которые ведут работу по выявлению, изучению и сохранению

Лист 7 об.

памятников, и ознакомлению с ними широких масс трудящихся.

Еще в недавнее время музеи возглавляли работу в области охраны памятников. Охрана памятников является одной из задач краеведческой работы и записана в положение о музейной работе. Что же можно сказать о работе наших музеев в этой области. Здесь придется говорить о музеях исторического профиля и о музеях краеведческих.

О первых мы уже говорили. С этими музеями у Органов Архитектуры установилась постоянная связь, которая должна укрепляться и привести к полному контакту в работе по охране памятников.

Не так обстоит дело с краеведческими музеями, у которых вместо прямых обязанностей остались общие установки. Это привело к тому, что краеведческие музеи почти не ведут работы в области изучения памятников и весьма слабо занимаются вопросами их охраны.

В своей практике краеведческие музеи пользуются результатами прошлого, не производя обследования и фиксации современного состояния памятников, хотя это входит в задачи и интересы музея.

Мы сомневаемся в том, что музеям достаточно ясно известно современное состояние памятников, иначе мы должны были бы слышать голос музеев об их охране.

Нельзя привести примера, где бы тот или иной музей добился сколько-нибудь значительных результатов по охране памятников своего города, за исключением тех случаев, когда работа эта является прямой обязанностью музеев.

Это касается исторических музеев, которые не выходят за пределы своей деятельности, хотя их голос имел бы большое значение.

На виду у музеев происходят те нарушения в области охраны памятников, о которых говорилось выше.

В чем же причина этой организационной робости музеев в области охраны памятников и отхода музеев краеведческих от этой работы.

В основном она заключается в том, что музеи не имеют достаточной материальной базы и не укомплектованы достаточными научными кадрами. Мы рассматриваем этот вопрос потому, что работа музеев в области охраны памятников имеет огромное значение и является тем естественным руслом, по которому она должна развиваться, как и по линии Органов Архитектуры.

Перед нами примеры деятельности таких музеев как Керченский, Херсонесский, музей-дворец в Бахчисарае и музей пещерных городов, который проявляет исключительную деятельность в области охраны вверенных памятников.

Даже деятельность такого маленького музея, как Старо-Крымский – чувствуется. Мы в основном должны быть обязаны Старо-Крымскому музею в том, что памятники Старого Крыма в какой-то степени сохраняются.

Большим и общим недочетом в области охраны памятников является то, что нет популярной литературы о памятниках. До настоящего времени нет путеводителя и каталога хотя бы выдающихся

Лист 8.

памятников Крыма. В этом отношении большая доля вины лежит на музеях, как на старейших организациях.

Исходя из вышеизложенного нужно сделать вывод, что организации, призванные к работе по охране памятников, слабо осуществляют организационную работу в этой области, в том числе и органы архитектуры, в частности, Гор[одские] архитекторы основных городов Крыма.

Что касается местных советов и их отделов коммунального хозяйства. То они не обеспечивают мероприятия по охране, ремонту и поддержанию памятников и не проводят их при благоустройстве городов.

Решение Крымоблисполкома, которым созвано настоящее совещание, поручает Комиссии рассмотреть назревшие вопросы в области охраны памятников, в частности те, которые должны быть решены с учетом общих интересов.

Комиссия должна определить номенклатуру памятников Крыма и составить списки памятников, подлежащих охране, которые должны лечь в основу тех или иных организаций.

Комиссия должна обсудить и наметить пути и мероприятия по улучшению и организации дела охраны памятников. Такие пути и возможности мы видим:

в организации и укреплении этой работы во всех организациях, имеющих отношение к охране памятников, и в первую очередь – по линии Органов Архитектуры и по линии музеев и Отдела Культ[урно] просвет[ительской] работы.

в укреплении материальной базы музеев, как основы для расширения и организации этой работы по линии музеев.

в планомерном ремонте и поддержании «бесхозных» памятников истории и архитектуры при благоустройстве городов.

в выполнении проводимых ремонтных работ по линии органов архитектуры и музеев строительными организациями ОКХ.

в создании организующего центра по изданию материалов о памятниках истории и архитектуры с целью их популяризации (прилагается проект решения).

И[сполняющая] о[бязанности] Нач[альника] Сектора
Охраны памятников Обл[астного] Отдела Архитектуры [О. Я.] Ковалева
10.VI – 1948 г. [6]

Безусловно это совещание стало важной вехой в изучении и охране памятников Крыма. Многие идеи, высказанные на этой встрече, нашли своё отражение в нормативных актах, которые в дальнейшем утверждались крымскими властями. Так уже в августе 1948 г. Крымоблисполком принимает решение «Об охране памятников архитектуры и истории в Крыму». Этим документом закреплялся юридический статус памятников, включенных в дополнительный список объектов культурного наследия. Список, утвержденный Крымоблисполкомом полностью повторял перечень памятников, который был утвержден Постановлением Совета Министров РСФСР от 22.05.1948 г. Помимо этого прописывалось обеспечение ремонта неэксплуатируемых памятников силами городских отделов коммунального хозяйства, утверждались границы государственного историко-архитектурного заповедника в Инкермане, а сам заповедник переходил в постоянное музейное пользование Музеем пещерных городов Крыма в Бахчисарае. В отношении Феодосийского Карантина предписывалось к 01.10.1948 г. определиться с границами заповедника и положением и его охране. Кроме того, прямым следствием совещания от 10.06.1948 г., стало утверждение Плана мероприятий по охране памятников, представленного областной комиссией по охране памятников архитектуры и истории [7].

Заглавие Приложения 3 указанного решения красноречиво говорит само за себя – План мероприятий по охране памятников архитектуры и истории на основе материалов областного совещания по охране памятников от 10. 06. 1948 г. Планом определялись мероприятия, сроки и исполнители. Предусматривалось заключение всеми арендаторами арендно-охранных договоров, организацию в музеях работы по охране памятников. В регионах планировалось создать комиссии по охране памятников, в состав которых должны войти представители исполкомов, отделов коммунального хозяйства, музеев, Черноморского флота и Таврического военного округа. Отдельным пунктом прописывалась необходимость дальнейшей работы по

выявлению новых памятников и формированию дополнительных списков объектов культурного наследия. Также предполагалось обратиться в Комитет по делам культурно-просветительских учреждений (в отношении памятников, входящих в состав Херсонесского, Керченского и Судакского музеев) и Комитет по делам искусств при Совете Министров РСФСР (в отношении Ханского дворца в Бахчисарае) о неотложном ремонте памятников общесоюзного значения.

Помимо общекрымских мероприятий утверждались и региональные меры по улучшению охраны памятников. Так исполкому Севастопольского горсовета предписывалось оказать содействие Музею пещерных городов в организации охраны заповедника в Инкермане, установить границы участка вокруг памятника Славы на Сапун-горе и обеспечить организацию охраны Владимирского собора – усыпальницы русских адмиралов. Также указывалось на необходимость ходатайства перед Советом Министров РСФСР о выделении бюджетных ассигнований на ремонт и восстановление памятников Крымской войны в Севастополе.

Исполкому Старокрымского райсовета поручалось определить границы охранной зоны монастыря Сурб-Хач, исполкому Бахчисарайского райсовета – определить границы охранной зоны Успенского пещерного монастыря. Отдельно поднимался вопрос Судакской крепости. В этой связи Исполкому Судакского райсовета, совместно с областным отделом коммунального хозяйства и Облпланом предписывалось оказать содействие Судакскому музею (как филиалу Государственного исторического музея) в проведении ремонта памятников Судакской крепости в соответствии с финансированием ГИМ [8].

Важные и правильные документы не могли, к сожалению, в считанные месяцы кардинально изменить ситуацию в сфере охраны культурного наследия в Крыму. Требовались изменения в плановые показатели, перераспределение бюджетных ассигнований, выделение строительных материалов и многое другое. Но несмотря на это события второй половины 1948 г. и принятые в этот период решения ярко свидетельствуют об активизации процессов в деле охраны памятников. Свообразным итогом работ в сфере сохранения культурного наследия полуострова можно считать письмо начальника отдела по делам архитектуры при Крымоблисполкоме В. Н. Чернышова на имя заместителя начальника Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР В. Голли от 19.01.1949 г. №33, в котором крымские власти отчитываются о проведенных работах по охране памятников архитектуры за 1948 г. Как видно из текста документа, проблемой являлось не только недостаточность средств в целом по отрасли, но и трудности с освоением уже выделенных ресурсов.

Так за отчетный период проведены работы на Ханском дворце в Бахчисарае (в общей сумме на 15 тыс. рублей из запланированных 22 тыс.), ремонт караимских кенасс и дома Фирковича на Чуфут-Кале (4, 7 тыс. из 8), в Симферополе ремонтно-реставрационные работы на доме Воронцова в парке «Салгирка» (36 тыс. из 70) и на здании тубдиспансера – доме А. С. Таранова-Белозерова (36 тыс. из 50), в Евпатории проведены ремонт крыши и полов мечети Джума-джами, которая

использовалась под хранение зерна (5,4 тыс. рублей). В Керчи профинансированы работы по сооружению ограды Царского кургана (19 тыс. рублей), 8 тыс. рублей выделены на ремонтные работы по Склепу Деметры и 4 тыс. рублей на Склеп 1891 г. [9].

Безусловно эти работы являлись абсолютно незначительными в общем объеме требуемых затрат, но в условиях послевоенного восстановления народного хозяйства и приоритетного выделения средств на строительство промышленных предприятий, а также последствий голода 1947–1948 гг., эти работы уже не выглядят таким мизерными. Также следует учитывать, что в этом письме отражены расходы только по линии отдела архитектуры, и не приводятся работы на памятниках истории, археологии и монументального искусства, которые финансировались по линии культпросвет отдела.

И все же кардинально изменить ситуацию не получилось. Несмотря на закрепленные в нормативных актах планы мероприятий и ответственные стороны, ситуация с охраной памятников в Крыму оставалась неблагоприятной. Об этом ярко свидетельствует докладная записка П. Н. Шульца, подготовленная в 1949 г. по итогам специального совещания по вопросам охраны памятников. Содержание докладной записки П. Н. Шульца во многом перекликается с тезисами доклада О. Я. Ковалевой, хотя их и разделяет целый год: памятники разрушаются, нет средств на ремонт, игнорирование требований законодательства в сфере охраны культурного наследия местными властями [15]. Как видим принятие правильных нормативных документов не означало их неукоснительное соблюдение.

1948 год стал во многом рубежным для сферы охраны культурного наследия как в целом СССР, так и для Крыма в частности. В октябре на союзном уровне будет принято Положение об охране памятников [23], которое на последующие тридцать лет станет базовым документом для отрасли, до принятия Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры» в 1976 г. Рассмотренные в статье процессы и события позволяют аргументированно говорить, о усилении внимания в обществе к проблемам сохранения культурного наследия. Важным моментом для крымской истории памятниковедения стало совещание областной комиссии по охране памятников, которое состоялось 10 июня 1948 г. Обсуждаемые на нем вопросы и предложения по оптимизации деятельности в сфере сохранения культурного наследия легли в основу дальнейших регуляторных актов областных советских и партийных организаций, определили направления работы для городских и районных органов власти. Итоговый доклад совещания, с которым выступила О. Я. Ковалева, является важным историческим источником, который дает нам объективное представление об основных направлениях работы в сфере охраны памятников в Крыму в послевоенные годы, ключевых проблемах отрасли, характере взаимодействия научных и общественных организаций с органами власти. Дальнейший архивный поиск и введение в научный оборот новых исторических источников даст возможность аргументированно реконструировать исторические процессы в советском обществе во второй половине 40-х годов прошлого столетия.

Список использованных источников и литературы

1. Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм: Севастопольское музейное объединение (1928–1940) / Под ред. А. А. Непомнящего. – М. ; Симферополь: Антиква, 2015. – 244 с. – (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 24).
Akimchenkov V. V. V bor'be za sovetskii patriotizm: Sevastopol'skoe muzeinoe ob"edinenie (1928–1940) / pod red. A. A. Nepomnyashchego. – M. ; Simferopol': Antikva, 2015. – 244 s. – (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vup. 24).
2. Белова С. Л. Симферополь: этюды истории, культуры, архитектуры. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. – 184 с.
Belova S. L. Simferopol'. Etyudy istorii, kul'tury, arkhitektury. – Simferopol': Tavriya-Plyus, 2001. – 184 s.
3. Государственный архив Республики Крым (далее ГАРК), ф. Р-3385, Оп.1, д. 111, л. 43.
Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (dalee GARK), f. R-3385, Op.1, d. 111, l. 43.
4. ГАРК, Оп.1, д. 111, л. 3–8.
GARK, Op.1, d. 111, l. 3–8.
5. Там же, л. 9–38.
Ibid, l. 9–38.
6. Там же, л. 3–8.
Ibid, l. 3–8.
7. ГАРК, ф. Р-3287, Оп. 2, д. 485, л. 145.
GARK, f. R-3287, Op. 2, d. 485, l. 145.
8. Там же, л. 149–151.
Ibid, l. 149–151.
9. ГАРК, ф. Р-3385, Оп.1, д. 111, л. 44.
GARK, f. R-3385, Op.1, d. 111, l. 44.
10. Дружинина Н. С. Изучение и проблемы охраны памятника археологии на примере объекта культурного наследия горы Кастель // История и археология Крыма. – Симферополь, 2021. – Вып. 14. – С. 375–390.
Druzhinina N. S. Izuchenie i problemy okhrany pamyatnika arkheologii na primere ob'ekta kul'turnogo naslediya gory Kastel' // Istoriya i arkheologiya Kryma. – Simferopol', 2021. – Vyp. 14. – S. 375–390.
11. Зайцев Ю. П. Начало: по страницам дневника П. Н. Шульца «Тавро-Скифская экспедиция ГМИИ и ИИМК Академии наук СССР» 1945 года // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму: матер. науч. конф., посв. 70-летию с начала работ Тавро-Скифской экспедиции (1945–2015). (Симферополь, 5–6 сент. 2015 г.). – Симферополь: Тарпан, 2015. – С. 5–8.
Zaitsev Yu. P. Nachalo. Po stranitsam dnevnika P. N. Shul'tsa «Tavro-Skifskaya ekspeditsiya GMIi i IIMK Akademii nauk SSSR» 1945 goda // 70 let Tavro-Skifskoi ekspeditsii v Krymu. Mat-ly nauch. konf., posvyashchenoi 70-letiyu s nachala rabot Tavro-Skifskoi ekspeditsii (1945–2015). (Simferopol', 5–6 sentyabrya 2015 g.). – Simferopol': Tarpan, 2015. – S. 5–8.
12. Катюшин Е. А. Феодосия. Каффа. Кефе: исторический очерк: Феодосия: Арт Лайф, 2007. – 176 с.
Katyushin E. A. Feodosiya. Kaffa. Kefe: istoricheskii ocherk: Feodosiya: Art Laif, 2007. – 176 s.
13. Кутайсов В. А. Мечеть Татар-хана в Гезлеве // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – №12–13. – С. 5–20.
Kutaisov V. A. Mechet' Tatar-khana v Gezleve // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2006. – №12–13. – S. 5–20.
14. Кутайсова М. В. Симферопольская старина в фотографиях и описаниях. – Севастополь: Альбатрос, 2018. – 328 с.
Kutaisova M. V. Simferopol'skaya starina v fotografiyakh i opisaniyakh. – Sevastopol': Al'batros, 2018. – 328 s.

15. Манаев А. Ю. Докладная записка П. Н. Шульца о состоянии памятников культуры Крымской области и о мероприятиях по улучшению их охраны // *История и археология Крыма*. – Симферополь, 2016. – Вып. 3. – С. 417-430.

Manaev A. Yu. Dokladnaya zapiska P. N. Shul'tsa o sostoyanii pamyatnikov kul'tury Krymskoi oblasti i o meropriyatiyakh po uluchsheniyu ikh okhrany // *Istoriya i arkhologiya Kryma*. – Simferopol', 2016. – Vyp. 3. – S. 417-430.

16. Манаев А. Ю. Историческая наука в СССР в послевоенные годы и возобновление археологических исследований в Крыму // *Крымское историческое обозрение*. – 2015. – № 3. – С. 131–148.

Manaev A. Yu. Istoricheskaya nauka v SSSR v poslevoennyye gody i vozobnovlenie arkhologicheskikh issledovaniy v Krymu // *Krymskoe istoricheskoe obozrenie*. – 2015. – № 3. – S. 131-148.

17. Манаев А. Ю. К вопросу о состоянии архитектурных памятников Крыма в 1944 году // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки*. – 2014. – Т. 27(66). – № 4. – С. 54–64.

Manaev A. Yu. K voprosu o sostoyanii arkhitekturnykh pamyatnikov Kryma v 1944 godu // *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*. – Simferopol', 2014. – T. 27(66). – № 4. – S. 54-64.

18. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К дискуссии о времени строительства церкви Иоанна Предтечи в Керчи: историографический экскурс // *XVII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. исследователи и исследования*. – Керчь, 2016. – С. 325–331.

Naumenko V. E., Ponomarev L. Yu. K diskussii o vremeni stroitel'stva tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi: istoriograficheskii ekskurs // *XVII Bosporskie chteniya: Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya*. – Kerch', 2016. – S. 325-331.

19. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). – Симферополь: Антикава, 2015. – 936 с. – (Серии: «Крым в истории, культуре и экономике России»; «Биобиблиография крымоведения»; вып. 25).

Nepomnyashchii A. A. Istoriya i etnografiya narodov Kryma: bibliografiya i arkhivy (1921-1945). – Simferopol': Antikva, 2015. – 936 s. – (Serii: «Krym v istorii, kul'ture i ekonomike Rossii»; «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 25).

20. Охрана и изучение памятников истории и культуры Крымской АССР: исследования и документы / Авт.–сост. А. В. Хливнюк; под. ред. А. А. Непомнящего. – Симферополь: СГТ, 2008. – 240 с. (Серия «Биобиблиография крымоведения»; вып. 11).

Okhrana i izuchenie pamyatnikov istorii i kul'tury Krymskoi ASSR: issledovaniya i dokumenty / Avt.–sost. A. V. Khlivnyuk; pod. red. A. A. Nepomnyashchego. – Simferopol': SGT, 2008. – 240 s. (Seriya «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 11).

21. Постановление Совета Министров РСФСР «Об охране памятников архитектуры» от 22.05.1947 г. №389 // *Хронологическое собрание Законов, Указов Президиума Верховного Совета и Постановлений Правительства РСФСР*. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. – Т.3. (1940–1947 гг.). – С. 564–590.

Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR «Ob okhrane pamyatnikov arkhitektury» ot 22.05.1947 g. №389 // *Khronologicheskoe sobranie Zakonov, Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i Postanovlenii Pravitel'stva RSFSR*. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 1958. – T.3. (1940-1947 gg.). – S. 564-590.

22. Постановление Совета Министров РСФСР «Об утверждении дополнительного Списка памятников архитектуры, подлежащих государственной охране» от 22.05.1948 г. № 503 // *Культура в нормативных актах Советской власти. 1938–1960*. – М.: ЗАО «Юридический дом «Юстицинформ», 2011. – С. 200–280.

Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR «Ob utverzhenii dopolnitel'nogo Spiska pamyatnikov arkhitektury, podlezhashchikh gosudarstvennoi okhrane» ot 22.05.1948 g. № 503 // *Kul'tura v normativnykh aktakh Sovetskoi vlasti. 1938-1960*. – M.: ZAO «Yuridicheskii dom «Yustitsinform», 2011. – S. 200-280.

23. Постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» от 14.10.1948 № 3898 // Охрана памятников истории и культуры / Сост. Г. Г. Анисимов. – М.: Советская Россия, 1973. – С. 65–75.

Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR «O merakh uluchsheniya okhrany pamyatnikov kul'tury» ot 14.10.1948 № 3898 // Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury / Sost. G. G. Anisimov. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1973. – S. 65–75.

24. Саргсян Т. Э., Петросян М. В. Крым: Монастырь Сурб Хач. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. – 144 с.

Sargsyan T. E., Petrosyan M. V. Krym: Monastyr' Surb Khach. – Simferopol': ChP «Predpriyatie Feniks», 2008. – 144 s.

25. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар: г. Бахчисарай / Ред.–сост. Ш. С. Сейтумеров. – Казань – Бахчисарай, 2016. – Т. 1. – 168 с.

Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar: g. Bakhchisarai / Red.–sost. Sh. S. Seitumerov. – Kazan' – Bakhchisarai, 2016. – T. 1. – 168 s.

26. Смекалова Т. Н., Белик Ю. Л. Полевая фортификация Крыма в суворовскую эпоху. – Симферополь: Феникс, 2013. – 198 с. (Серия: «Материалы к археологической карте Крыма», Вып. IX).

Smekalova T. N., Belik Yu. L. Polevaya fortifikatsiya Kryma v suvorovskuyu epokhu. – Simferopol': Feniks, 2013. – 198 s. (Seriya: «Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma», Vyp. IX).

27. Ткаченко В. В., Ткаченко А. В. Кутузовский фонтан. Некоторые вопросы истории памятника // Terra Alustiana ММХI: сб. науч. тр. по матер. 10-й науч. конф. «Terra Alustiana ММХI» (Алушта, 7–9 окт. 2011). – Симферополь: Антиква, 2015. – С. 372–382.

Tkachenko V. V., Tkachenko A. V. Kutuzovskii fontan. Nekotorye voprosy istorii pamyatnika // Terra Alustiana ММХI: Sb. nauch. tr. po mat-lam 10-i nauch. konf. «Terra Alustiana ММХI» (Alushta, 7–9 oktyabrya 2011). – Simferopol': Antikva, 2015. – S. 372–382.

28. Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя. 2-е изд. – Севастополь; Киев, 2004. – 384 с.

Shavshin V. G. Kamennaya letopis' Sevastopolya. 2-e izd. – Sevastopol' – Kiev: Shavshin V. G., 2004. – 384 s.

29. Шкрибляк И. И. Археологические исследования позднескифского городища Залесье: по материалам полевого дневника Тавро-скифской экспедиции 1945 г. // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции: матер. науч. конф., посвященной 70-летию с начала работ Тавро-Скифской экспедиции (1945–2015). – Симферополь: Тарпан, 2015. – С. 28–30.

Shkriblyak I. I. Arkheologicheskie issledovaniya pozdneskifskogo gorodishcha Zales'e: po materialam polevogo dnevnika Tavro-skifskoi ekspeditsii 1945 g. // 70 let Tavro-Skifskoi ekspeditsii. Mat-ly nauch. konf., posvyashchennoi 70-letiyu s nachala rabot Tavro-Skifskoi ekspeditsii (1945–2015). – Simferopol': Tarpan, 2015. – S. 28–30.

30. Юрочкин В. Ю. Сессии по истории Крыма и становление археологической науки в послевоенном Крыму // История и археология Крыма. – Симферополь, 2016. – Вып. 4. – С. 187–204.

Yurochkin V. Yu. Sessii po istorii Kryma i stanovlenie arkheologicheskoi nauki v poslevoennom Krymu // Istoriya i arkheologiya Kryma. – Simferopol', 2016. – Vyp. 4. – S. 187–204.

31. Юрочкин В. Ю., Майко В. В. Готы, скифы, славяне: этнические кульбиты крымской археологии послевоенной эпохи // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. – СПб: Нестор-История, 2017. – С. 157–231.

Yurochkin V. Yu., Maiko V. V. Goty, skify, slavyane: etnicheskie kul'bity krymskoi arkheologii poslevoennoi epokhi // Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'tsev do genueztsev / otv. red. L. B. Vishnyatskii. – SPb: Nestor-Istoriya, 2017. – S. 157–231.

Манаев А. Ю. «There is not enough attention on the ground to the issues of protecting the historical and cultural economy of cities and districts of the Crimea»: the final report of the meeting on the problems of preserving the monuments of the peninsula in 1948.

The current direction of modern historical research is the introduction of new archival sources into scientific circulation and their critical understanding. The publication analyzes a report at a meeting on the problems of monument protection in the Crimea in the regional executive committee, which took place in 1948. The report examines various aspects of monument protection activities on the peninsula in the second half of the 40s of the twentieth century. Little-known facts about the state of archaeological and architectural complexes of the Crimea are given, questions of their financing and rational use are raised.

Keywords: Crimea, monument protection, report, Department of Architecture, museums.

УДК 94 (470.6)

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-4-107-115

ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ

Федина И. М.

*Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация
E-mail: ir_Lap@mail.ru*

Анализируется начальный этап заселения территории Кубани в конце XVIII века. Изучение истории первых поселений черноморских казаков позволяет воссоздать историческую картину заселения территории Черноморья, выявить характерные особенности развития первых казачьих поселенческих структур на юге России. Поселенческий уклад во многом предопределяется типом поселения и моментом его образования в региональном историческом пространстве, хотя в особых условиях кубанского (южно-российского) фронта немаловажное значение приобрели вопросы закрепления, устойчивости казачьих поселений. В статье особое внимание уделяется казачьим слободкам и куренным селениям, как первичным поселенческим образованиям, их обустройству и планировке.

Ключевые слова: заселение, курень, казачья слобода, Черноморья, поселения, казаки.

Образование первых казачьих поселений в Черноморья относится к 1792–1794 гг., однако этот процесс нельзя ограничить какой-либо одной конкретной датой, ибо в условиях необжитого края требовалось значительно больше времени на освоение новых российских территорий, на закладку поселений и обустройство поселенческого месторасположения. В отношении исторического региона Кубани изначальным моментом в его заселении казаками традиционно называется переселение 40 куреней «славных и храбрых запорожцев», казаков Черноморского казачьего войска. Однако, первыми поселениями черноморских казаков на осваиваемой ими территории Кубани стали отнюдь не курени (куренные селения), а стихийно создаваемые казачьи слободки. Как справедливо подчёркивал один из первых историков Кубани Е. Д. Фелицын, «на вновь пожалованной земле семейные черноморцы остановились таборами и образовали сперва восемь временных селений: Захаровку, Тимофеевку, Андреевку, Константиновку, Антоновку, Стояновку, Онуфриевку и Алексеевку» [14, с. 253].

Казачья слободка – это, по нашему мнению, исторический тип поселения, имеющий временный характер и занимающий небольшой участок, связанный с освоением новых российских земель как опорный посёлок, стимулируемый к своему появлению освобождением переселенцев от государственных и иных податей, образуемый, прежде всего, вольным казачьим населением, организующим повседневную деятельность на принципах традиционного самоуправления.

Историческое время существования таких казачьих слободок было не продолжительно, в чём нас убеждают обобщаемые конкретно-исторические материалы. Кроме того, далеко не все из названных выше слободок находились в «глубине степей подальше от Кубани и черкесов». К примеру, Захарьевку казаки основали на берегу реки Большой Карасун, на месте будущего Пашковского куреня. По мнению П. П. Короленко, заселение кубанского пограничья проводилось войсковым правительством принудительным путём. «Прибывающие к Кубани переселенцы смешанных куреней, – подчёркивает он, – становились таборами при кордонных постах, для лучшего обеспечения на случай набегов закубанских горцев... Вскоре таких таборов набралось десять. Кошевое управление назвало их селениями с наименованием: Онуфриевка, Константиновка, Стояновка, Киргизовка, Большая Киргизовка, Захарьевка, Тимофеевка, Чернолесска и Антоновка; для лучшего в них порядка, кошевой приказал жителям избрать в каждом селении атамана и писаря» [11, с. 57].

Архивные изыскания современных исследователей позволили выделить ещё несколько подобных поселений, относящихся к историческому типу казачьей слободки. Так, Б. Е. Фролов называет слободки: Ангелинка, «Бурлацкого броду», Васюринская, Верхняя, Видная, Журавлёвка, Малая Андреевка, Некрасовское селение, Терновка, Чернобровка, Шелестовка. Он отмечает также наличие целой группы частных слободок, появившихся в это время в Черномории, например, слободы атамана Захария Чепеги [16, с.13]. Полагаем, что в данном случае речь идёт о первых хуторах.

В рапорте войскового правительства от 9 июня 1793 г. правителю Таврической области С. С. Жегулину встречается исторически важное сообщение о намерении завести «воинские селения по над рекою Кубаном, начиная от устья ея до Усть-Лабинской линии...» [5, л. 2]. Скорее всего, если говорить о типе поселения, то речь шла о казачьих слободках, нежели об укреплениях, которые так и называли, или кордонах и пр.

В первой «вернейшей» переписи весьма часто встречаются любопытные данные о казачьих поселенческих структурах. Помимо Екатеринодара, города Тамани и ряда указанных выше селений (слобод), казаки проживали на самых различных речках и косах: в «городе Чебаклее», при Албашском, Сладком, Чёрном, Горьком и прочих лиманах; в «Фонтале», на рыбных заводах, кордонах, «футорах», и даже есть такая формулировка: «проживающие в разных местах» [12, с.7]. С точки зрения типа поселения, в данном случае, очевидно, подразумеваются большие и малые хутора, а также военные укрепления: посты (кордоны), пикеты («бикеты»), батареи («батарейки»). Заметим, военные укрепления на Кубани нередко превращались в поселения.

Ещё до окончания переписи (21 марта 1794 г.) правительство принимает решение поселить казаков отдельными куренными селениями (то есть заполнить селение и/или слободу казаками, приписанными к одному куреню). Впервые это решение юридически зафиксировано в «Порядке общей пользы», принятом 1 января 1794 г. В пункте 3 «Порядка» значилось: «По войсковой дисциплине, ради собрания

войска, устройства дозволяемого порядка и прибежища бездомных казаков во граде Екатеринодаре выстроить сорок куреней, да и войско при границы поселить куренными селениями в тех местах, где какому куреню по жребию принадлежать будет» [5, л. 2].

В документальных архивных материалах Государственного архива Краснодарского края прослеживаются следующие хронологические вехи в развитии казачьих поселенческих структур: после занятия кордонов на границе при самих кордонах, а также вглубь степей от реки Кубань появлялись хутора, заимки и слободы [6, л. 195]. Правда, сразу после прибытия в 1792 г. на дарованные земли казаки перезимовали на Тамани и на Ейской косе, а уж в начале лета следующего года заняли кордоны по реке Кубань. Кубанский историк А. М. Туренко в 1836 г. писал: «...Вслед за ними (имеются в виду казаки, высадившиеся в Тамани в августе 1792 г.) полковник Кордовский с двумя пешими полками и частью семейств прибыл сухим путём на сию землю и, став при Старом Темрюке, учредил наблюдательный пост и устроил курени на зиму» [13, с. 7].

Но вскоре войсковое правительство приняло меры к упорядочению процесса стихийного заселения края. В феврале – марте 1794 г. кошевой атаман войска верных казаков Черноморских З. А. Чепега с выборными от временных селений (очевидно, казачьих слободок) отправился в атаманский объезд заселяемой территории Черномории для выбора мест под постоянные куренные селения. 18 февраля 1794 г. в циркулярном приказе З. А. Чепеги подтверждается намерение казаков «заводить куренные строения и хлебопашество как веснянное время приспевает». 21 марта 1794 г. атаманом «учинена Ведомость», и в ней зафиксировано, «где которому куреню назначено под селение место» [10, с. 732–733]. Места для будущих казачьих куреней (селений) определялись традиционной казачьей процедурой жеребьёвки.

Тем не менее, лишь после окончательного размежевания земель между Черноморией, Кавказской губернией и землями Войска Донского войсковые власти приступили к отводу земель под курени (селения). Однако время межевания поселенческих мест затягивалось, и с весны 1793 г. предприимчивые потомки запорожцев обратились к привычным для них делам: добыче рыбы, охоте и скотоводству. Многие занялись заготовкой рыбы, запасы которой в Черномории казались тогда неистоцимыми.

На протяжении всего XIX в. прослеживается одна характерная тенденция в образовании на Кубани поселенческих структур: старожилые казаки, вытянувшие общий жребий для поселения в новой станице, получали приказ прибыть на новое место к 1 апреля. Мотивировалось это вполне объективно: к концу апреля трава достигала той степени зрелости, когда на подножном корму получалось без особых проблем перегонять скот и лошадей, да и волы, перевозившие домашний скарб, безболезненно могли двигаться на большие расстояния.

В начале февраля 1794 г. на собрании старшин и куренных атаманов приняли решение расселить всего сорок куреней (одноимённых с новыми куренными селениями). В итоге согласились селиться следующим порядком: «...начиная от

Ейского городка вверх по реке Еи... по Кугу- Еи, от устья её за пятьдесят вёрст, десять, а оттоль прямою межою до Усть-Лабинской крепости двенадцать, да по Кубани до Чёрного моря восемнадцать...» [12, с. 9]. На том же собрании старшин и куренных атаманов состоялась и жеребьевка куренных мест поселения.

К концу февраля 1794 г. кошевой атаман З. А. Чепега рассылает атаманам селений циркулярные приказы, в которых сообщает о принятых решениях и требует «строения и хлебопашества» заводить уже на новых местах. От жителей селений он вызывал «охотников» для осмотра вместе с ним «показанных мест на первой седмице следующего великого поста в понедельник». От громады селения Тимофеевки (в данном случае громада понимается как казачье общество) выбрали три человека, в слободе Константиновке «охотников сделалось» четыре человека, от Стояновки нарядили двух жителей. Жители же селения Андреевки попросили оставить их на прежнем месте ещё на два года. В целом же, первые полтора года казаки жили там, где им казалось сподручнее [10, с. 65].

Туренко А. М. в 1836 г. писал об итогах первой жеребьевки 1794 г. следующим образом: «Каждому куренному атаману был выдан план будущего селения. В пояснительной записке к нему говорилось: «По приложенному плану улицы должны быть шириной по 10, а дворы по 20, а в длину и по 43 аршинных сажений [сажень равна 2 м 13 см – *авт.*], а дворы в синем, а огороды в зелёном поле чернилам же избы, а посередине площадь для церкви»[13, с. 31–32].

Селения планировались в форме квадрата по три квартала с каждой стороны. Центр полностью отводился под церковь и площадь. В каждом из остальных кварталов планировалось по 16 дворов. Каждый двор размечался 85 метров в длину и 43 метра в ширину [7, л. 121–122].

В течение лета и осени 1794 г. продолжалось расселение куренных селений по всей территории Черномории, и велась активная переписка казаков и войсковых властей по этому поводу. Естественно, из-за отсутствия детального межевания земельных участков под поселения и точных ориентиров на местности нередко возникали конфликты.

Во избежание подобной неразберихи войсковое правительство утвердило план поселяемых куренных селений и приказало «поселить в назначенных по ведомостям местах без угнетения, порядочно по прилагаемому плану» [5, л. 12]. Планом регламентировались, ширина и длина дворов и улиц, предусматривались места для огородов, а также площадь с расположенной посередине церковью. Таким образом, документы позволяют предположить, что в течение весны–осени 1794 г. черноморские курени (селения) были в основном расселены, хотя и с нескрываемым недовольством жителей куреней.

Долгое время неясной оставалась ситуация с местом расположения поселений. В резолюции войскового правительства отмечалось: «Всем сорока куреням под селения места назначить по границе, начав от устья р. Ей вверх до р. Терновки, а оттоль поворотившись чрез р. Сасик Ейку, Челбасы, Бейсужок, Бейсуг большой и меньшей, Кирпили до Воронежского редута, а оттоль по р. Кубани до Чёрного моря в удобнейших местах, и в которые именно под оные места назначены, будут сделать

ведомость и отправить для оповещения всего войска частным и окружным командирам при указах, да и атаману кошевому для сведения таковую приложить»[8, л. 271 об].

Таким образом, в конце марта 1794 г. войсковое правительство только лишь назначает примерные места под будущие куренные селения. По мнению Б. Е. Фролова, речь идёт о жеребьёвке, и, по всей видимости, 15 февраля 1794 г. разыгрывались не конкретные земли с точной топографической привязкой, а нечто более расплывчатое, обозначалась приблизительная локализация куреней: «устье/верховье» какой-то реки [16, с. 12–13].

Фактическое заселение Черномории следует относить к 1794 г., и поселение первых запорожцев на Таманском полуострове, по существу, имело характер временной стоянки. Места для размещения будущих куренных поселений распределялись казаками по большей мере сообразно экономическим обстоятельствам, нежели с учётом сложившихся военных условий. На самом опасном участке российской границы, пролежавшем от района Екатеринодара до впадения Усть-Лабы в Кубань, поселялись только три куреня: Васюринский, Корсунский и Пашковский. Вдали от опасных закубанских соседей расположились 8 куреней: Екатерининский, Калниболотский, Кисляковский, Конеловский, Кущёвский, Незамаевский, Щербиновский и Шкуринский. По берегам рек Бейсуг и Бейсужок поселились 6 куреней: Батуринский, Брюховецкий, Дядьковский, Иркиевский, Кореновский и Переяславский. На реке Челбас разместились 4 куреня: Деревянковский, Канивской, Крыловской, Леушковский. На реке Кочеты нашли своё место также 4 куреня: Динской, Медведовский, Мышастовский и Пластуновский. На реке Кирпили расположились ещё 4 куреня: Платнировский, Роговской, Сергеевский и Тимашёвский. На реке Понуре осели Величковский и Поповический курени. На реке Сасык (Сосыка) отстроились Минский и Уманский курени. При кубанских лиманах поселились сразу 3 куреня: Вышестеблиевский, Джерелиевский и Титаровский. При Ангелинском ерике нашёл себе место под поселение Нижестеблиевский курень, при Казачьем ерике закрепились Небержанский и Полтавский курени [2, с. 46].

Что же касается самого порядка непосредственного заселения куреней Черноморского казачьего войска на отведённых земельных угодьях, то, как правило, указывалось только примерное место расположения будущих куренных селений Черноморского казачьего войска. В принятом порядке заселения новых земель, куреням определялось, по существу, лишь общее направление в передвижении по территории региона и приблизительное место будущего размещения, скажем, за 30 вёрст друг от друга. Причём, это место далеко не всегда совпадало с первичным целеуказанием, ведь возникали немаловажные местные обстоятельства, которые обязательно требовалось учитывать при непосредственном поселении. Например, отсутствие водоёма для скота или непригодность воды в целом.

Таким образом, в конце октября 1794 г. никаких куренных селений на восточной границе Черноморского казачьего войска никак не наблюдается, и

соответствующее окружное начальство вообще ничего не ведает о местах их возможного размещения. Весьма маловероятно, чтобы за оставшиеся всего лишь два зимних месяца 1794 г. казакам удалось эти куренные селения основать с нуля.

Казаки «сильнейше понуждались» к намеченному переезду в назначенные места войсковыми чиновниками, и поскольку административное давление в силу ещё только складывавшейся системы управления не могло быть довольно жёстким, то и результат его оказывался не таким уж существенным. Они крайне неохотно снимались с места и неспешно отправлялись в назначенные места, выполняя поступившее сверху распоряжение, поэтому количество переселенцев получалось невелико, и направлялись они в указанное место с большими интервалами по времени, собирались лишь небольшими партиями, следовали по указанному маршруту даже отдельными семьями, а то и вовсе двигались в одиночку.

Современный российский историк Н. Ф. Бугай отмечал характерную историческую тенденцию вторичного заселения казаками территории Черномории, когда куренные селения Черноморского казачьего войска водворялись на уже освоенных самими же казаками местах, в ранее созданных слободах. По его мнению, «заселяли казаки новый край слободами, смешено», а с точки зрения социально-демографического статуса получалось, что «значительное число семейных и домовитых казаков обустроились в слободах (селениях)» [4, с. 44].

Осенью 1795 г. для готовящейся в Сенате карты Российской империи в войсковом правлении Черноморского казачьего войска составили опись мест расположения куренных селений в Черномории. Благодаря этому историческому документу, мы знаем о размещении 12 куренных селений на речных берегах по течению реки Ея и её притоков, о водворении 10 куренных селений на берегах степных речек: Албаши, Великий и Малый Бейсуг, Кирпили, Тихонькой, Челбасах. Остальные куренные селения находились в южной части Черномории, причём в непосредственной близости у реки Кубань фиксировалось только восемь куренных селений: Васюринское, Величковское, Динское, Корсунское, Пашковское, Пластуновское, Роговское, Тимошёвское. Заметим, через 10 лет после заселения края, вблизи берегов Кубани останется всего лишь три куренных селения: Васюринское, Корсунское, Пашковское, и располагались эти селения на расстоянии примерно 2–4 вёрст от пограничных кордонов.

Становится очевидной историческая тенденция, характерная для начального этапа развития казачьих поселенческих структур, заключавшаяся в том, что появление на всей территории Черномории куренных селений (расселение куреней) не превратилось в детерминирующий фактор переселенческого процесса, и тотального перемещения всех черноморских казаков в запланированные куренные селения, к своим куреням не произошло. В Черноморском казачьем войске по-прежнему продолжали существовать ранее созданные казачьи слободки, хотя их количество заметно уменьшилось, значительное число черноморских казаков осели на новых землях своими хуторами, немало переселенцев устроилось жить и работать на образуемых рыбных заводах, многие и вовсе проживали походным порядком при перемещающихся табунах и отарах.

Следует подчеркнуть и нежелание многих казаков Черноморского казачьего войска переселяться в куренные селения, что вызывало серьёзную обеспокоенность в войсковом правительстве. Согласно заявлению А. Головатого, «пришедшие и ныне приходящие на войсковую землю сего войска старшины и казаки, не поселяясь на назначенных под куренные селения местах заводят свои хутора по разным рекам и урочищам, чем навлекают куренным атаманам [трудности] в выставлении на службу казаков и в отыскании праздношатающихся по войсковой земле и не принадлежащих к войску беглых из разных мест великое затруднение» [9, л. 27 об]. В войсковом правительстве осознавали ограниченность своего властного воздействия, явно не достигавшего хуторов и заимок, где вольная жизнь получалась выгодной не только в экономическом отношении, но и в плане прямого уклонения от общественных повинностей и воинской службы.

После переселения на Кубань черноморские казаки (бывшие запорожские сечевики) сохранили свои курени с прежними сечевыми названиями и прибавили к уже имеющимся два новых куреня. «Тридцать восемь куреней были тех же самых названий, какие существовали в Запорожском войске, – писал П. П. Короленко, – а два добавлены вновь, первый Екатериновский – в честь Императрицы Екатерины, а последний Березанский – в воспоминание взятия черноморцами турецкой крепости Березани» [11, с. 57]. Успешный штурм крепости казаки осуществили 7 ноября 1788 г. под командованием войскового судьи А. А. Головатого во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг., но с тех пор остров Березань так и не стал обитаемым, несмотря на неоднократные попытки разных групп людей его как-то обжить и обустроить. Сегодня он находится в прибрежных водах Республики Украина, в части морской акватории, относящейся к Николаевской области. С южной и западной стороны Березань мощно омывается водами Чёрного моря, с востока его достигают водные потоки реки Буг, а северная часть Березани расположена практически рядом с устьем реки Днепр. Остров является частью национального историко-археологического заповедника Украины «Ольвия».

С 1809 г. кубанские курени начинают называться куренными селениями [3, с. 19], и это исторически совпадает с началом планомерного привлечения на территорию Черноморья новых переселенцев. Укоренившиеся к этому моменту курени становятся центрами по приёму новых переселенцев, при этом войсковое правительство стремится непременно сохранить в названиях поселений исторические наименования куреней черноморских (запорожских) казаков.

Известный кубанский географ, педагог и организатор образования конца XIX – первой трети XX вв. Леонид Яковлевич Апостолов (1865–1932) в своём главном научном труде «Географический очерк Кубанской области» (1897) показывает черноморские курени в их исторической динамике: «Все курени существуют теперь в виде огромных станиц, но каковы они были в первое время, это трудно себе и представить. Вместо домов были землянки и мазанки, лишённые самых элементарных удобств, и даже церкви были под камышовой крышей» [1, с. 234–235]. Тем самым, для кубанского исследователя Л.Я. Апостола курень выступает как развивающаяся поселенческая структура, эволюционировавшая от

примитивного селения с убогими строениями до огромной кубанской станицы, ставшей настоящим казачьим куренём.

Итак, к середине XIX в. в Черномории господствующим типом поселения становится станица, хотя в количественном отношении преобладали хутора. Процесс трансформации типов поселений оказался весьма сложным, и зачастую запутанным, ибо одновременно существовали сразу несколько типов поселений, не всегда представлялось возможным установить конкретную дату образования поселения, места расселения казаков носили временный характер, вместо одних селений появлялись другие. Однако исторически первым типом поселения в Черномории стали казачьи слободки, а не курени, как это принято считать.

Список использованных источников и литературы

1. Апостолов Л. Я. Географический очерк Кубанской области. – Краснодар, 2010. – 320 с.
Apostolov L. Ya. Geograficheskiy ocherk Kubanskoj oblasti. – Krasnodar, 2010. – 320 s.
2. Бентковский И. В. Заселение Черномории с 1792 по 1825 год // Памятная книжка Кубанской области на 1881 год. – Екатеринодар, – 1881. – С. 3–125.
Bentkovskij I. V. Zaselenie Chernomorii s 1792 po 1825 god // Pamjatnaja knizhka Kubanskoj oblasti na 1881 god. – Ekaterinodar, – 1881. – S. 3–125.
3. Бугай Н. Ф. Курень, куренное поселение, станица: основа Кубанского казачьего Войска и Краснодарского края // Наследие веков. – 2017. – № 4(12). – С. 15-28.
Bugaj N. F. Kuren, kurennoe poselenie, stanica: osnova Kubanskogo kazach'ego Vojska i Krasnodarskogo kraja // Nasledie vekov. – 2017. – N 4(12). – S. 15-28.
4. Бугай Н. Ф. Станица Старо-Титаровская: от Екатерины до начала XX вв. – Тула, 2007. – 597 с.
Bugaj N. F. Stanica Staro-Titarovskaja: ot Ekateriny do nachala XX vv. – Tula, 2007. – 597 s.
5. ГАКК, ф.-249, оп. 1, д. 2830.
ГАКК, f.-249, op.1, d. 2830.
6. ГАКК, ф. -250, оп. 1, д. 24.
ГАКК, f.-250, op.1, d. 24.
7. ГАКК, ф.-318, оп. 1, д. 512.
ГАКК, f.-318, op.1, d. 512.
8. ГАКК, ф.-250, оп. 1, д. 1.
ГАКК, f.-250, op.1, d. 1.
9. ГАКК, ф.-250, оп. 1, д. 52.
ГАКК, f.-250, op.1, d. 52.
10. Дмитриенко И. И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. – Санкт Петербург, 1896. – Т. 3. – 799 с.
Dmitrienko I. I. Sbornik istoricheskikh materialov po istorii Kubanskogo kazach'ego vojska. – Sankt Peterburg, 1896. – T. 3. – 799 s.
11. Короленко П. П. Первоначальное заселение черноморскими казаками Кубанской земли // Известия ОЛИКО (Общества любителей изучения Кубанской области). Вып. 1. – Екатеринодар, – 1899. – С. 53–149.
Korolenko P. P. Pervonachal'noe zaselenie chernomorskimi kazakami Kubanskoj zemli // Izvestija OLIKO (Obshhestva ljubitelej izuchenija Kubanskoj oblasti). Issue 1. – Ekaterinodar, – 1899. – S. 53–149.
12. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века: исторические документы. – Краснодар, 2006. – 520 с.
Pervaja perepis kazakov-pereselencev na Kuba' v konce XVIII veka: istoricheskie dokumenty. – Krasnodar, 2006. – 520 s.
13. Туренко А. М. Исторические записки о войске Черноморском. – Киев, 1887. – 146 с.
Turenko A. M. Istoricheskie zapiski o vojske Chernomorskom. – Kiev, 1887. – 146 s.

14. Фелицын Е. Д. Краткий очерк заселения Кубанской области // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис, 1884–1885. – Т. VIII. – С. 250-284.

Felicyн E. D. Kratkij ocherk zaselenija Kubanskoj oblasti // Izvestija Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva. – Tiflis, 1884–1885. – Т. VIII. – S. 250-284.

15. Фролов Б. Е. Основание первых куренных селений в Черномории // Вестник архивиста Кубани. – 2006. – № 1. – С. 12–20.

Frolov B. E. Osnovanie pervyh kurennyh selenij v Chernomorii // Vestnik arhivista Kubani. – 2006. – № 1. – S. 12–20.

Fedina I. M. First settlements of black sea cossacks

The article analyses the initial stage in the settlement of the Kuban at the end of the XVIII century. The study of the history of the first settlements of the Black Sea Cossacks allows one to recreate a historical picture of the settlement in the Black Sea region, to identify the features that are characteristic to the development of the first Cossack settlement structures in the south of Russia. The settlements' modus vivendi was largely predetermined by the type of settlement and the moment of its creation in the regional historical space, although given some special conditions of the Kuban (South Russian) frontier, the importance of consolidation and sustainability of the Cossack settlements has grown quite largely. The process of peopling an extensive territory of the Black Sea originally did not meet with a noticeable success and broad scale, since for the first ten years after the resettlement there was not a single new settlement with a new Cossack community. Particular attention is paid to the Cossack commercial villages and kuren settlements, as primary residential units, as well as their arrangement and planning.

Keywords: peopling, kuren, Cossack commercial village, Black Sea area, settlements, Cossacks

УДК 94(497.1)“1950/1952”

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-4-116-124

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ПОЛОЖЕНИИ СЛОВЕНИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА 1950–1952 гг.

Шахин Ю. В.

*Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru*

Политика демократизации в начале 50-х гг. XX столетия способствовала оживлению национализма и республиканизма в Словении. Работники государственного хозяйственного аппарата, творческая интеллигенция и журналисты начали позволять себе заявления и действия, ставящие словенские интересы и проблемы на первое место по сравнению с общегославскими. Многие из них объясняли социально-экономические проблемы Словении тем, что она дойная корова Югославии. Оживилось мнение о культурном превосходстве словенцев и стремление дистанцироваться от Югославии. Словенское партийное руководство не справлялось с подавлением этих тенденций, что вызывало неоднократную критику из Белграда.

Ключевые слова: Югославия, Словения, общественное мнение, республиканизм, национализм, кризис.

Словения традиционно являлась регионом Югославии, где центробежные и националистические настроения проявлялись ярче и сильнее всего. В первые годы после образования югославской федерации они ушли в тень, но затем в новых условиях получили более значительное развитие. Эти условия создал социально-экономический кризис, 1950–1952 гг., вызванный политикой индустриализации и советско-югославским конфликтом. В ходе кризиса руководство Югославии развернуло реформы формирующейся общественной системы, направленные на поиск новых путей строительства социализма. Среди этих реформ выделяются два направления: децентрализация, призванная ограничить контроль союзного центра над активностью республиканских и местных руководств, и демократизация, призванная расширить допустимые рамки проявления свободы мнений. С демократизацией также связаны некоторые изменения в культурной политике, начало которым положил в декабре 1949 г. III пленум ЦК Коммунистической партии Югославии, принявший постановление о школьном деле.

Все эти меры способствовали активизации республиканизма и центробежных процессов в культуре. Под республиканизмом в историографии понимается позиция, отдающая абсолютный приоритет интересам Словении в отношениях с союзным центром и другими республиками. Усилению республиканизма способствовал экономический кризис: его углубление создавало проблемы не только в экономике, но и в культурной сфере, а демократизация, выразившаяся в ослаблении партийной опеки и расширении свободы слова, создавала

благоприятные условия для проявления недовольства и развития центробежных процессов. Впрочем, когда мы говорим о массовом сознании, следует учитывать, что центробежные настроения здесь не всегда принимали форму культурных требований. Очень часто они развивались в экономической сфере и за ее рамки не выходили.

В конце августа 1950 г. в источниках впервые фиксируется рост недовольства в массах существующими межреспубликанскими отношениями. В этой связи в Политбюро ЦК Коммунистической партии Словении отметили: «Экономические отношения между республиками нужно будет привести в порядок, потому что массы уже это обсуждают» [8, s. 223].

Пока анонимные массы что-то обсуждали, в публичном пространстве выступили словенские писатели. В конце сентября 1950 г. Общество словенских писателей решило созвать внеочередное общее собрание, которое и состоялось 6 октября. Собрание подняло ряд вопросов. Прежде всего писатели обсудили проблемы в отношениях с общегославским обозрением «Книжевне новине» («Литературная газета»). В частности редактор словенского раздела «Книжевных новин» Франц Альбрехт отметил, что некоторые из словенских статей сокращали без объяснения, словенские имена передавались не через словенское правописание, а гонорары выплачивались нерегулярно. Эти жалобы Общество поддержало и позднее направило «Книжевным новинам» письмо с требованием полной автономии для любого республиканского редактора и угрозой в противном случае отказаться от сотрудничества в редколлегии [8, s. 258].

Автономистский курс получил развитие также при обсуждении вопросов устава Союза писателей Югославии. Здесь словенские писатели пришли к похожему выводу, что Белград взял себе слишком много полномочий, и предложили дать больше самостоятельности республиканским обществам. Это предложение нашло поддержку в других республиках. 24-26 ноября республиканские общества писателей провели совместный пленум в Любляне и договорились разработать новый устав, чтобы децентрализовать Союз писателей Югославии. По старому уставу югославское общество было союзом членов, а согласно проекту нового должно было стать союзом республиканских обществ. Нетерпение писателей было столь велико, что они договорились жить по новым уставным принципам уже с 1951 г. при формальном сохранении старого устава. С соблюдением всех процедур устав был изменен только в 1952 г. на очередном общегославском съезде [2, s. 624, 651]. В историографии на этом событии обычно не делают акцент, между тем это был первый достоверный случай, когда инициатива децентрализации чего бы то ни было исходила не сверху, а снизу.

Однако наибольший резонанс среди всех вопросов, обсуждавшихся писателями 6 октября, вызвало снабжение бумагой. С этим делом в Югославии тогда была очень тяжелая ситуация. Бумаги катастрофически не хватало. Качественные сорта импортировались, а в торговом балансе была чудовищная дыра, валюты не хватало и, как следствие, не было возможности их закупить в достаточном объеме. Экономить приходилось на всем. В ряде учреждений документы печатали на

папиросной бумаге. Из архивов были изъяты документы, не представляющие, по мнению инициаторов этой кампании, историческую ценность, и пущены на оборотки. Сократились тиражи книг и газет, некоторые мелкие издания были полностью закрыты. В этих тяжелых условиях словенские писатели решили подойти к проблеме комплексно и явили миру пример ограниченного республиканского эгоизма, прикрытого заботой о национальной культуре.

В принятой обществом резолюции по бумаге утверждалось, что число публикаций в республике снижается из-за механического распределения бумаги между республиками пропорционально численности населения, тогда как Словения, будучи более культурной республикой, чем остальные, должна получать бумагу в большем количестве. Затем писатели «разоблачили» скрытые преференции для сербскохорватского языка. Помимо контингента бумаги, распределяемого между республиками, есть еще союзный контингент, и он используется для публикаций только на сербскохорватском языке. Македонская и словенская литература на бумаге союзной квоты не печатается. Тем самым осуществляется ущемление словенского языка и культуры. Затем писатели уличили Боснию и Герцеговину, Македонию и Черногорию в транжирстве дефицитной бумаги. А также предъявили претензии союзным властям, что они печатают в словенских типографиях книги для нужд других республик. Эти книги союзные издатели печатают только на сербскохорватском языке, в результате страдает словенская книга [2, s. 622, 623; 3, s. 425]. Резолюцию опубликовала «Людска правица» – центральный орган КПС «без какой-либо критики и с утверждением, что это интересные констатации словенских писателей».

Когда эта новость достигла Белграда, вспыхнул большой скандал. Председателю Хозяйственного Совета Югославии Борису Кидричу, словенцу по национальности, не составило труда поднять данные за 1949 г., по которому была полная отчетность, и показать, что даже с учетом союзной квоты Словения получает 18,8% распределяемой бумаги, что значительно выше доли Словении в населении (8,8%). Никакой политики национального или культурного угнетения Словении с помощью распределения бумаги не проводится. Кидрич справедливо указал, что рассуждения писателей националистические и некорректные по отношению к другим народам Югославии, так как не их вина, что они культурно отсталые – это результат рабского прошлого.

После того как Кидрич устроил жесткую критику писателям, начались самокритика и самооправдания. Словенский литератор Ёсип Видмар признал за собой грех «вербального национализма», указал на раздражающий словенских писателей фактор в лице черногорского поэта Радована Зоговича и главную причину подобных настроений в культурных кругах – тяжелое экономическое положение [3, s. 439]. На самом деле, корни уходили глубже. Словенские писатели явно намеревались решать свои проблемы не с точки зрения общих югославских дел, а с точки зрения республиканского эгоизма, по принципу своя рубашка ближе к телу. К тому же они исходили из тезиса, будто словенский язык ущемляют, а

подобные настроения встречались в Словении еще раньше и были, на наш взгляд, безосновательны.

Как раз в то время, когда скандал, вызванный принятием резолюции по бумаге, только назревал, и в руководящих партийных кругах собирались грозные тучи, осмелился публично выступить поэт Эдвард Коцбек. Этот бывший лидер христианских социалистов входил в высшее руководство Освободительного фронта и пользовался значительным влиянием, однако идейно не перешел на позиции КПЮ. В условиях демократизации он решил прощупать границы свободы слова и, подобно некоторым из своих коллег в других республиках, позволил себе оценки, отличные от линии партии. Перед глазами Коцбека был живой пример знаменитого сербского писателя Бранко Чопича, который за сатирический рассказ, опубликованный в августе того же года, подвергся публичной травле. Коцбек, будучи не только литератором, но и политическим деятелем, пошел иным путем: он делал это не в художественных произведениях, а в своих статьях и докладах. Там он критически освещал рассматриваемые им проблемы с позиций собственного мировоззрения. Эти суждения вызывали острую реакцию со стороны Карделя и Кидрича, хотя члены словенского Политбюро относились к «выпадам» Коцбека более терпимо.

Осенью 1950 г. Коцбека потянуло на рассуждения о «низших цивилизациях». В интервью данном 19 сентября газете «Словенски порочевалец» он заявил, что «в народном просвещении мы остались в примитивных, во многом прямо-таки вульгарных формах пропагандизма и утилитаризма. У нас нет азбучной неграмотности, зато есть худшее – мы опустились до подражания низшим цивилизациям». 28 октября в статье «О народном образовании», опубликованной в той же газете, Коцбек повторил, что «мы после освобождения скатились в примитивные, прямо-таки вульгарные формы пропагандизма и утилитаризма и опустились до подражания низшим цивилизациям» [5, s. 4; 7, s. 4].

Разделы интервью, посвященные культуре, переполнены у Коцбека рассуждениями о необходимости самопознания словенцев, обращения к своей культуре, истории и национальной психологии. На этом фоне рассуждения о неграмотности и низших цивилизациях воспринимаются как выпад против других югославских народов. Аналогично обстоит дело со статьей. Коцбек обосновано критикует недостатки и призывает к более тонким и умным методам социалистической культурной политики. Однако истоки вскрытых им недостатков он видит в некритическом заимствовании из сферы низших цивилизаций. Содержание статьи позволяет усмотреть среди ее представителей как СССР, так и балканские народы. Статья подталкивает именно к такому восприятию позиции автора, потому что он везде последовательно противопоставляет критикуемый примитивизм свойствам словенского человека. На этом фоне призыв к более тонким и умным методам культурной работы неизбежно получает ярко выраженный националистический оттенок.

Коцбек оправдываясь утверждал, что этими словами хотел сказать – нельзя опускаться ниже своего культурного уровня. Однако на фоне национальной

озабоченности и эгоизма Общества словенских писателей, членом которого был и сам поэт, его рассуждения порождали однозначное восприятие. Кидрич, главный организатор атаки на Коцбека, видел в них две интерпретации: либо это шовинистический намек на русских, либо высокомерное отношение к другим народам Югославии, которое он обозначил как «балканизм» [3, s. 429–430, 434–435]. Второй версии он в основном и придерживался. Интересно, что критические рассуждения Коцбека о культурной политике и образовании не вызвали у вышестоящих товарищей каких-либо замечаний. За «низшие цивилизации» Коцбека критиковали до апреля 1951 г., пока он не дал новую почву для осуждения. Но это уже никак не было связано с республиканизмом.

Историк А. Габрич полагает, что острая реакция на публичные критические выступления Коцбека была вызвана атмосферой «холодной войны» и международными проблемами Югославии. Как раз к концу 1940-х гг. у нее обострились отношения с Ватиканом – дело закончилось их разрывом – а Коцбек был все-таки христианским социалистом. Если бы он превратился в самостоятельную политическую фигуру, он мог бы стать центром притяжения для самых различных оппозиционных сил. Такую возможность партия старалась пресечь в зародыше [2, s. 633]. Предположение Габрича не лишено оснований. В его подтверждение невозможно привести каких-то недвусмысленных высказываний, однако косвенно его подтверждают материалы разнообразных заседаний, посвященных поведению Коцбека. Каждый раз в комплексе с высказываниями Коцбека рассматривались вопросы оживления реакции, в том числе и клерикальной. В итоге Коцбек был просто отстранен от общественной жизни к лету 1951 г.

Высказывания Коцбека о «низших цивилизациях» и резолюция по бумаге рассматривались 13 ноября 1950 г. на заседании Исполкома ОФ. Там Кидрич выступил с докладом, где помимо уже известных нам случаев отметил еще некоторые проявления республиканизма, созвучные резолюции о бумаге: «Вам известно, что подобных дискуссий сейчас в Словении много. Так я слышал об утверждении, что словенские рабочие хуже оплачиваются, чем рабочие в других республиках. Статистические данные нам показывают, что словенские рабочие с учетом более хорошей квалификационной структуры вознаграждаются приблизительно на 10–15% выше, чем в других республиках». Кидрич не указал, кто именно распространял эти сведения, однако уже в июне словенские хозяйственные руководители решили создать для них почву и обратились с жалобой в Хозяйственный Совет на слишком большой разрыв ставок квалифицированных и неквалифицированных рабочих и попросили снизить зарплату квалифицированным. Кидрич не возражал [6, s. 217]. На заседании исполкома ОФ Кидрич также отметил, что «раздаются утверждения, что жилищный кризис хуже всего в Словении. Говорят даже о статистических данных, хотя у нас их еще нет на руках», поскольку результаты недавней переписи населения все еще обрабатываются [3, s. 426]. Таким образом, и здесь претензии снизу носили бесосновательный характер.

Обобщая картину осени 1950 г. Кидрич предельно четко отметил: «...В Словении все чаще появляются утверждения, что в Белграде проводится

неправильная экономическая политика, которая причиняет ущерб словенскому народу и его экономическому развитию, что материальные блага неправильно распределяются, что словенцы при этом терпят убытки и т.д.» Эти утверждения распространяются в среде мелкобуржуазной интеллигенции и в государственном хозяйственном аппарате республики [3, s. 424–425]. Действительно, писатели, когда стали оправдываться, указали, что опирались на данные по бумаге, которые им сообщили в республиканском государственном аппарате. Кидрич обобщая отметил, что в Словении происходит оживление национализма, так как трудности, которые возникают из-за различных экономических диспропорций, истолковываются как результат национальной политики [3, s. 434]. Член Политбюро ЦК КПС Сергей Крайгер тоже согласился с оценкой об усилении буржуазного национализма и признал наличие националистических явлений в экономике, государственном аппарате и у тех, кто решает экономические проблемы [3, s. 436].

В январе 1951 г. на Политбюро ЦК КПС были конкретизированы носители республиканизма. Было указано, что националистические настроения, будто в других республиках лучше живут, проникают также в партийные ряды [3, s. 562; 8, s. 251]. Кидрич указал, что националистические тенденции развиваются на экономической почве, в частности будто бы Белград задевает чувство суверенитета словенцев [8, s. 258].

В конце апреля 1951 г. импульс обсуждению проблем национализма дало новое критическое выступление Коцбека. Кардель констатировал «прорыв словенского менталитета через окружение практицизма», вследствие которого растет национализм [8, s. 266] а Кидрич отметил центробежные тенденции на уровне руководства: «Прекращена взаимная защита партийной линии. Делегации, которые направляются [из Словении] в Белград, высказываются о том, что они ничего не могут сделать. – Не солидаризироваться с линией ЦК КПЮ» [8, s. 268]. Одновременно Кидрич высказал мысль об активизации в Словении остатков реакции и указал на ряд видных попутчиков КПЮ по Освободительному фронту. Об общественной атмосфере, складывающейся в Словении, свидетельствует характерное замечание Кидрича, работавшего в Белграде: «У меня ощущение, что я приезжаю как иностранец» [8, s. 267].

После этого характеристика общественных настроений в Словении и в частности развития националистических настроений на некоторое время исчезает из источников, хотя они никуда не делись. Представители хозяйственного блока словенского правительства ревностно следили за поведением других республик под давлением своего общественного мнения. Когда в ноябре 1951 г. с территории Сербии был вывезен 41 вагон древесины, представитель словенского Хозяйственного Совета пожаловался на это Хозяйственному Совету Югославии. Дескать поведение сербских хозяйственных руководителей «создает политические трудности для мобилизации вывоза леса из Словении в Сербию». Похоже, на низовом уровне этот шаг Сербии спровоцировал рассуждения, что там есть излишки леса и потому его незачем поставлять туда из Словении. Кидрич стал на сторону словенцев и постановил запретить вывоз леса из Сербии, признав, что этот вопрос

является политическим не только для Словении, но и для Хорватии [6, s. 331]. Через полтора месяца все подобные «политические» вопросы ярко вспыхнули при публичном обсуждении проекта плана на 1952 г.

Будучи осведомлен о настроениях в республике, Кидрич заранее начал идеологическую подготовку. 8 января на VI пленуме ЦК КПС Кидрич отметил, что на предприятиях будут возмущаться, почему в Словении более высокие нормы накоплений, чем в других республиках и выдвинул контраргументы, которые предложил распространять через печать [4, s. 470]. Также Кидрич заранее указал, что за враг выступит против, и где он притаился. Это государственный экономический аппарат, причем как республиканский, так и местный. Именно оттуда исходят «разные вещи, которые потом рабочие распространяют не проверив в своей среде». Настроения этих работников госаппарата Кидрич характеризовал, не скупясь на слова, как партикуляристские, шовинистические, националистические, «короче говоря, мелкобуржуазные и панические». Кидрича беспокоило, что эти чиновники действуют в характерной для Словении психологической среде, которую отличают «мощная мещанская психология и филистерский менталитет». В этих условиях носители вражеского менталитета в экономике попытаются склонить на свою сторону рабочий класс и даже превратить в свой рупор рабочие советы [4, s. 462].

Опасения Кидрича оказались небезосновательны. 14 и 25 января Хозяйственный Совет Югославии отмечал, что в Словении при обсуждении проекта плана на 1952 г. «выступают очень шовинистически», особенно в связи с нормами накоплений [6, s. 364, 383]. 15 января 1952 г. разбору ситуации в Словении посвятило отдельное заседание Политбюро ЦК КПЮ (в Архиве Югославии протокол этого заседания ошибочно датирован 1949 г.). Генеральный секретарь Йосип Броз-Тито отметил, что аналогичные явления есть и в других республиках, но в Словении они наиболее выражены. Словенские партийные лидеры признали, что они фактически теряют контроль над гуманитарной интеллигенцией (журналистами, адвокатами и т. д.) [1, l. 13, 14, 17]. В качестве особой проблемы была отмечена активизация антиюгославских настроений в эмигрантских кругах, которые создали центры в Тиесте и Целовце (Клагенфурте). Б.Крайгер отметил: «Для нас опасна группа Яворника, поскольку она говорит в программе, что у словенцев нет ничего общего с остальными южными славянами. Наблюдается сильная активизация, и они думают, что пришло время работать над разрушением Югославии. Они утверждают, что сейчас она нужна. Но когда пройдет опасность от русских, тогда Америка нажмет, и дело дойдет до распада. Об этом же говорят и в круге Коцбека и в кругах вокруг Академии наук» [1, l. 15]. Мирко Яворник – писатель, по взглядам антикоммунист. Он работал в эти годы на радио Триеста политическим обозревателем, а во время войны был сторонником коллаборационистов. Получается, что его антиюгославистские взгляды шли извне Словении, но начали находить какой-то отклик в рядах творческой интеллигенции.

На этом же заседании Политбюро как словенские, так и югославские политики отметили националистические деформации в первую очередь в государственном, но

также и в партийном аппарате, а некоторые обвинили словенское политбюро, что оно даже способно оказывать им поддержку [1, л. 14, 16, 18, 19]. Поэтому уже 26–27 января для разбора ситуации был созван VII пленум ЦК КПС. Докладчик Борис Крайгер, который был министром внутренних дел, отметил появление националистических тенденций [4, с. 516]. Лескошек, Маринко и Кидрич констатировали, что во время дискуссии по проекту плана «практически на всех фабриках техническая интеллигенция и особенно коммерческий персонал практически везде выступали против проекта общественного плана и доказывали рабочим, что общественный план причиняет ущерб Словении, что Словения – дойная корова, которую используют другие республики; причем этот персонал «скандалил» над различиями в нормах и т.д.». Правда Кидрич утешил себя тем, что рабочие в основном обнаружили здоровую реакцию на эти заявления [4, с. 518]. В феврале 1952 г. партийные лидеры Словении несколько дополнили эти оценки. Так Политбюро ЦК КПС выявило, что в Любляне носителями возникающих шовинистических лозунгов зачастую являются члены партии. А Кидрич выступая на совещании в Белграде отметил еще раз, где гнездится враг: «Эти мещанские и буржуазные остатки, а во многом и шовинистические, появляются особенно в коммерческих секторах и в дирекциях, и в управлениях предприятий. Мы из экономических и политических соображений не смеем допустить такие проявления шовинизма» [4, с. 528].

Для характеристики общественных настроений в Словении важно отметить поведение прессы. VII пленум выявил, что и на этом участке возникли проблемы. Кидрич обнаружил, что хотя он своевременно подготовил контраргументы против тех, кто считает Словению дойной коровой, ни одна словенская газета в этом духе ничего не написала [4, с. 520, 524]. Хуже того, Б. Крайгер констатировал формирование оппозиционных взглядов у некоторых журналистов [4, с. 516]. Кидрич согласился с его мнением, что пресса одно из самых слабых мест в республике. «Не только через газеты и журналы мы не осуществляем свое политическое влияние, но напротив мы еще и допускаем, чтобы дело доходило до очень сильного чуждого влияния» [4, с. 520].

Реальное положение с прессой было даже хуже, чем зафиксировано в доступных материалах пленума. В Словении набирала обороты информационная изоляция от Белграда и остальной Югославии. Местные жители, по крайней мере в столице, почти не читали центральных югославских газет, так как те издавались на сербскохорватском языке. Впервые мы встретили упоминание об этом в протоколе заседания Политбюро ЦК КПС от 14 июля 1951 г. Однако проблема, по-видимому, имела более глубокие корни, так как еще в апреле 1949 г. Политбюро рассматривало вопрос о словенском издании «Борбы» – главной югославской газеты. Тогда от этой идеи пришлось отказаться по техническим причинам, однако проблема никуда не исчезла и видимо только обострилась в условиях демократизации и децентрализации. 20 ноября 1952 г. Б.Крайгер отметил подчеркнутую потребность в таком издании. Вопрос вызвал у членов Политбюро очень активную дискуссию [8, с. 150, 271, 320–322]. То есть в республике получали представление о жизни

остальной Югославии в интерпретации местных журналистов, а в их среде, как мы только что видели, в условиях политики децентрализации и демократизации стали появляться оппозиционные националистические настроения. Это только усиливало центробежные тенденции и укрепляло республиканизм.

Таким образом, политика демократизации в начале 1950-х гг. способствовала оживлению национализма и республиканизма в Словении. Работники государственного хозяйственного аппарата, творческая интеллигенция и журналисты начали позволять себе заявления и действия, ставящие словенские интересы и проблемы на первое место по сравнению с общегославскими. Многие из них объясняли социально-экономические проблемы Словении тем, что она дойная корова Югославии. Оживилось мнение о культурном превосходстве словенцев и стремление дистанцироваться от Югославии. Словенское партийное руководство не справлялось с подавлением этих тенденций, что вызывало неоднократную критику из Белграда.

Список использованных источников и литературы

1. Arhiv Jugoslavije. – F. 507: Sednice IK CK SKJ. – P. III/39: Zapisnik sa sednice Politbiroa CK KPJ 15. januara 1949. godine. – L.13–25.
2. Gabrič A. Slovenska agitpropovska kulturna politika, 1945-1952 // Borec. Revija za zgodovino, literaturo in antropologijo. – 1991. – № 7-8-9. – S.470-655.
3. Kidrič B. Sabrana dela. – Beograd, 1985. – Knj.6. – 609 s.
4. Kidrič B. Sabrana dela. – Beograd, 1985. – Knj.7. – 663 s.
5. Kocbek E. O ljudski prosveti // Slovenski poročevalec. – Št. 257. – 1950. – 28 oktobra.
6. Privredna politika Vlade FNRJ. Zapisnici Privrednog saveta Vlade FNRJ, 1944–1953. – Beograd, 1995. – Knj.4. – 823 s.
7. Razgovor z Edvardom Kocbekom // Slovenski poročevalec. – Št.223. – 1950. – 19 septembra.
8. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945–1954. – Ljubljana, 2000. – 386 s.

Shakhin Y. V. Public opinion on the situation of Slovenia in the conditions of the 1950–1952 crisis

The politics of democratization in the early 1950's contributed to the revival of nationalism and republicanism in Slovenia. Employees of the state economic apparatus, creative intelligentsia and journalists began to make statements and actions that put Slovenian interests and problems in the first place in comparison with those of the general Yugoslavia. Many of them explained the socioeconomic problems of Slovenia by the fact that it was the cash cow of Yugoslavia. Opinion about the cultural superiority of the Slovenes and the desire to distance themselves from Yugoslavia revived. The Slovenian party leadership failed to cope with the suppression of these tendencies, which caused repeated criticism from Belgrade.

Keywords: Yugoslavia, Slovenia, public opinion, republicanism, nationalism, crisis.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Багрин
Егор
Андреевич** кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы Президентской библиотеки (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Дружинина
Надежда
Сергеевна** аспирант кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Кондратюк
Григорий
Николаевич** доктор исторических наук, профессор кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова; ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Королева
Лариса
Иосифовна** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Лосев
Константин
Викторович** доктор экономических наук, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Манаев
Александр
Юрьевич** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация).
- Михайлов
Вадим
Викторович** доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).
- Федина
Ирина
Михайловна** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Российская Федерация).

**Шахин
Юрий
Владимирович**

кандидат исторических наук, доцент Севастопольского
государственного университета
(г. Севастополь, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Багрин Е. А.	
Гарнизон Нерчинска в конце 1689–1691 гг.....	3
Дружинина Н. С.	
«Дань уважения мужеству, стойкости, доблести человеческой»: сохранение памяти о Великой Отечественной войне в деятельности Крымского отделения УООПИКа.	20
Кондратюк Г. Н.	
Развитие школьного образования в Крымской АССР в 1920-х годах	43
Королева Л. И.	
Обзор материалов личной коллекции С. И. Карниколы по истории театра в Крыму в XX в.: из фондов Центрального музея Тавриды	55
Лосев К. В., Михайлов В. В.	
Советско-чилийские экономические отношения и геополитические интересы США в западном полушарии в конце 1960-х – начале 1970-х гг.....	68
Манеев А. Ю.	
«На местах нет должного внимания к вопросам охраны историко-культурного хозяйства городов и районов Крыма»: итоговый доклад совещания о проблемах сохранения памятников полуострова в 1948 г.....	80
Федина И. М.	
Первые поселенческие образования черноморских казаков	107
Шахин Ю. В.	
Общественное мнение о положении Словении в условиях кризиса 1950–1952 гг.....	116
Сведения об авторах	125